

1848
1948

ГЕРБ РУМЫНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
EMBLÈME DE LA RÉPUBLIQUE POPULAIRE ROUMAINE

1848
IN PRINCIPATELE ROMÂNE
В Румынских Княжествах
Dans les Principautés Roumaines

ALBUM APĂRUT SUB INGRIJIREA COMITETULUI DE DIRECŢIE PENTRU SĂRBĂTORIREA CENTENARULUI ANULUI REVOLUŢIONAR 1848

АЛЬБОМ ИЗДАННЫЙ ПОД РУКОВОДСТВОМ КОМИТЕТА ПО ПРАЗДНОВАНИЮ СТОЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

ALBUM PUBLIÉ PAR LES SOINS DU COMITÉ DE DIRECTION DES FÊTES DU CENTENAIRE DE L'ANNÉE RÉVOLUTIONNAIRE DE 1848

EDITAT DE REVISTA « ARCADES » ИЗДАНИЕ „АРКАДЫ“ EDITIONS « ARCADES »

JURĂMÂNTUL DEPUS DE MEMBRII GUVERNULUI PROVIZORIU AL VALAHIEI IN ANUL 1848.

« Jur în numele unui Dumnezeu şi pe această sfântă Cruce că voi fi credincios voinţei naţiei române, apărând-o din toate puterile împotriva oricărui atac şi asuprire. Jur că nu voi lucra niciodată împotriva intereselor naţiei şi că voi ţinea şi apăra acele 21 de punturi decretate de popor, conlucrând după putinţă şi jertfind viaţa mea pentru dânsele şi pentru naţie ».

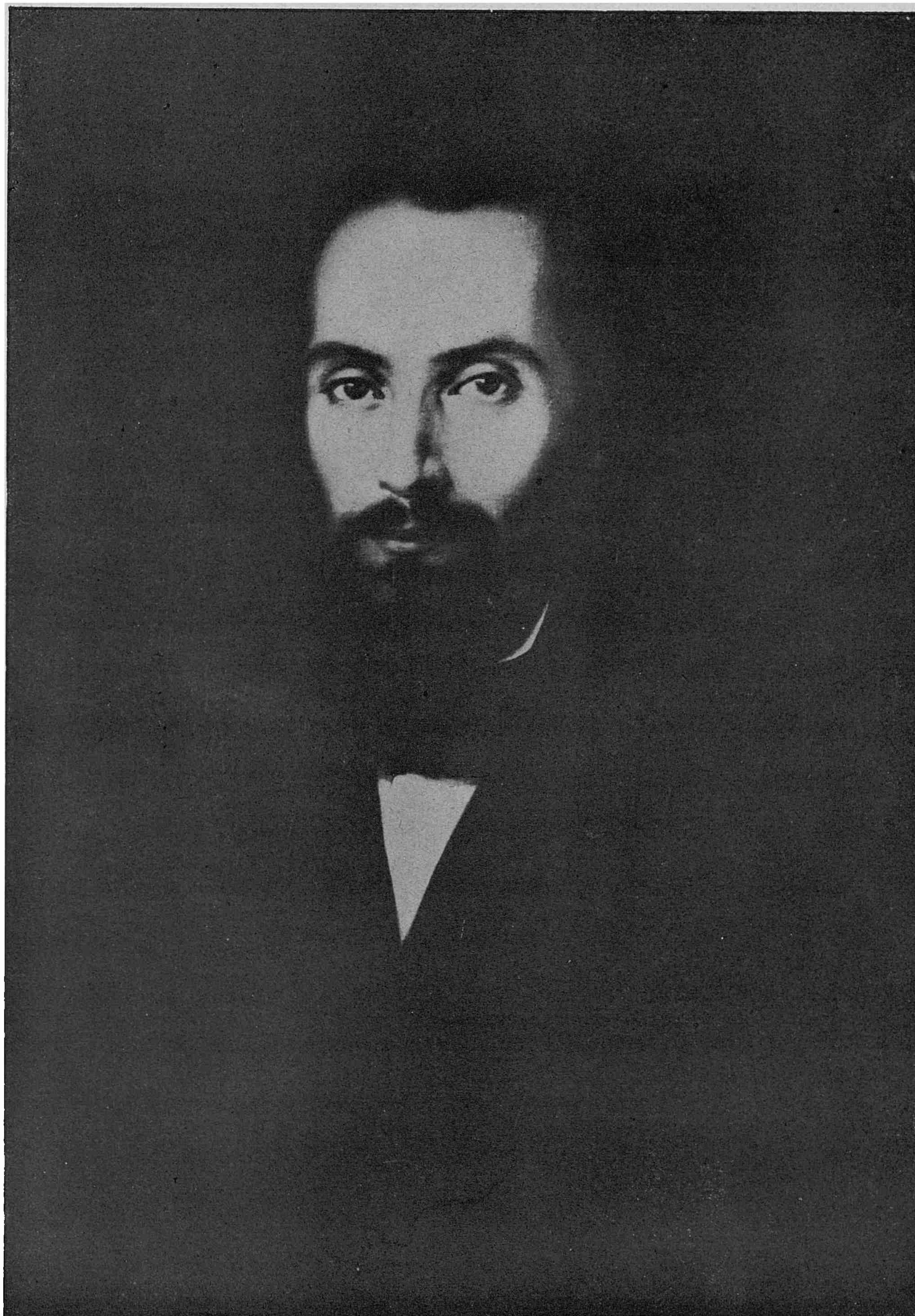
ПРИСЯГА, ПРИНЕСЕННАЯ ЧЛЕНАМИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1848 г.

„Клянусь именем бога и святого креста, что буду верен воле народа, защища я его всеми силами против нападений и угнетения.

Клянусь, что никогда не буду действовать против интересов народа и буду защищать эти 21 статья, продиктованные волей народа, сотрудничая по мере сил и жертвуя своей жизнью ради них и народа".

LE SERMENT PRETÉ PAR LE GOUVERNEMENT PROVISOIRE DE VALACHIE, EN L'AN 1848

« Je jure sur le nom de Dieu unique et sur cette sainte Croix que je serai fidèle à la volonté de la nation roumaine, en la défendant de toutes les forces contre n'importe quelle attaque et oppression. Je jure de ne jamais agir contre les intérêts de la nation et de respecter et de défendre les 21 points décrété par le peuple, en collaborant selon mes possibilités et en sacrifiant ma vie pour eux et pour la nation »,

Nicolae Bălcescu în 1851, de pictorul Tătărescu. Nicolae Bălcesco en 1851, par le peintre Tătăresco.

Николай Бэлческу в 1851 г. Худ. Тэтэреску.

JURĂMÂNTUL DEPUS DE MEMBRII PREZIDIULUI MAREI ADUNĂRI NAŢIONALE FAŢĂ DE REPUBLICA POPULARĂ ROMÂNĂ

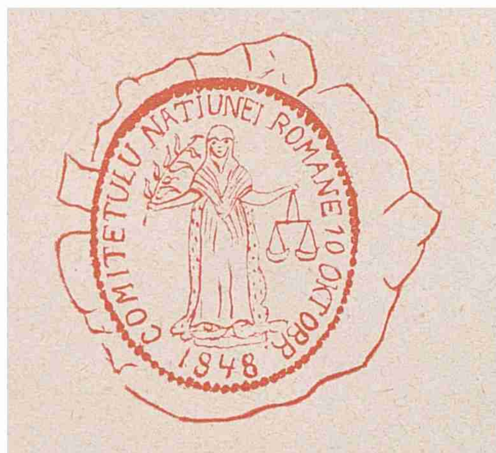
« Jur că voi servi poporul și Republica Populară Română cu tot devotamentul și puterea mea de muncă, că voi păzi și respecta Constituția și legile țării, că voi păstra secretele de stat și voi apăra interesele poporului și ale Statului, libertățile democratice și independența Patriei ».

Присяга, принесенная Румынской Народной Республике Президиумом Великого Национального Собрания.

„Клянусь, что буду служить народу и Румынской Народной Республике верою и трудом моим, буду беречь и уважать Конституцию и законы страны, сохранять государственные тайны и защищать интересы народа, государства, демократические свободы и независимость Родины".

Le serment de fidélité prêté par le Présidium de la Grande Assemblée Nationale à la République Populaire Roumaine

« Je jure que je servirai le peuple et la République Populaire Roumaine avec tout mon dévouement et toute ma puissance de travail, que je respecterai la Constitution et les lois du pays, et veillerai sur elles; que je conserverai les secrets d'État, les libertés démocratiques et l'indépendance de la Patrie. »

APOLOGIE

Voir texte : page 130 См. текст стр. 99

Generațiile care au precedat constituirea Republicii Populare Române nu l-au cunoscut pe adevăratul Bălcescu; mai bine zis n'au voit să-l cunoască; și au pus în umbră ce a fost mai important în activitatea politico-socială și în opera scrisă a acestui bărbat extraordinar.

Intr'adevăr, lui Nicolae Bălcescu i s'a atribuit « Cântarea României », operă de mare suflu poetic, care e a lui Alecu Russo. I s'au lăudat monografiile istorice privind pe Mihai Vodă Viteazul și puterea armată la Români. Acestea pot fi merite onorabile care însă nu ne puteau arăta pe adevăratul Bălcescu. I s'a așezat o aureolă de patriot pribeag la națiile apusene și moartea lui timpurie la Palermo, în Sicilia, a fost, la noi, deseori prilej de lamentări lirice. Ca și cum Sicilienii ar fi purtat vina pieirii urgisitului și lepădării lui la groapa comună a desmoșteniților vieții. Totuși, Nicolae Bălcescu a avut rude, prieteni, cunoscuți, tovarăși revoluționari. Patriotul acesta deplâns de generația lui, lăudat ca scriitor și pomenit cu falsă pietate în cărțile didactice, a fost de fapt ostracizat de contemporani și pus sistematic în umbră, după aceea, de oligarhia care a condus așa-zisa Românie modernă.

Bălcescu, așa cum îl cunoaștem acum, a fost precursorul luptătorilor democrați care clădesc în zilele noastre România nouă. Bălcescu a fost sufletul revoluției dela 1848. Lui i se datorește proclamația dela Izlaz, în care sunt transcrise prin-

cipiile ce s'au realizat abia în timpul nostru, după 6 Martie 1945. Bălcescu a fost republicanul care a văzut limpede acum un veac crudele nedreptăți sociale și mizeria morală în care trăia nația română în Principatele dunărene, sub oblăduirea feudală a boierilor și ciocoilor. In broșura lui despre problemele economice ale țării sale, publicată în străinătate, el osândește fără crutare regimul de privilegii, nelegiuiri și exploatare a omului în Principate, arătând lucid realitățile și privind revoluția nu ca un accident, ci ca un rezultat istoric, ca o necesitate ineluctabilă. Bălcescu e un cugetător cu mari profunziuni, care deși nu s'a ridicat până la principiile fundamentale ale dialecticei materialiste, a pătruns totuși adeseori adevărurile istorice în mod dialectic. Republicanul și democratul Bălcescu preconizează o istorie revoluționară, care să nu se ocupe de biografiile principilor, ci de instituțiile poporului.

Acest om privea dincolo de timpul său. Revoluția el o socotea nu numai a neamului românesc. Fenomenul marilor prefaceri îl extindea la toate neamurile asuprite ale continentului. Pentru robii vieții nedreptatea era aceeași pretutindeni. De aceea el era pentru unirea Românilor cu Ungurii împotriva asupritorilor Habsburgici. Văzând dincolo de nația sa și luptând pentru umanitate în furtuna anului 1848, Bălcescu a fost singurul care, în scurtul răstimp al trecerii lui meteorice printre Români, a ales și s'a menținut pe calea justă.

Fac mărturisirea că, după ce am statornicit în mine însumi pe Nicolae Bălcescu în drepturile ce i se cuvin ca luptător revoluționar și scriitor progresist, mă simțesc puțintel stânjenit față de memoria lui Mihail Kogălniceanu. Noi publiciștii ieșeni îl socoteam pe acesta din urmă cel mai de frunte democrat al nostru. Iată că acum față de Bălcescu sunt înclinat să-i găsesc lui Kogălniceanu prea multă retorică în chestia țărănească, prea multe aderențe cu lumea de huzur în care trăia. In lirismul lui se găsesc regrete romantice, compromisuri cu filantropii beneficiari. Pe când Bălcescu respinge dintr'o dată, ca pe o neagră urgie, pe boieri, în care vede piedica desvoltării normale a țării noastre, pricina sărăciei și ignoranței norodului. Pentru că spiritul rece și științific al lui Bălcescu vede sistemul, nu persoanele. Putea regimul trecut să numere personalități generoase: mizeria poporului rămânea aceeași. Numai răsturnând complect acest trecut de arbitrar și silă și dând poporului toate drepturile, aducând toată obștea la lumină și bună stare, facem lucru bun și durabil.

Noțiunea de libertate a democrației romantice trebue revizuită și adusă la realități precise și necesare. De aceea statul nostru nou e îndreptățit să tragă toate consecințele din revoluția populară.

Se afirmă că n'ar fi just să sufere aspra justiție a poporului cei care au moștenit fără voia lor (însă cu entusiasm!) stări de lucruri nedrepte?

Să se întrebe acești ultimi profitori ce răscumpărare se poate da poporului — nu pentru coroana de fier înroșit în foc a lui Doja, nu pentru sfărâmarea pe roată a lui Horia, nu pentru jupuiții de vii și rupții în patru cu caii, nu pentru înăbușiții în fum de ardeiu și detunații cu artileria; ci pentru osânda în pușcăria seculară a ignoranței și pentru lipsurile în care se zbat încă acești ostenitori din veac pe un pământ care e al lor prin dreptul muncii. Poporul își dobândește însfârșit toate drepturile și nu are a face nici un fel de tranzacție.

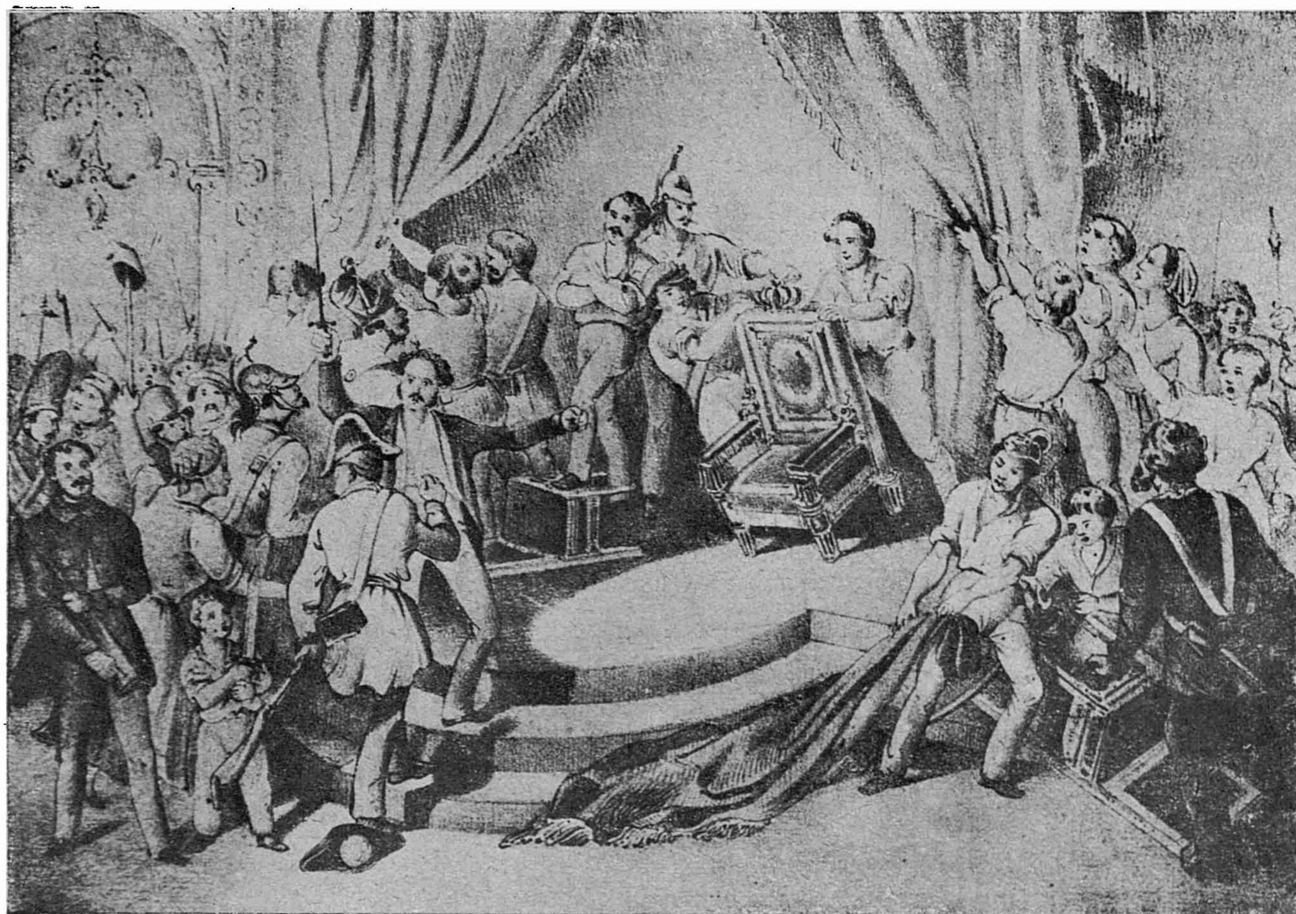
Cât de sus și de izolat stă Bălcescu față de contemporanii săi! . . .

« Buntușnicii » dela Iași, opozanți în regimul lui Mihai Vodă Sturdza, care râvneau sincer schimbări în folosul lor și țintea întâi și întâi să scurteze privilegiile protipendadei, au constituit viitoarea oligarhie nouă a Moldovei, ceea ce au devenit în scurtă vreme și « filfisonii » dela București. Drepturile norodului muncitor și împroprietărirea au rămas cuvinte vane în Constituția dela Islaz; iar la Iași arnăuții lui Vodă au spart sfatul pseudo-revoluționar fără să-i dea timp să elaboreze întocmirea visată. După șaisprezece ani trebui să intervină lovitura de stat a lui Cuza, spre a realiza eliberarea țărănimii. Dar coaliția sinistră a boierimii și a burgheziei liberale reintroducea « boierescul » prin legea nouă a tocmelilor agricole și, refuzând micii proprietăți agricole înlesnirile de a-și agonisi un inventar, ducea lumea rurală la pieirea prin subnutriție, pelagră, tuberculoză, și sărăcire treptată. Regimul feudal al boierimii pe care Nicolae Bălcescu îl socotise fatal țării, a continuat a fi urgie și nenorocire pentru poporul nostru, întârziindu-i emanciparea. Căderea acelui regim era înscrisă în concepția economico-politică și răsturnarea lui prevăzută de singuraticul și neînduplecatul Bălcescu. Palidul gânditor de 33 de ani, care și-a găsit odihna în groapa simbolică la Palermo, se înalță astăzi în apoteoză dominând veacul său.

MIHAIL SADOVEANU

IN FRANȚA

En France — Во Франции

Poporul distrugând tronul lui Ludovic-Filip. Le peuple détruisant le trône de Louis-Philippe.
Народ рушит трон Людовика-Филипа.

IN FRANȚA

En France Во Франции

Răscoala muncitorilor din Paris în Iunie 1848. Révolte des ouvriers de Paris, Juin 1848.
Рабочий бунт в Париже, в июне 1848 г.

IN GERMANIA

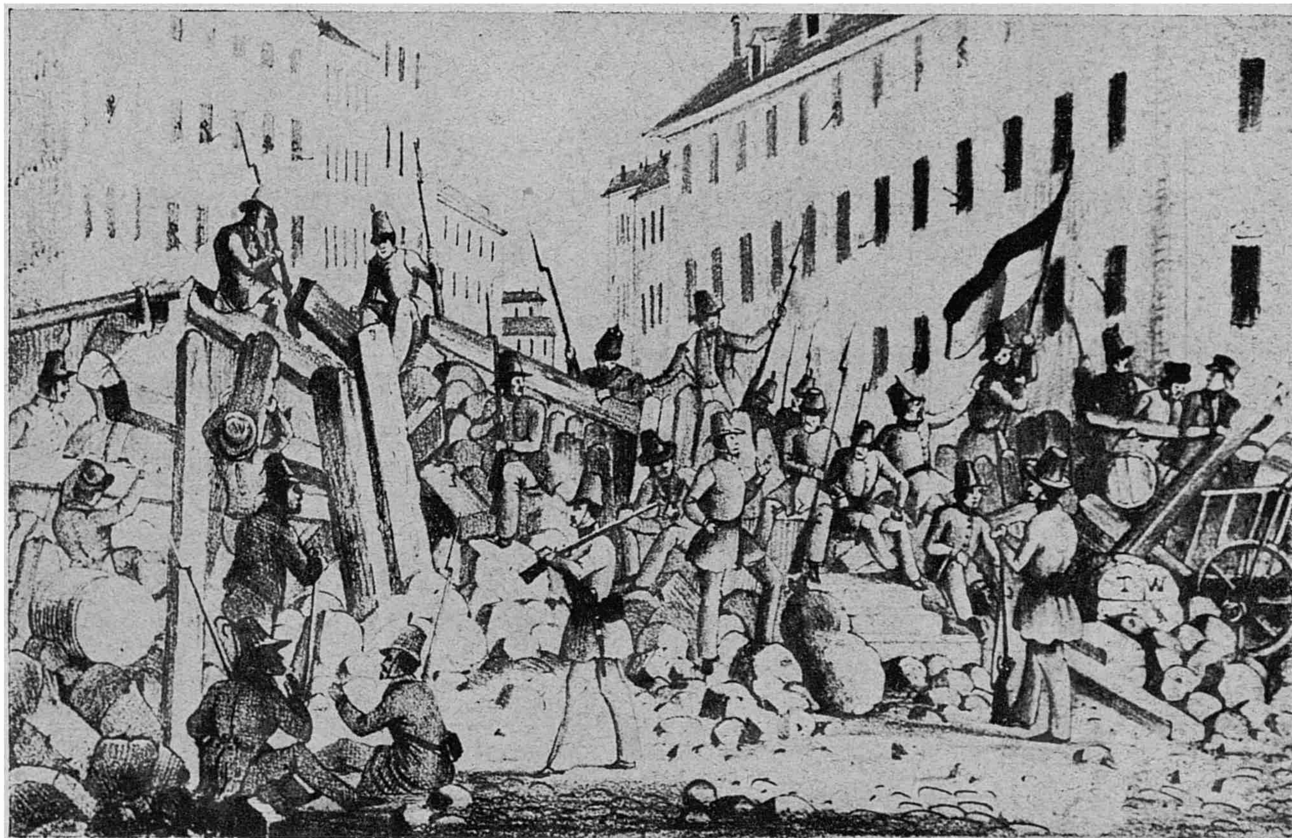
En Allemagne В Германии

Lupte de stradă la Berlin în Martie 1848. Luttes dans les rues de Berlin, mars 1848.
Уличные бои в Берлине март 1848 г.

IN AUSTRIA

En Autriche В Австрии

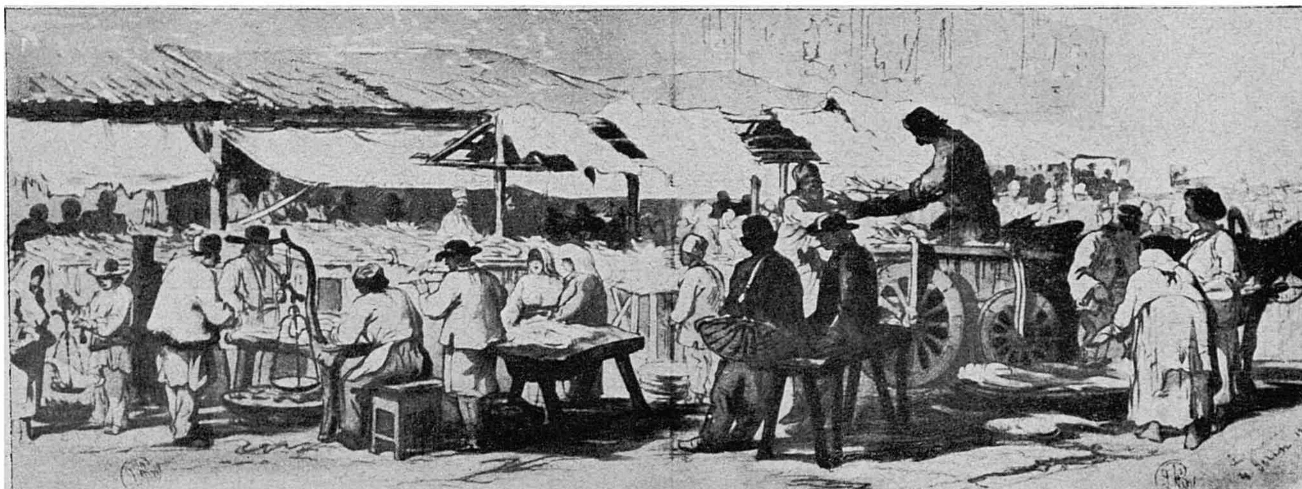
Lupte pe baricade la Viena, în Martie 1848. Luttes sur les barricades à Vienne, mars 1848.
Бои на баррикадах в Вене март 1848 г.

Statuia din Bucureşti, ridicată în cinstea pompierilor români căzuţi în lupta cu oştirea otomană la 13 Septemvrie 1848.
Памятник в честь румынских пожарных павших в борьбе с турецкими войсками 13 сентября 1848 г. воздвигнутый в Бухаресте.
Statue élevée à Bucarest à la mémoire des pompiers héros des luttes contre l'armée ottomane, le 13 septembre 1848.

Revoluţionarii din 1848 manifestând pentru Constituţia din 18 Iunie
Манифестация революционеров 1848 года за провозглашение Конституции 18 июня
Les révolutionnaires de 1848 manifestant en faveur de la Constitution du 18 juin

Târg românesc. Румынская ярмарка. Marché roumain.

GH. I. GEORGESCU BUZĂU

BRESLELE IN 1848

Цехи в 1848 г.

Текст на стр. 101

Les Corporations en 1848

Voir le texte: page 132

Un furnicar de lume roia din toate părțile Bucureștilor, îndreptându-se spre Câmpia Filaretului, în ziua de 15 Iunie 1848.

Acolo, urma să se sfințească stindardele care proclamau « egalitatea, sdrobirea fiarelor, isbăvirea de sclavie și de tiranie », cum a cuvântat un vorbitor. Totodată poporenii veneau să jure că vor păzi și vor apăra noua Constituție de atunci a « dreptății și frăției », pentru a pune capăt astfel unui trecut de împilare seculară.

« Mai mult de 30.000 de cetățeni erau acolo: preoți, meseriași, burghezi, calmi în mijlocul furiei lor, dar deciși să moară decât să renunțe la drepturile lor », semnalează o știre contimporană.

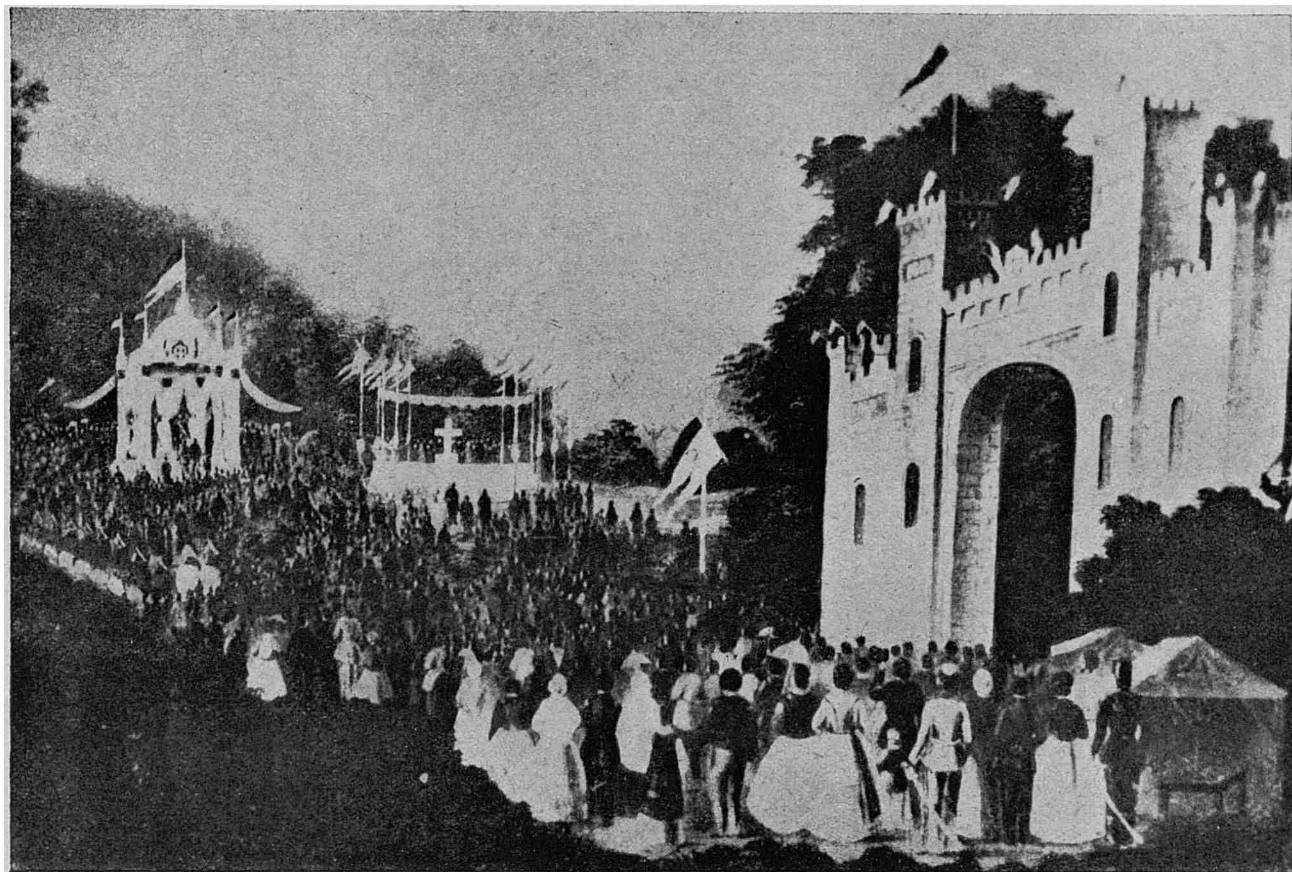
Mirajul revoluției dădea nădejdi de mai bine și lucrătorimii, al cărei sbucium era tot atât de chinuitor ca și al clăcașilor sau șerbilor vlăguiți de pe moșiile boierilor, care deveniseră și negustori.

O mărturie contemporană ne informează că în ziua de 15 Iunie 1848 toate corporațiile se aflau pe câmpia Filaretului.

Dintre corporațiile prezente, aceea a tipografilor a venit având în frunte un car mare, tras de patru cai împodobiți cu panglici tricolore. Pe car era așezat un teasc de tipar, iar deoparte și de alta a acestuia stăteau doi meșteri tipografi, ținând în mână steagul libertății. De jur împrejur, lucrătorii tipografi imprimau o poezie de ocazie, prin care se proslăvea libertatea tiparului și pe care au aruncat-o în drum în mii de exemplare mulțimii de pe ulițile Bucureștilor, ca și poporului răspândit pe câmpia Filaretului.

Un contimporan, col. Gr. Locusteanu, notează în « Amintirile » sale că « tabacii și măcelarii au jucat principalul rol în revoluția dela 1848 ». Faptul este confirmat și de o poezie ocazională publicată în ziarul « Poporul Suveran » din 16 Iunie 1848 și intitulată « Către frații noștri tabacii ». Autorul anonim își arată aici recunoștința față de aceștia, calificându-i « fii ai nobilului popor » și mărturisind că « pana lui se onorează » cântând pe aceia care luptă « pentru patria iubită, pentru sfânta libertate ».

Erau tabacii din mahalaua căreia i-au lăsat numele, iar alături de ei se aflau și alți muncitori din manufacturile și atelierele de atunci, ca: pânzarii, brutarii, croitorii, etc. Ei aveau experiența căpătată cu opt ani mai înainte, când împreună cu « ciocănașii » dela ocne și cu « mărginașii » participaseră și ei la un complot descoperit de ocârmuire înainte de a fi izbucnit.

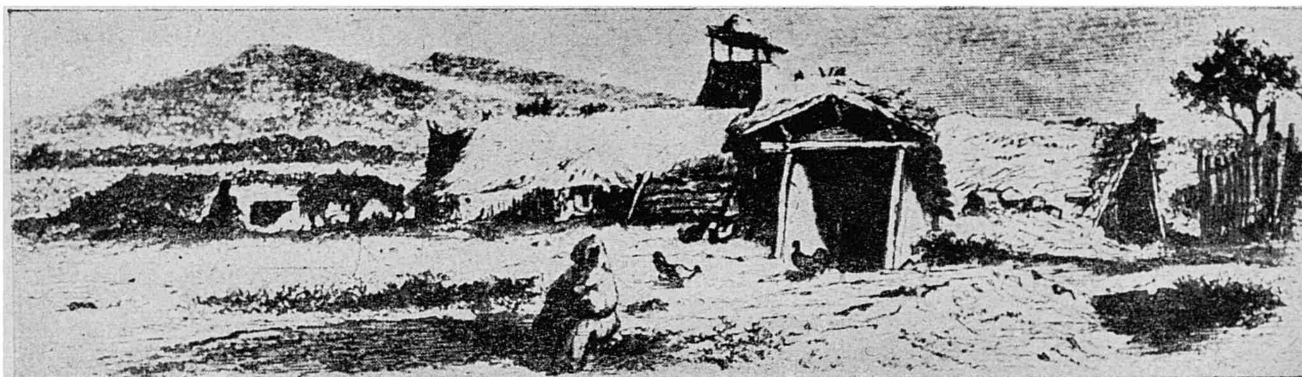

Adunarea de pe Câmpia Filaretului, lângă București, la 15 Iunie 1848.
Народное собрание на Филаретском Поле в Бухаресте 15 июня 1848 г.
La grande assemblée du 15 juin 1848, qui eut lieu au Champ de Filaret, près de Bucarest.

Participarea tabacilor la revoluție este arătată și într'o satiră reacționară contemporană, care menționează în derâdere: « desculți și cu golani » adunați « cu tabaci și mitocani », « colo'n câmp la Filaret numit Câmpul Libertății ». Este vorba prin urmare de elementul proletar al timpului.

Dar și după 15 Iunie 1848, corporațiile de lucrători au fost prezente la toate manifestările și la toate încercările grele ale mișcării, constituind un element de seamă în frământarea revoluționară din 1848. Lucrătorii aceștia și-au dat chiar tributul de sânge, în măcelul provocat de reacțiune la 19 Iunie 1848 pentru răsturnarea conducerii revoluționare. Printre cei 7 morți căzuți atunci, este și un anume Dumitrache « Croitoru », iar printre răniți este menționat și un « abagiu ».

Era începutul jertfelor muncitorimii, din rândurile căreia aveau să mai cadă încă multe victime, până când să facă să birue năzuințele populare, ce duc spre înlăturarea oricărei exploatări.

Bordeie ţărăneşti în veacul trecut. Крестьянские хибарки в прошлом столетии. Chaumière mi-souterraine, au siècle dernier.

MIRON BELEA-FIUL

ŢARANIMEA IN 1848

Крестьяне в 1848 г.

Текст на стр. 102

La Paysannerie en 1848

Voir le texte: page 134

Bordeie țărănești în veacul trecut. Крестьянские хибарки в прошлом столетии. Chaumières du siècle passé.

Deși mișcarea revoluționară din 1848, ideile și programul ei nu au pornit dela țărani, ca în 1907, aceștia au participat în mare număr la frământările ei.

Țărănimea, robită de boieri, trăia în mizerie și beznă.

Pământul nu era al plugarilor. Numărul zilelor de clacă crescuse: în Transilvania, de pildă, țăranii munceau 52 de zile pe an cu vitele, sau 104 zile cu brațele, dădeau dijma și nenumărate plocoane. Așa se explică participarea țărănimii la revoluție — mai ales în Valahia și Transilvania.

In Moldova, în cunoscuta jalbă către domn, dintre cele 35 de cereri, nici una nu pomenea de desființarea iobăgiei și împroprietărirea țăranilor. Mișcarea revo-

Dorobanţi de judeţe. „Доробанц" (жандарм). Dorobantz (gendarmes) de districts.

luţionară a nesocotit ţărănimea, deşi aceasta ardea de dorinţa de a lupta pentru pământ. Ca urmare, acţiunea revoluţionară a fost înăbuşită în faşă.

Alta a fost însă participarea ţărănimii la revoluţia burghezo-democratică din Valahia.

Aici, conducătorii revoluţiei s'au priceput să ridice împotriva moşierimii mase largi de clăcaşi şi târgoveţi şi să impună a se înscrie « emanciparea clăcaşilor, ce se fac proprietari prin despăgubire » – în Proectul de Constituţie ce însoţea istorica Proclamaţie dela Islaz şi care a fost cetit în faţa unei mari mulţimi de ţărani.

Guvernul provizoriu a organizat o largă agitaţie revoluţionară la ţară. « Comisarii de propagandă » ai guvernului colindau satele adunând oamenii, cetindu-le

Ţăran valah în veacul trecut, de George Hering.
Крестьянин-Валах в прошлом столетии, рис. Жоржа Херинга.
Paysan valaque du siècle passé par George Hering.

Proectul de Constituție și lămurindu-le fiece articol, interesându-se de starea de spirit și nevoile locale, răspunzând la întrebările țăranilor și cerându-le să jure credință guvernului.

Ţăran valah în veacul trecut, după Valério. Paysan valaque du siècle passé, d'après Valério.
Крестьянин-Валах прошлого столетия, рис. Валерио.

Bălcescu scotea «Invăţătorul satelor» şi apăra cu hotărîre dreptul ţăranului la pământ, drept pe care Eliade îl numea «tâlhărie».

Dar, în ciuda clarviziunii lui Bălcescu, revoluţia a mers spre înfrângere.

Ţărănimea, părăsită de cei în care-şi pusese nădejdea, a luat armele în mâini. Un lung şir de răzmiriţe ţărăneşti – necercetate încă de istoricii noştri – au urmat răsturnării guvernului provizoriu.

In Transilvania, revoluţia dela 48 a urmat unui lung şir de răscoale, dintre care amintim pe cea din Zarand (1833) şi pe cea a Moţilor conduşi de Catarina Varga (1841—1847).

In anul 1848, încă din primăvară, ţăranii intraseră pe moşiile grofilor, împărţindu-le între ei.

Conducătorii revoluţiei din Ungaria proclamaseră ca obiectiv al luptei lor nu numai o patrie maghiară liberă, dar şi desrobirea iobagilor ca şi desfiinţarea muncilor obligatorii de pe moşii.

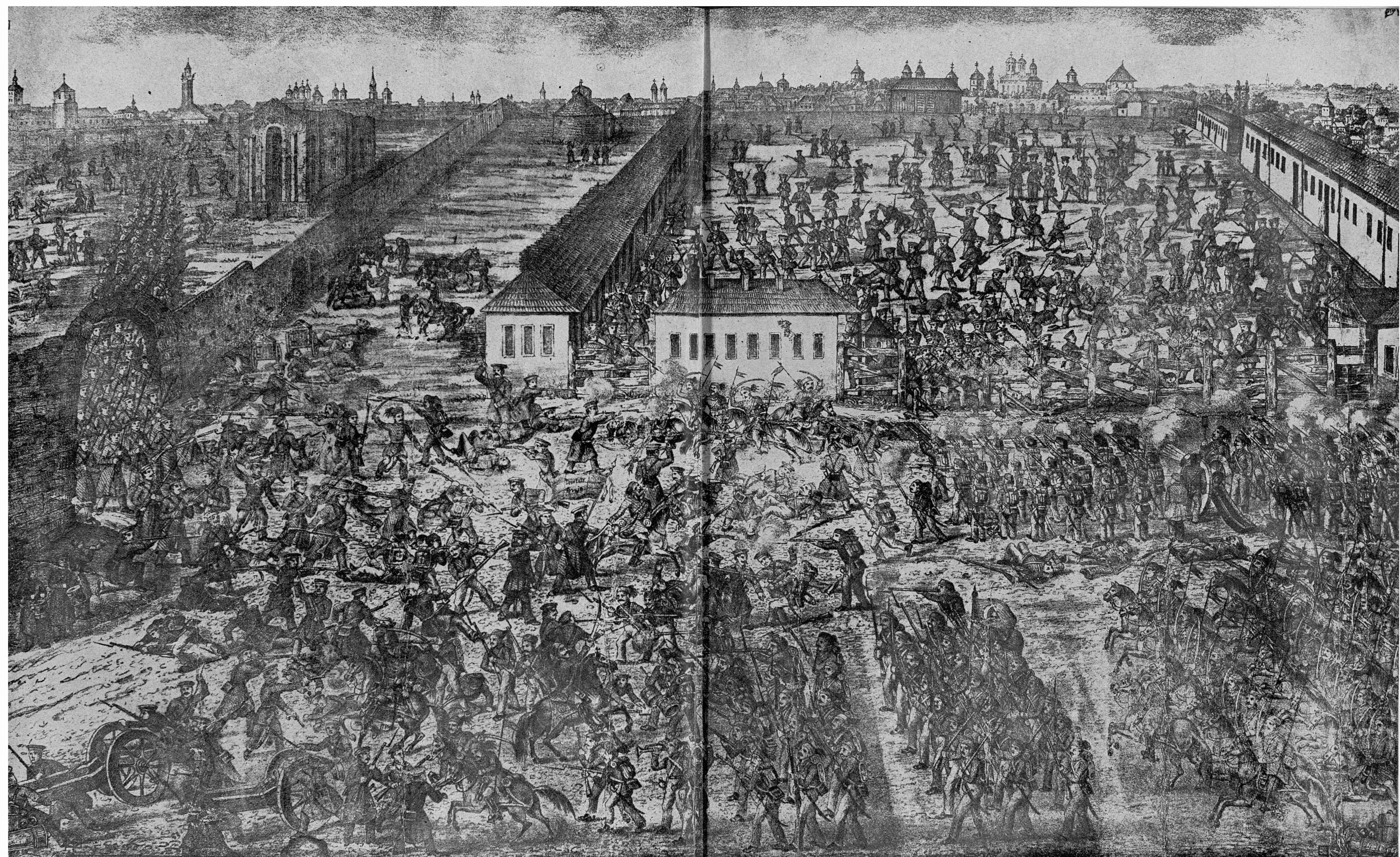
Iată dece în ziua istorică de 3/15 Mai 1848, pe câmpia Libertăţii de lângă Blaj, patruzeci de mii de ţărani din toate Comitatele Transilvaniei aşteptau semnalul luptei împotriva grofilor, pentru pământ şi libertate. Prin glasul lui Laurian, ei au cerut «înlăturarea iobăgiei şi dijmelor, fără despăgubire din partea ţăranilor iobagi».

Dar, după cum se ştie, glasurile lui Bălcescu şi Petöfi — care îndemnau la înfrăţirea între iobăgimea română şi cea maghiară, pentru lupta comună împotriva Habsburgilor — nu au fost ascultate. Iobagii nu şi-au putut cuceri drepturile.

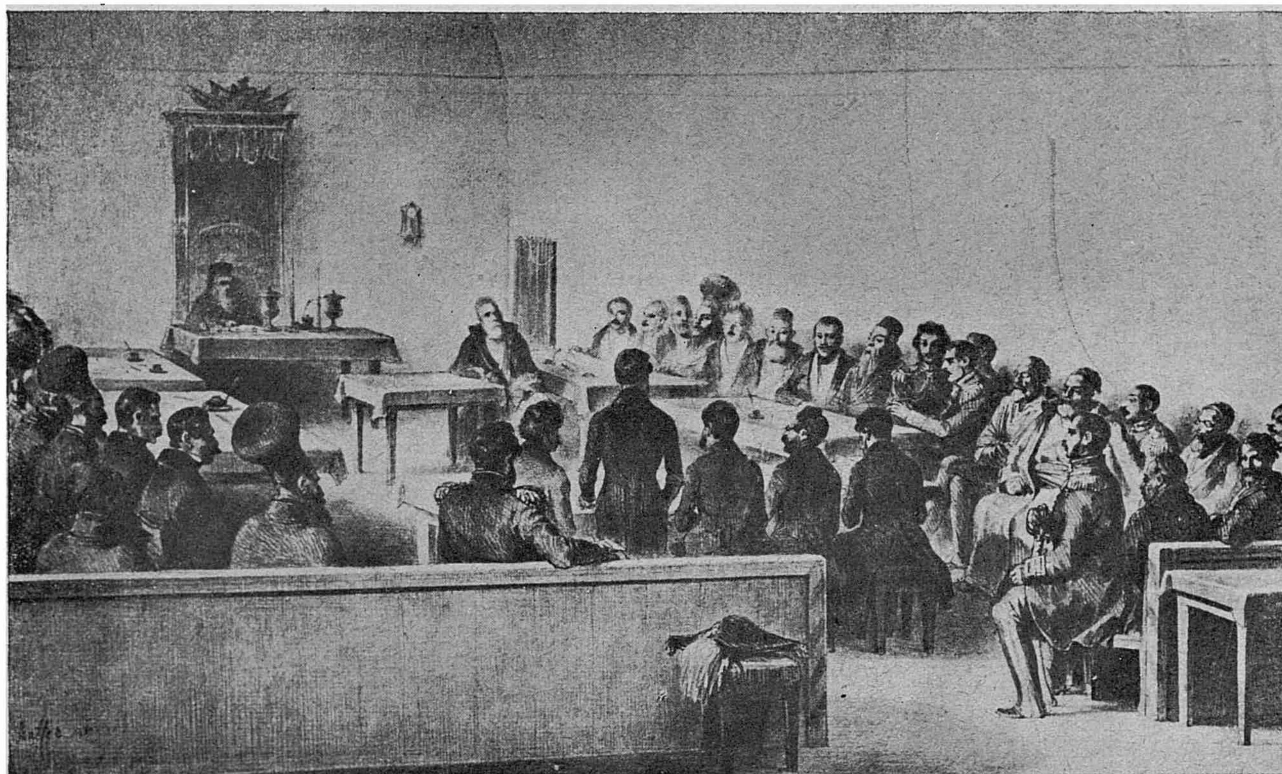
Revoluţia din 1848, deşi neterminată, a deschis totuşi calea desfiinţării iobăgiei.

După aproape un secol, reforma agrară din 1945 a dat plugarilor pământ şi libertate. Iar în 1948, deputaţii plugari pe care poporul i-a trimis în Marea Adunare Naţională a Republicii Populare Române au votat Constituţia, care asigură pe ţărani că «Pământul aparţine celor ce-l muncesc» şi «Statul protejează proprietatea de muncă ţărănească». (art. 9).

Acestea toate au fost cu putinţă pentrucă, în noile condiţiuni istorice ale secolului nostru, plugărimea a găsit un aliat puternic şi sincer, muncitorimea. Sub egemonia acestei noi forţe sociale, obiectivele de luptă ale plugărimii din 1848 au fost atinse şi mult depăşite.

Lupta din Dealul Spirei între ostaşii români şi armata otomană, la 13 Septemvrie 1848. Litografie după un desen de R. Danielis
Битва румынских воинов с отоманскими войсками в „Дялул Спирей“, Бухарест, 13 сентября 1848 г. Литография по рисунку Р. Даниелис
Combat des soldats roumains à « Dealul Spirei », Bucarest, contre l'armée ottomane, le 13 Septembre 1848. Lithographie d'après un dessin de R. Danielis

Sfatul boierilor în Bucureşti, după o gravură de Raffet. Assemblée des boyards à Bucarest, d'après une gravure de Raffet.
Боярский Совет в Бухаресте, по гравюре Раффе.

V. MACIU

BOIERII IN 1848

Бояре в 1848 г.

Текст на стр. 103

Les Boyards en 1848

Voir le texte : page 136

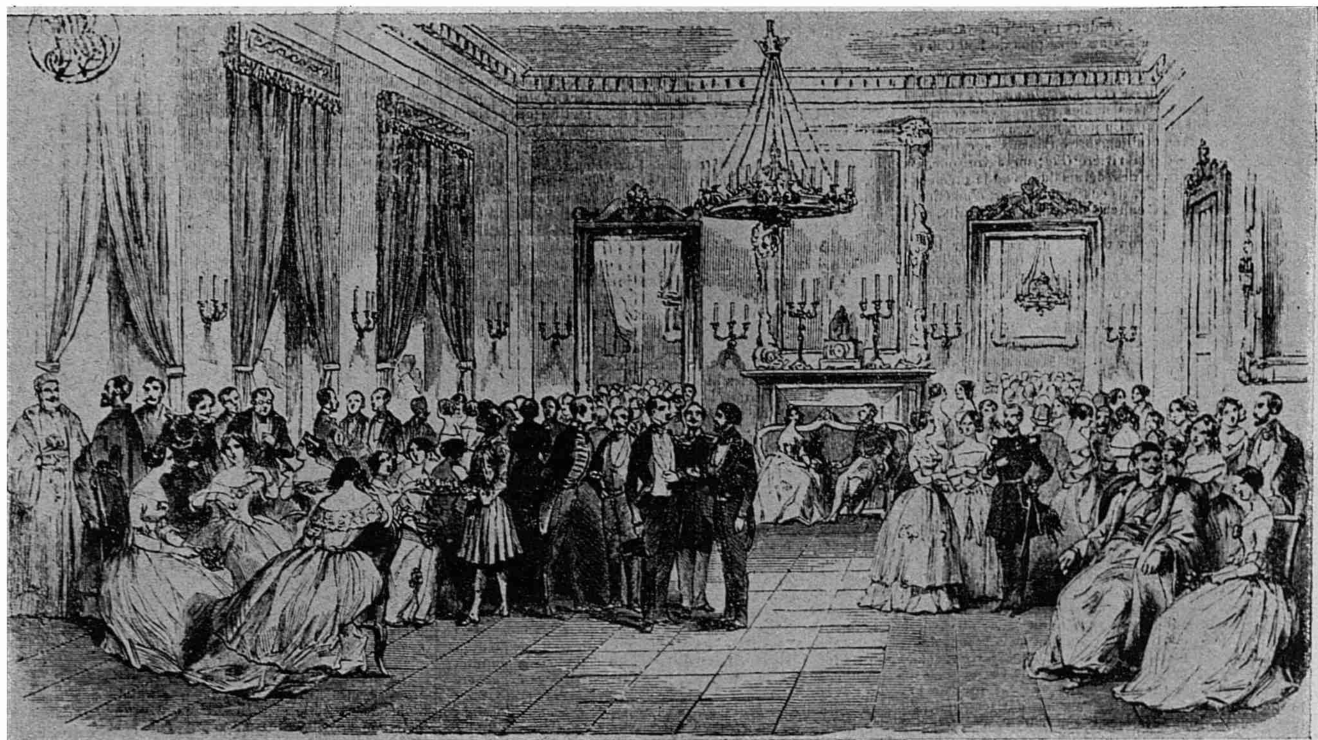
Tip de negustor din veacul trecut. Type de marchand au siècle passé.
Тип купца прошлого столетия.

Pătrunderea capitalismului comercial în cele două principate, în special după tratatul dela Adrianopol, destrăma relațiile de producție feudale. O parte dintre boieri, intrată în circuitul relațiilor capitaliste, se arată dispusă să accepte înlăturarea unor privilegii boierești.

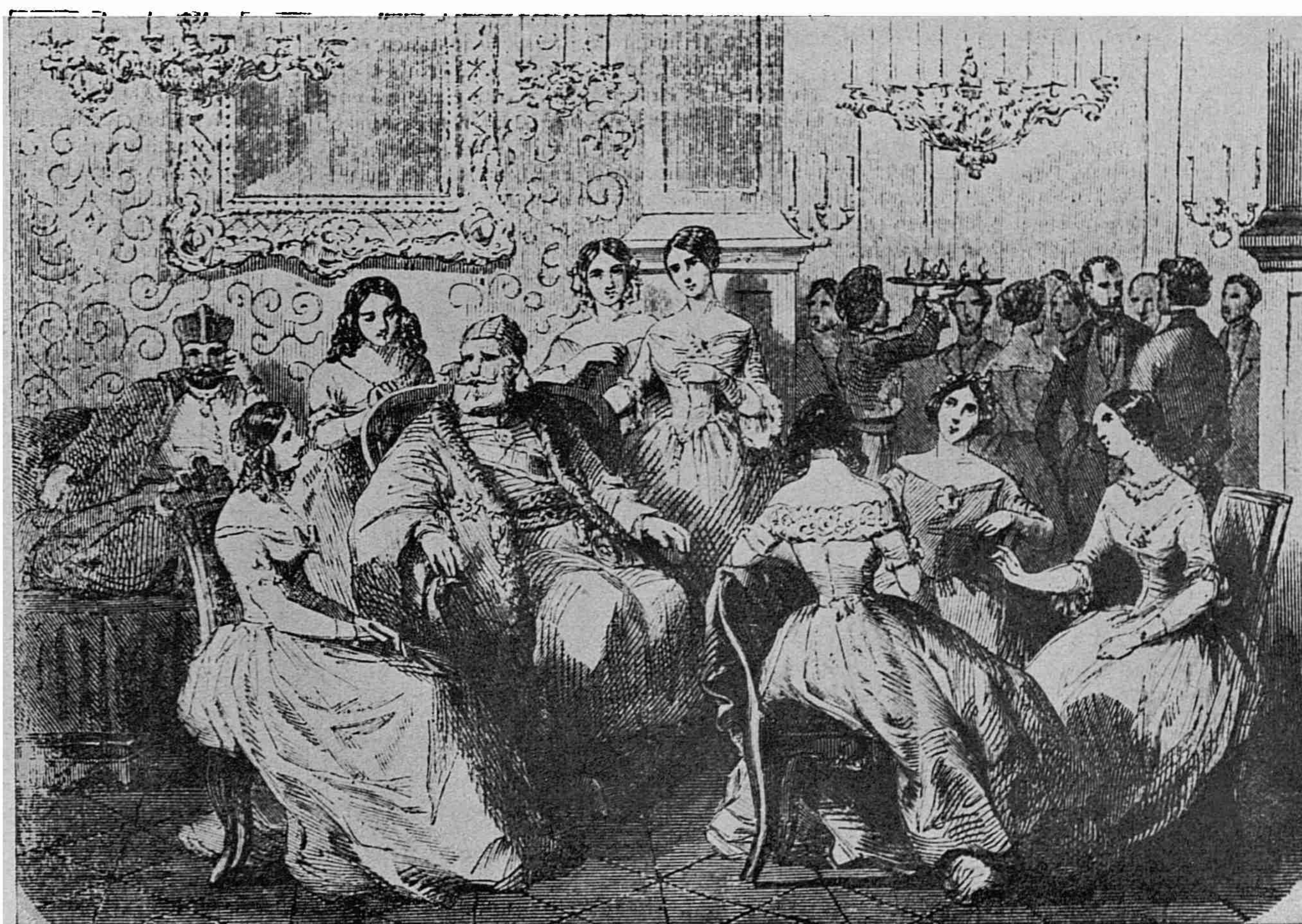
Tip de boier din veacul trecut. Type de boyard au siècle passé.
Тип помещика прошлого столетия.

Dar cea mai mare parte a boierilor s'a arătat dușmănoasă față de mișcarea revoluționară. Dacă în Moldova, unde domnitorul Mihail Sturdza înfrânase repede frământările revoluționare, boierimea dornică de a-și păstra privilegiile nu avu prilejul să acționeze pentru apărarea intereselor sale, în Valahia, unde guvernul 2

Serată dansantă la București, după M. Doussault. Soirée à Bucarest, d'après M. Doussault.

Прием у бояр в Бухаресте, по рис. Дуссо.

O sindrofie la Domnitorul Ghica la Iași, după M. Doussault. Une soirée chez le Prince régnant Ghica, à Iassy, d'apres M. Doussault.

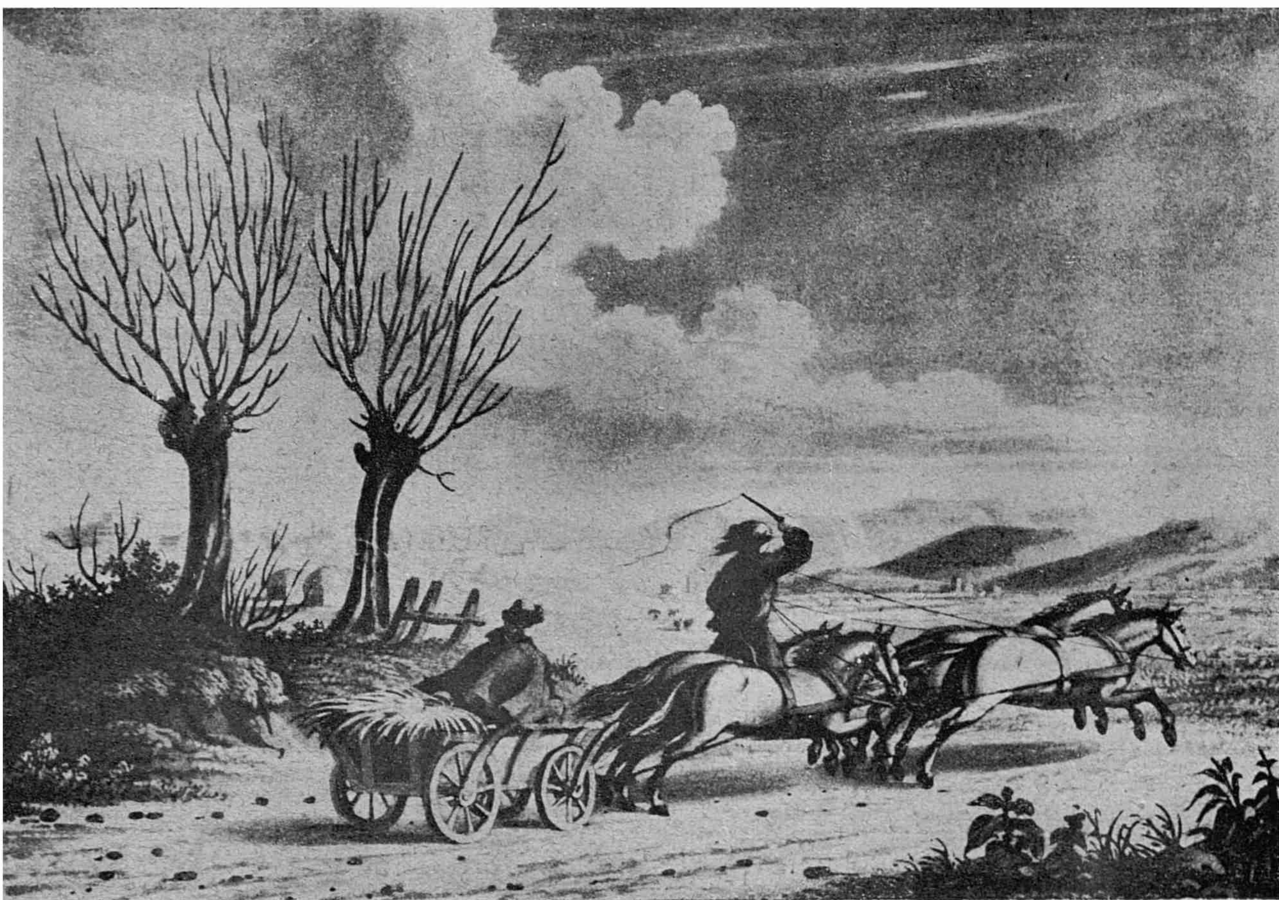
Приём у Принца Гика в Яссах, по рис. Дуссо.

revoluționar provizoriu stăpâni câteva luni, boierii retrograzi încearcă, curând după instaurarea regimului revoluționar, o contra-lovitură. In ziua de 19 Iunie st. v. 1848, ei se întruniră în sala «Redoute» unde este astăzi Capșa, și protestară împotriva intențiilor guvernului provizoriu de a împroprietări pe țaranii clăcași. Colonelul Ion Odobescu, reprezentantul lor, cu sprijinul unei părți din armată, arestă în aceeași zi o parte a guvernului revoluționar provizoriu. Dacă lovitura boierilor retrograzi n'a reușit, este pentrucă poporul bucureștean prinse de veste și se răsculă eliberând miniștrii arestați.

In Comisia proprietății, boierii — cărora le plăcea să se numească « proprietari » — au dus o luptă dârză cu reprezentanții țăranilor clăcași pentru a micșora cât mai mult cu putință lotul de pământ cu care clăcașii trebuiau să fie împroprietăriți. Pentrucă deputații acestora nu cedau, ei reușiră să facă a fi disolvată Comisia înainte de a se fi luat vreo hotărîre.

In tot timpul guvernării revoluționare, boierii au chemat necontenit în ajutorul lor forțele reacționare dinafară, cerând ajutor armat contra revoluționarilor, în care ei vedeau niște fioroși teroriști, deși niciunul dintre boieri n'a fost omorît. Mitropolitul Neofit, care fusese pus în fruntea guvernului provizoriu, în repetate rânduri trădă guvernul ce-l prezida și țara al cărei păstor spiritual era.

Boierimea, în ansamblul ei, s'a dovedit la 1848 dușmănoasă față de înnoirile sociale și de cererile drepte ale poporului. Ea nu știa ce este patriotismul, când era vorba ca privilegiile de care se bucura să fie știrbite. Prin atitudinea ei negativă se condamna singură în fața istoriei.

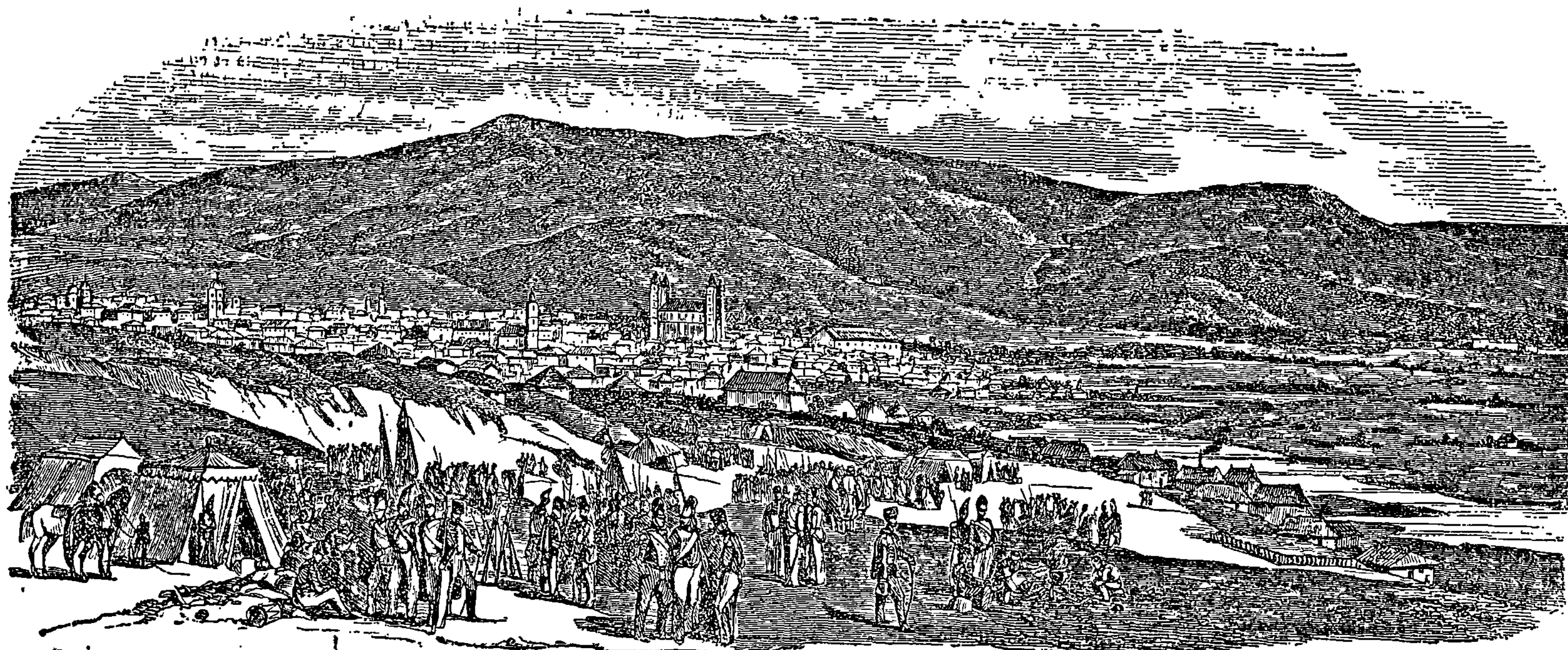
Poșta moldovenească, după Raffet. Молдавская почта, по Раффе. La poste moldave, d'apres Raffet.

Repaosul unei caravane moldovenești pentru transportul cărbunilor, după Raffet

Привал молдавского угольного обоза, по Раффе.

Halte d'un convoi moldave transportant du charbon, d'après Raffet.

Iașul în prima jumătate a veacului XIX. După o gravură de M. Bouquet. Iassy vers la première moitié du XIX-e siècle. Gravure d'après M. Bouquet.
Яссы в половине XIX века, — по М. Букэ.

P. CONSTANTINESCU-IAȘI

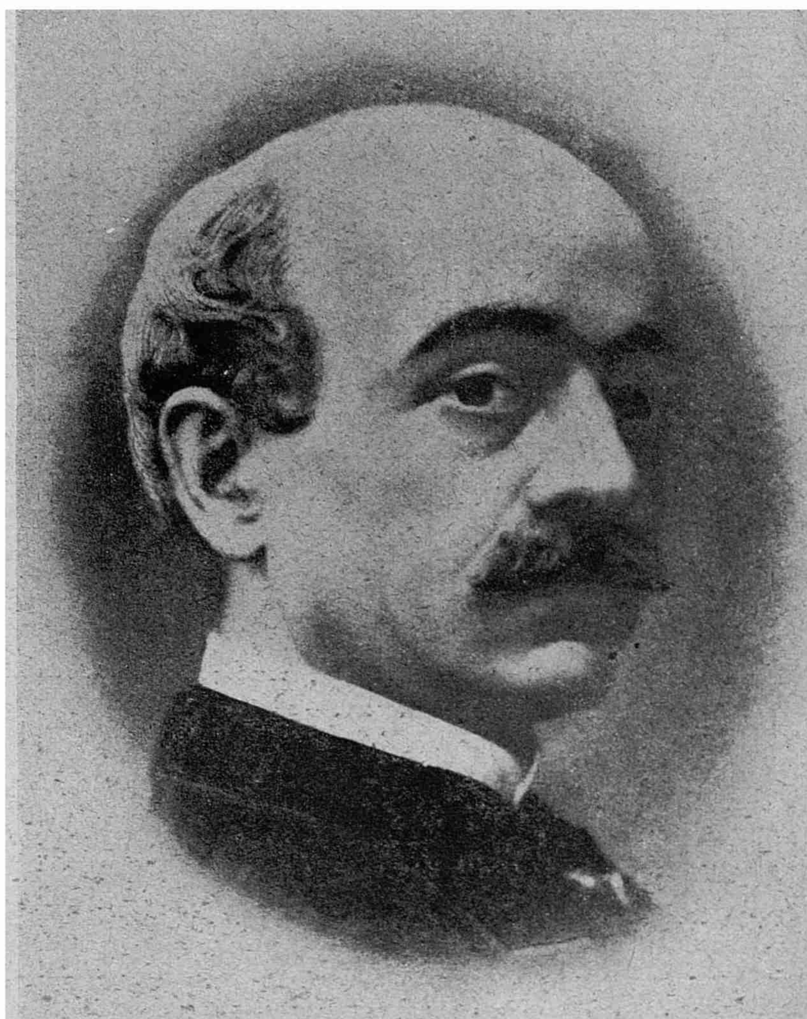
MIȘCAREA REVOLUȚIONARĂ IN MOLDOVA

О революционном движении в Молдавии 1848 г.

Текст на стр. 104

Le mouvement révolutionnaire en Moldavie

Voir le texte : page 137

Poetul Vasile Alecsandri. Le poete Vasile Alecsandri.
Поэт Василий Александри.

ropriu zis nu se poate vorbi de o revoluție în Moldova la 1848, ci mai mult de o încercare, din nefericire nereușită, în cadrul marilor mișcări revoluționare care au cuprins aproape toate popoarele Europei.

In Moldova, revoluționarii : boierii mari nemulțumiți de autocratismul lui Mihail Sturdza, tinerii boieri progresiști, cât și intelectualii înaintați ca Alexandru Ioan Cuza, V. Alecsandri și alții, în mișcarea lor n'au știut să se lege nici de masele sărace orășenești și nici de țărănime, care era frământată de mari nevoi și la care pătrunsese ecoul mișcărilor revoluționare din anul 1847, ale țăranilor din Galiția vecină.

« Revoluționarii moldoveni » s'au mulțumit să se adune în cea mai mare sală publică a Iașului, în ziua de 27 Martie (8 Aprilie) și acolo să țină numeroase cuvân-

Alex. Ioan Cuza. Александр Ион Куза. Alex. Ion Couza.

tări împotriva regimului autocrat al lui Mihail Sturdza, redactând la urmă o moțiune cu o serie de revendicări, unele de ordin personal, altele lipsite de profunzime și aproape niciuna care să se refere la marile nevoi țărănești. Țărănimea a stat de o parte; târgoveții, cu toate că la adunarea dela 27 Martie au fost chemați și chiar pre-

Mihail Kogălniceanu. Михаил Когылничяну. Mihail Kogalniceano.

zenți, nici n'au fost organizați și nici nu s'au văzut prea mult vizați de revendicările petiționarilor revoluționari.

Această petiție nici n'a ajuns până la Vodă căci Domnul, simțind slăbiciunea mișcării, a luat aspre măsuri de represiune; cei mai mulți răsculați au fost arestați, ceilalți au fost nevoiți să fugă peste graniță.

Abia în lunile următoare au apărut o serie de broșuri și memorii, cele mai multe publicate în străinătate. Una din acestea, publicată de Mihail Kogălniceanu, « Dorințele partidei naționale în Moldova », cuprinde între altele: « alegerea Domnului din orice clasă socială », « emanciparea evreilor », « egalitate civilă și politică a tuturor cetățenilor » și alte deziderate destul de înaintate. Intr'o altă broșură, « Ce sunt meseriașii », autorul se ridică împotriva marilor boieri, etc. Acestea erau învățămintele încercării nereușite a mișcării din Moldova dela 1848.

Actul de abdicare al Domnitorului Gheorghe Dimitrie Bibescu, 13 Iunie 1848 (vezi: Texte şi Documente).
Акт отречения князя Валахского Георгия Димитриевича Бибеску, 13 июня 1848 г. (См. текст и документы)
L'acte d'abdication du Prince de Valachie G. D. Bibesco, la 13 juin 1848. (voir: Textes et Documents).

O stradă din București în prima jumătate a veacului XIX, gravură după Doussault.
Улица в Бухаресте в первой половине XIX столетия, гравюра по Дуссо.
Une rue à Bucarest pendant la première moitié du XIX siècle. Gravure d'après Doussault.

G. MARCUSON

VALAHIA IN 1848

Валахия в 1848 г.

Текст на стр, 105

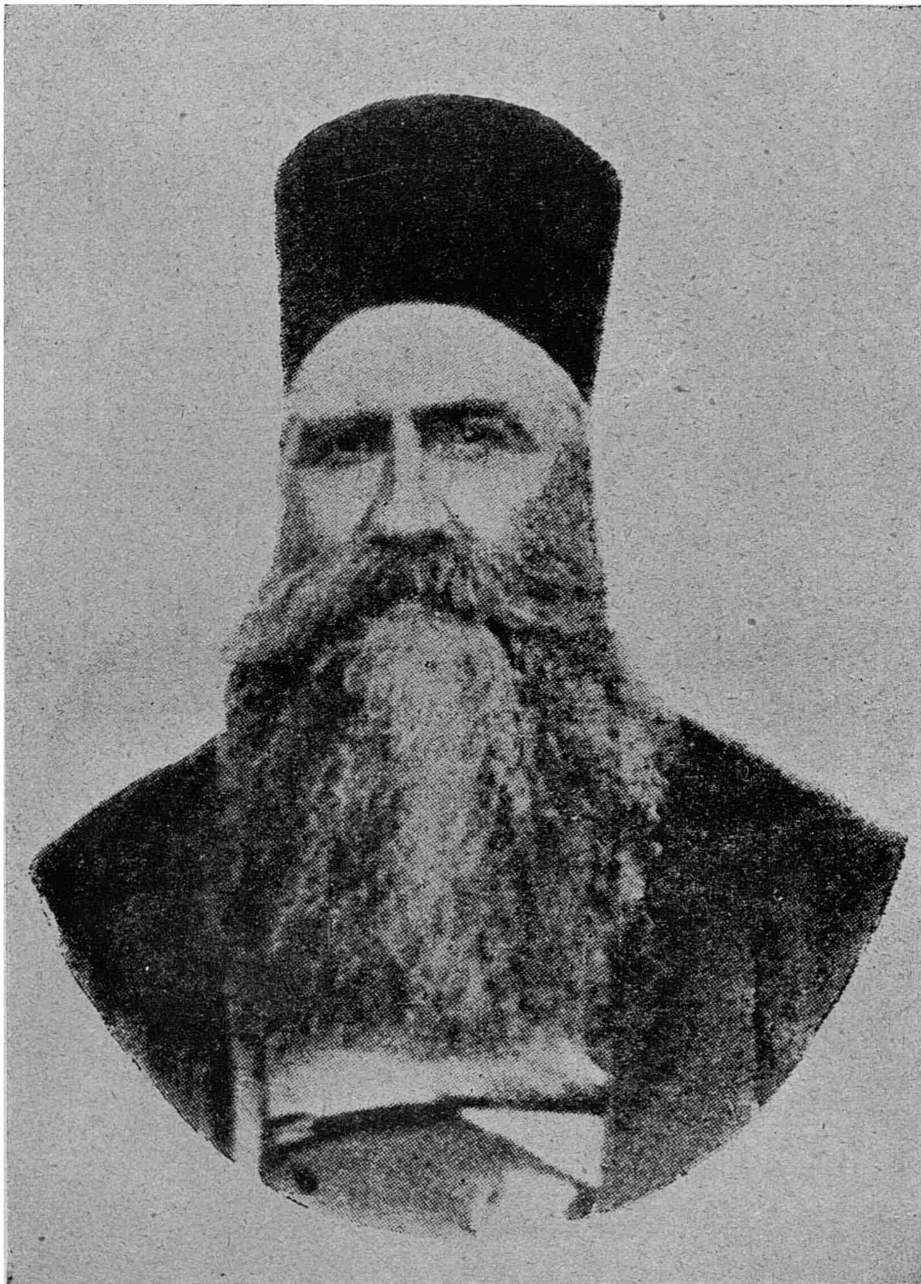
La Valachie en 1848

Voir le texte : page 138

Maiorul Cristian Tell. Майор Кристиан Телль. Le commandant Christian Tell.

işcarea revoluţionară care a cuprins Valahia în anul 1848 a fost rezultatul descompunerii feudale şi a unei relative desvoltări, mai puternice, a orânduirii capitaliste.

Popa Şapcă. Священник Шапка. Le prêtre Şapca.

Au apărut forţe sociale noi şi idei noi, care au iniţiat şi condus din ce în ce mai făţiş lupta împotriva privilegiilor feudale. La această desvoltare proprie Valahiei, au contribuit şi ideile Marei Revoluţii burgheze din Franţa.

Ana Ipatescu. Анна Ипатеску. Ana Ipatesco.

Evenimentele din 1848 în Valahia nu au avut așa dar un caracter spontan. Ele au fost pregătite prin conjurațiile care le-au premers, de organizațiile secrete revoluționare ce luaseră ființă, după cum fusese pregătită dinainte baza programatică pentru care se vor desfășura aceste evenimente.

Generalul Gh. Magheru

Генерал Г. Магеру

Le Général Gh. Magheru

C. A. Rosetti. К. А. Росетти. Ç. A. Rosetti.

Această bază programatică o găsim în Proclamația dela Islaz, care printre altele prevedea: eliberarea țăranilor și împroprietărirea lor, cucerirea independenței țării, o adunare constituantă aleasă de toate stările societății, egalitatea tuturor cetățenilor indiferent de naționalitate și religie, etc.

Pentru realizarea acestui program a început revoluția la 9 Iunie la Islaz. Pentru el s'au răsculat negustorii și lucrătorii din București la 11 Iunie. Au venit să-l sprijine la București mii de țărani, la 15 Iunie.

Greutăți interne și externe au contribuit ca principiile cuprinse în programul Revoluției să nu poată fi realizate. Uneltirile boerilor reacționari și cedările grupării moderate conduse de Eliade au dus la acea situație, că nu s'a acordat poporului de îndată votul universal și nici nu s'a realizat una din problemele fundamentale de care depindea victoria revoluției: eliberarea țăranilor și împroprietărirea lor, în ciuda grupării radicale condusă de Bălcescu, care cerea realizarea acestor desiderate.

S'a contravenit de către gruparea lui Eliade și la principiul care cerea lupta pentru suveranitatea națională — prevăzut în Proclamație — pentru care Bălcescu, C. A. Rosetti, Magheru și alții ceruseră înarmarea poporului, pentru lupta împotriva armatelor otomane care încălcaseră țara.

Nesatisfăcându-se cerințele fundamentale ale mulțimii, țărănimea pierde încrederea în guvernul revoluționar. Ea nu-l mai sprijină, îl lipsește de baza de massă, ceea ce duce astfel la înfrângerea ei.

Revoluția dela 1848 în Valahia a rămas neterminată. Clasei muncitoare și partidului ei de avantgardă i-a revenit această misiune istorică, pe care a îndeplinit-o și prin care asigură mersul înainte al Republicii Populare Române.

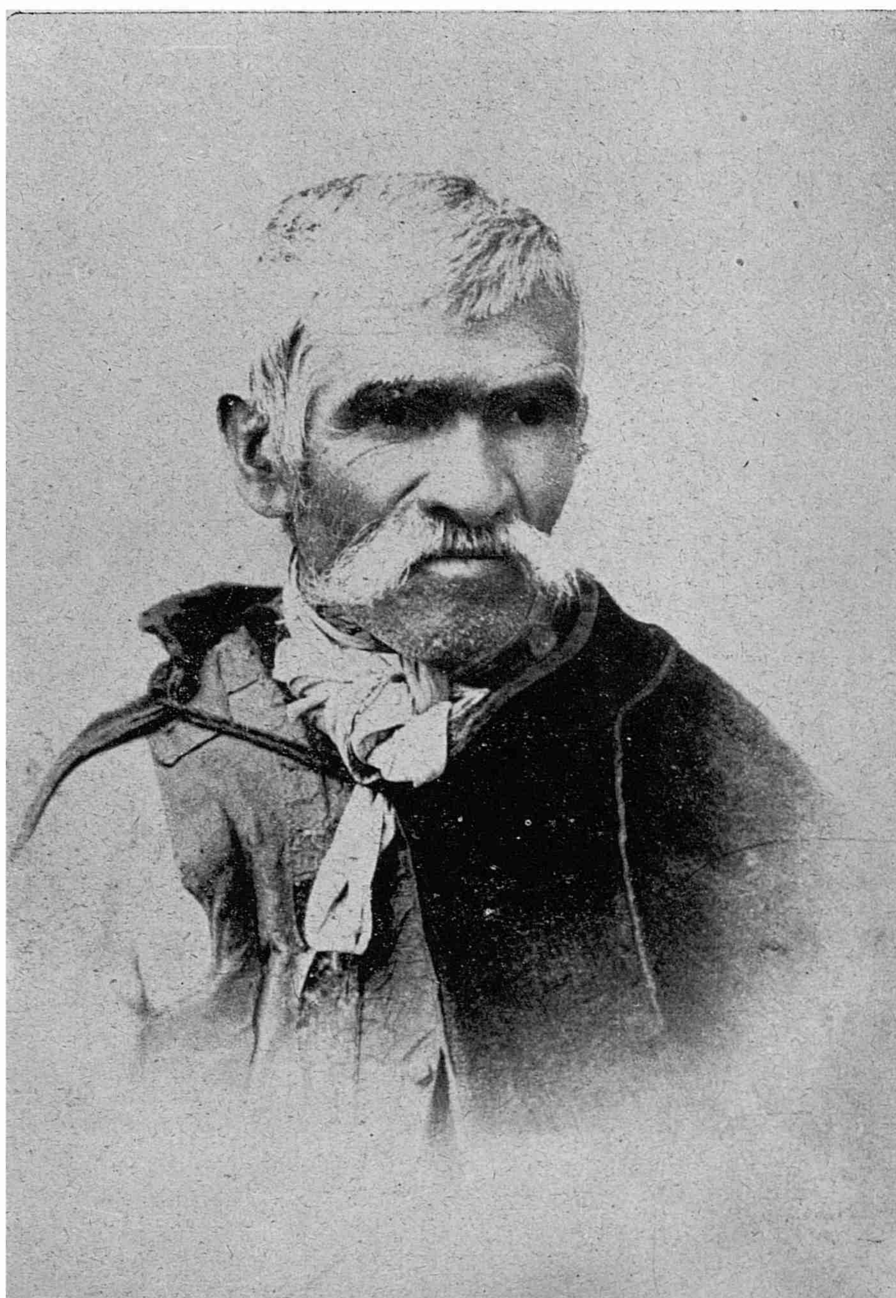
Generalul Bem. Генерал Бем. Le général Bem.

V. CHERESTEŞIU

REVOLUT A DIN TRANSILVANIA

Революция в Трансильвании La révolution en Transylvanie

Текст на стр. 106 Voir le texte: page 139

Alexandru Coman, ţăran revoluţionar din Transilvania.
Александр Коман, крестьянин-революционер из Трансильвании.
Alexandre Coman, paysan révolutionnaire de Transylvanie.

Bariţiu, care îndurase zece ani de-a-rândul teroarea şi şicanele cenzurii, exclamă la primirea veştii despre proclamarea la Budapesta a celor 12 puncte, care garantează desfiinţarea iobăgiei, libertatea gândirii şi a scrisului,

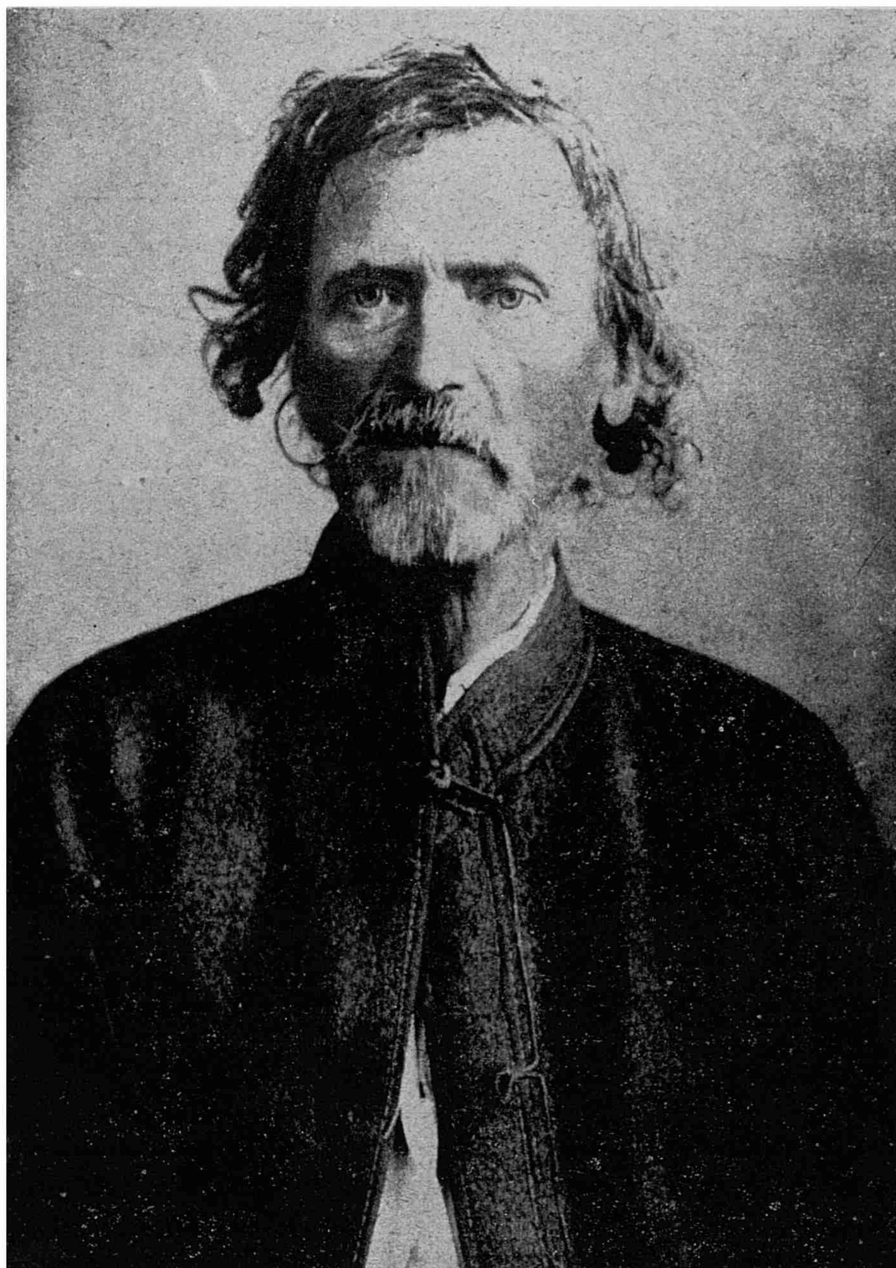

Gheorghe Bariţiu. Георге Барицiу. Gheorghe Bariţiu.

Gyula Sarosy (Banyai Iulia), luptătoare din Transilvania în revoluția din 1848.
Гьюла Сароши (Баньяи Юлия), участница революции в Трансильвании 1848 г.
Gyula Sarosy (Banyai Iulia), combattante révolutionnaire de Transylvanie en 1848.

egalitatea de drepturi și datorii, pentru toți cetățenii țării, fără deosebire de naționalitate și religie: « Plânsul mă înneacă, pentrucă în vieața mea publică de jurnalist, lovită și cutreerată de atâtea valuri și prigoniri nemeritate, nu mai cunoscui o altă bucurie ».

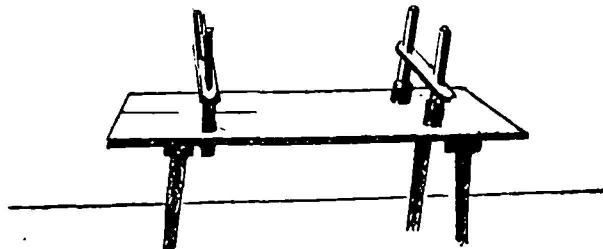

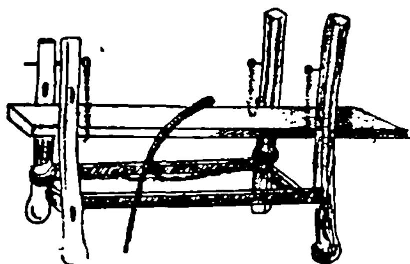
Petre Gheorghe, ţăran din Transilvania, luptător în 1848.
Пєтре Георге, крестьянин из Трансильвании, революционер 1848 г.
Petre Gheorghe, paysan de Transylvanie, ayant pris part aux luttes de 1848.

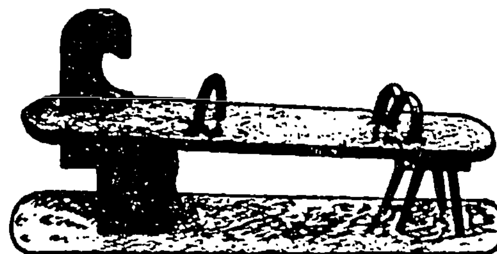
Dar forţele reacţiunii încep să se reculeagă. Moşierimea, desorientată la început de evenimentele din Martie, îşi regăseşte siguranţa-de-sine. Sabotează legile agrare şi, sub diferite pretexte, amână desfiinţarea robotelor. Faţă de iobagi, care încep să-şi pretindă drepturile, aplică vechea metodă: teroarea. In cea mai mare parte

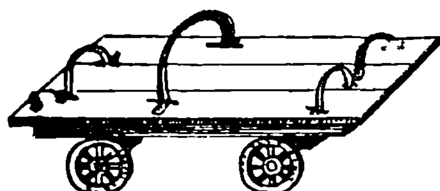
Régi deresek képe a jobbágyvilágból.

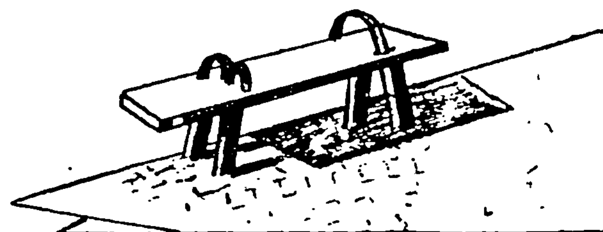

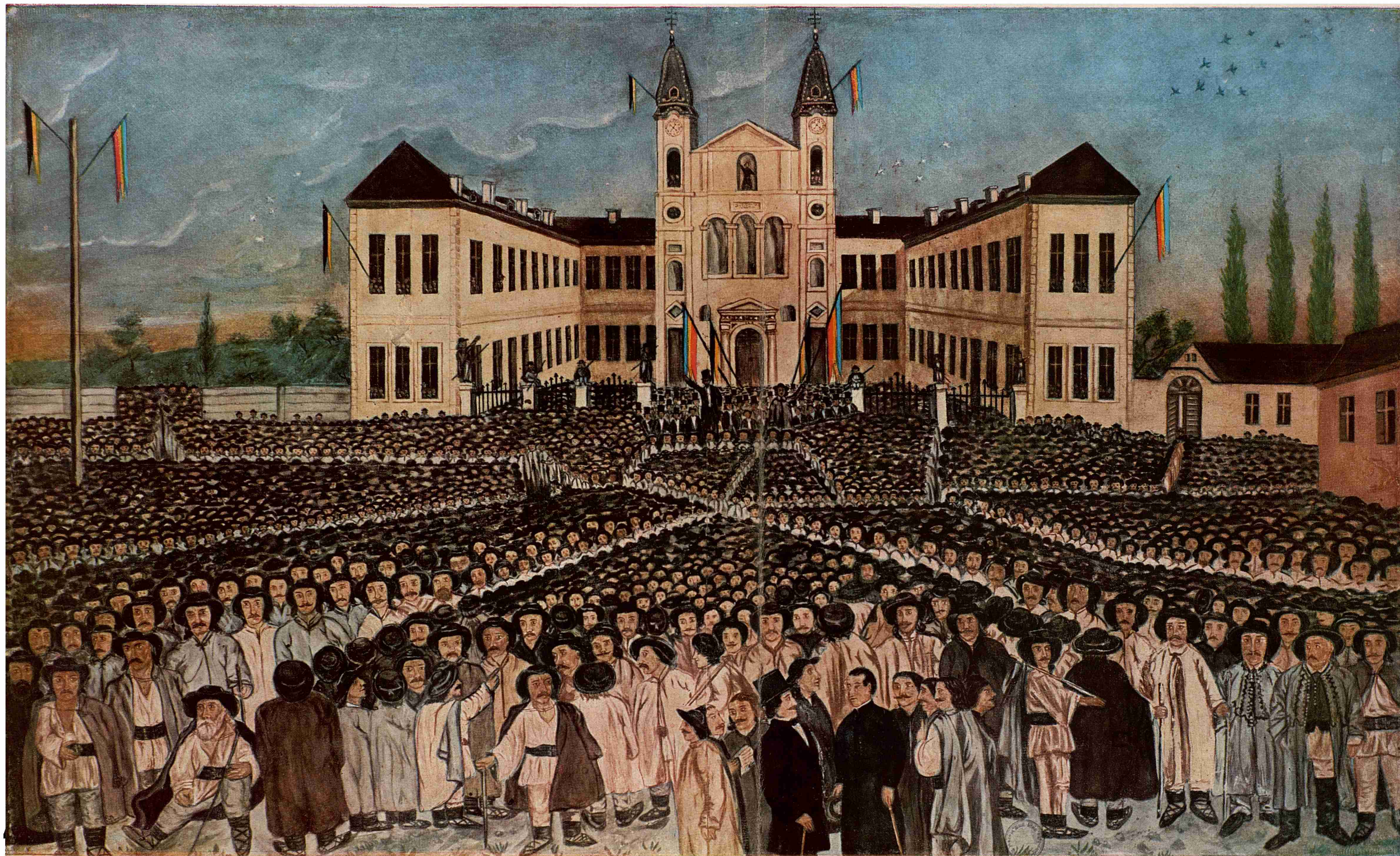

Instrumente de tortură pentru iobagii din Transilvania.
Орудия пытки для крепостных в Трансильвании.
Instruments de torture employés en Transylvanie pour les serfs.

a Transilvaniei decretează starea statarială și ridică spânzurători la hotarul comunelor. Iobăgimea e în fierbere: agenții curții imperiale răspândesc svonul că împăratul a dat poruncă să se libereze de sub iobăgie toți țăranii din toată împărăția, dar domnii unguri nu vreau să asculte porunca prea-bunului împărat. Uneltirile sașilor și agenților imperiali se întăresc.

In Septembrie 1848 se declară fățiș conflictul între curtea imperială și guvernul unguresc, iar o parte din Românii transilvăneni se înrolează sub steagul împăratului, sub care steag unii intelectuali cred că-și vor cuceri o autonomie națională, nerezolvată de guvernul unguresc.

Intelectualii români din Banat și Bihor și-au dat dela început seama că nu pot lupta pentru libertate sub steagul despotismului. In aceste părți nici nu era situația

Adunarea dela Blaj, pe Câmpia Libertății, 15 Mai 1848. Muzeul Regional din Alba-Iulia
Выступление на Поле Свободы под Блажем, 15 мая 1848 г. Музей города Алба-Юлия
L'Assemblée de Blaj sur le Champ de la Liberté, le 15 Mai 1848. Musée régional de Alba-Iulia

Instrumente de tortură pentru iobagii din Transilvania. Instruments employés pour torturer les serfs en Transylvanie.
Орудия пытки для крепостных в Трансильвании.

nefericită din Transilvania, unde, iobagii fiind în covârșitoare majoritate români, iar nemeșii unguri, diferențele și luptele de clasă luaseră un aspect național. In fruntea conducătorilor români bănățeni și ungureni stă revoluționarul Eftimie Murgu, fostul profesor al lui Nicolae Bălcescu, pe care tineretul român și maghiar îl eliberase în primele zile ale revoluției din închisoare. In oștirea generalului Bem, cu care acest genial comandant ocupase în Decemvrie 1848 Clujul, erau 3.000 de români, și toată oștirea nu număra decât 13.000 de oameni.

Bălcescu a făcut totul să împace Comitetul național român din Ardeal cu guvernul revoluționar maghiar. Când generalul Bem reușise să isgonească trupele imperiale, iar regiunea Munților Apuseni — cam a zecea parte din Ardeal — a rămas sub comanda lui Avram Iancu, au început tratative între guvernul ungar și tribunul

român. Impreună cu generalul Bem, Bălcescu plănuia transformarea luptei pentru independență a poporului unguresc în lupta pentru libertate a popoarelor din Estul Europei, înglobând în această luptă și pe Polonezi și stabilind o colaborare frățească slavo-româno-ungară.

Mult timp istoriografia românească din Transilvania a încercat, din motive de oportunitate politică, să ascundă tratativele urmate între Avram Iancu și Kossuth. Politica « Partidului național român » s'a bazat până la sfârșitul războiului mondial pe neclintita credință în dinastia Habsburgilor. Azi știm că Avram Iancu ajunsese încă în faza luptelor la convingerea că între aceste două popoare, români și unguri, armele niciodată nu vor hotărî și că în Transilvania nici maghiarul nu poate vorbi fără român, nici românul fără maghiar.

Evenimentele s'au precipitat. Negocierile între guvernul ungar și Iancu și legea naționalităților, votată prea târziu de Adunarea ungară, abia câteva zile înainte de depunerea armelor, — nu mai puteau schimba cursul evenimentelor. Azi, când regimul democrației populare a îndepărtat gândurile de supremație și hegemonie, putem să serbăm, Români și Unguri împreună, amintirea unui Bălcescu și Petőfi, Táncsics și Murgu, premergătorii luptei pentru libertatea, independența, egala îndreptățire și înfrățire a popoarelor.

G. CĂLINESCU

DESPRE SCRIITORII LA 1848

Писатели в 1848 г.

Текст на стр. 107

Les Ecrivains en 1848

Voir le texte : page 141

Unul din pregătitorii revoluției dela 1848 este I. Eliade Rădulescu, care, prin atitudinea din 1848 apare învechit și staționar. Era încă de pe atunci un inamic al radicalilor. Boiernaș proaspăt, înțelegea să se bucure de privilegiile recent câștigate. Pe de altă parte cultiva teoria geniului, socotindu-se însuși un Messia trimis de providență pentru a salva pe Români. Soția lui zicea: « Bărbatul-meu, care a făcut revoluția . . . », spre scandalizarea lui Bălcescu și a celorlalți, care socoteau că revoluția o făcuse poporul.

Fără să fi jucat un rol deschis în 1848, alt intelectual, călugărul Eufrosin Poteca trebuie considerat ca un revoluționar. In repetate rânduri Poteca propusese Domnului și boierilor « legea dreptății », adică să se « slobozească robii, să nu mai poată nimenea nici a ține rob, nici a vinde rob, nici a cumpăra rob, » apoi « să se hotărască a se da dăjdile pentru cheltuiala statului și de mare și de mic, fieș-care după averea sa ».

O figură simpatică, deși fără filosofie adâncă din cauza tinereței, este Ioan Catinà, fiul unui cafegiu grec, șezând cu chirie în casa nr. 26 catul de sus, pe Podul Mogoșoaei, colț cu strada Dorobanți. Iși compusese o fizionomie damnată byroniană.

Catinà, esceptiune regulei cei generale
Chiar din leagăn purta germul malatiei cei fatale,
Și care fu agravată de doctrina lui Byron,
Ce credea că lumea este opera unui Demon.

Așa scria Aricescu. Catinà a colaborat la « Pruncul Român », publicație redactată de C. A. Rosetti și Vinterhalder, deschizând primul număr cu un aprins manifest. El e autorul Marșului revoluționar:

Aideți frați într'o unire,
Țara noastră e'n pieire
Aste ziduri și palate
Unde zac mii de păcate
Aideți a le dărâma.

N'auziți în piață larmă?
Dați năvală'n mâini cu armă;
Că soldatul ne ajunge
Baioneta ne împunge;
Dați, de-o vrea și el să dea . . .

Catinà, înflăcăratul revoluționar, deveni după aceea polițai la Ploești, post din care fu curând destituit.

In materie de jurnalistică revoluționară nu trebuie trecut cu vederea C. D. Aricescu, din Câmpulung. Cetățeanul Aricescu publicase în Pruncul Român o poezie « Marșul Libertății » și strigase « Trăiască Constituția! Trăiască România! Trăiască Libertatea! ». Când membrii guvernului provizoriu, fugiți, se reîntorc în Capitală, Aricescu împreună cu alții îi întâmpină între Câmpulung și schitul Nămești. Rosetti declară biblic: « Astfel întâmpinau pe apostoli primii creștini! ». Pentru lupta sa în presă, Aricescu a suferit multe condamnări. Concepția lui era că jurnalistul și poetul se cuvine a se pune în slujba poporului (carbonarii).

« Grea sarcină, dar nobilă și frumoasă! A lumina poporul, despre adevăratele sale interese, a desbate cestiunile vitale înainte d'a fi resolvate de corpurile legiui-

IȣNIE 11. 1848.

Че глас търец ресѫпъ?
Възȣ, попорѫл с'adȣпъ,
Прin сфѫнтъ Лібертате
Се сiмте ферiчiт,
Шi тоцї се стржнг ѫп браце,
Кѫчї тоцї с'аȣ ѫнфрѫцiт.

Кȣ лiтба'ї de аратъ,
Фрацї, Клопотȣл пе кiатъ
Стendapdȣл Лібертъцiї
Azї се ва консакра;
Ȣпiре шi фръцiе
Кȣ тоцї вот проклата.

Ченсȣра се гонеще,
Тiпарȣл dобѫndеще
Dорiта 'ї Лібертате
Че е вiаца са;
Кȣ еа пȣтаї тръеще,
Кȣ еа ва проспера.

D'акȣта Лібертатеа
D'акȣт фратернiтатеа
Прiн тоатъ Ромънiа
Етерне вор domni;
Тiпарȣл есте лiбер,
Ел ле ва спрiжiнi.

Versuri tipărite şi răspândite de corporaţia tipografilor cu prilejul adunării de pe Câmpia Filaretului lângă Bucureşti, la 15 Iunie 1848 (vezi: Texte şi Documente).
Стихотворение, распространенное корпорацией типографских работников в связи с народным выступлением на полях Филарета под Бухарестом, 15 июня 1848 г. (См. тексты и документы).
Vers imprimés et colportés par la corporation des travailleurs typographes, à l'occasion de la démonstration aux Champs de Filaret, près de Bucarest, le 15 Juin 1848 (voir: Textes et Documents).

toare, ş'a denuncia abusurile impiegaţilor prevaricatori şi uneltirile neamicilor libertăţii ş'ai naţionalităţii: eată misiunea publicistului ».

Sau :

Poeţii odinioară cântau pe împăraţi
Azi luptă pentru popul sau pentru împilaţi
Poeţii odinioară erau vili curtesani
Azi sunt tribuni ai plebei, şi biciu pentru tirani

Mihail Kogălniceanu a fost, nici vorbă, unul din cei mai proeminenţi progresişti, deşi în 1848 activitatea lui nu e proeminentă. Infăptuirile lui progresiste vin mai târziu. Sub domnia lui Sturza, mişcarea revoluţionară este înăbuşită repede în Moldova. Calomniatorii ironizau pe Kogălniceanu pentru placiditatea lui numindu-l « le pacifique Catilina » şi fiindcă Aga Ilie, tatăl său, era om al curţii, clasat printre « lacheii sturzeşti », îl suspectau. Se ştie că Kogălniceanu întovărăşise la studii pe fiii Domnului. Adevărul este că M. Kogălniceanu era un progresist veritabil, lucrând cu mijloace politice. Chiar în 1848, el n'a stat rezervat. Silit să fugă peste graniţă, el atacă din Bucovina, sub formă de « acatist » regimul: « Bucură-te mahină, care prefaci minciuna în adevăr. Bucură-te tun, care sfarmi unirea fericirii ». Dorinţa « partidei naţionale » din Moldova, exprimată într'o broşură, era de a se da drepturi politice pentru orice compatrioţi creştini, a se emancipa treptat Israeliţii « şi a se coborî orice ranguri şi privileguri personale, sau de naştere ». Manifestul era vădit progresist.

Fire mai indolentă şi mai veselă, V. Alecsandri n'a stat nici el străin de revoluţia dela 1848. In acel an scăpă de arestare fugind în munţii Hangului şi de aci prin Braşov în Bucovina, unde fu văzut, în Cernăuţi, « pururi vesel » în haine când albe când nărămzii, pe cap cu o panama. Era un revoluţionar bine dispus, nu mai puţin însă revoluţionar deoarece ca « mădular al comitetului ales de obştie » făcuse « Protestaţia în numele Moldovei, a omenirei şi a lui Dumnezeu, în Mai, în care clama împotriva nelegiuirilor lui Mihail Sturza, cel stăpânit de nesaţul iubirei de argint » (« De când s'au suit pe tron, Mihail Sturza au luat Moldova în arendă »), cerând liberarea « arestaţilor », inamovibilitatea amploiaţilor, sporirea lefilor, etc.

Eroul revoluţiei dela 1848 este N. Bălcescu, care merită un studiu deosebit. In scurt, vom releva că deşi providenţialist înţelegea « ştiinţa nouă », bizuită pe observaţie, experienţă, calcul. Din punct de vedere social, Bălcescu e progresist, admiţând ca lege universală a desvoltării naţiilor « înălţarea plebeianismului la putere », precum se constată dintr'o « ochire istorică »: statul din domnesc sau absolut s'a făcut boeresc sau aristocratic, apoi fanariot sau orăşenesc (burges), apoi ciocoiesc sau biurocrat şi acum este pe cale a se face românesc sau democratic, bine înţeles dacă se va evita moderaţia de a se întocmi un stat « negustoresc sau orăşenesc ». Bălcescu nu urmăreşte desfiinţarea averii personale ci ridicarea ţăra-

nului la treapta de proprietar. Bălcescu voiește ca «Românii să fie liberi, egali, proprietari de pământ și de capital și frați asociați la fapta unui progres comun». E dela sine înțeles că revoluționarul nostru se gândea la proprietatea mică țărănească, la proprietatea de muncă, așa cum se înțelege în spiritul Constituției noastre de azi.

Transport de mărfuri în Valahia, în prima jumătate a secolului XIX.
Транспорт товаров в Валахии в первой половине XIX века.
Transports de marchandises sur un chemin valaque, première moitié du XIX-e siècle.

GHEORGHE ZAHARIA

DESPRE PRESA ROMÂNĂ ŞI EVENIMENTELE DELA 1848

О румынской прессе и события 1848 г.

Текст на стр 108

La presse roumaine et les événements de 1848

Voir le texte : page 144

A scrie despre presa anului 1848 din Principate, înseamnă a face un lung și amănunțit studiu asupra publicațiilor care au precedat și care au succedat anul revoluției.

Noi vom aminti numai câteva din cele în care se oglindesc însuflețirea și ura împotriva tiraniei și asupririi, precum și cele care, după revoluție, au analizat metodele întrebuințate și rezultatul obținut, căutând să regrupeze forțele și să propage ideologia revoluției dela 1848.

Dintre publicațiile premergătoare revoluției, este demnă de amintit « Dacia Literară » a lui Mihail Kogălniceanu, care proclamă « critica operilor și nu a persoanelor », ceea ce, de fapt însemna atitudine principială față de anumite curente dăunătoare ideilor de libertate.

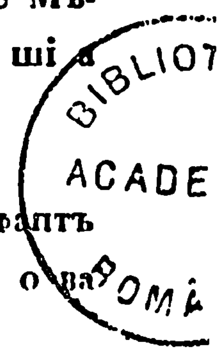
Atitudinea aceasta a lui Kogălniceanu, imprimată revistei, nu a putut scăpa atenției stăpânirii reacționare, Domnului Mihai Sturza, și revista, după trei numere, este suprimată. Kogălniceanu totuși își continuă activitatea la o revistă istorică « Arhiva Românească ». El scrie aci despre « prefacerea care n'a încetat încă » arătând metoda ce nu trebue uitată de omul politic, a analizei realităților istorice, a faptelor trecute și prezente, pentru ca de aici să se poată trage concluzii pentru viitor.

De asemenea, trebuie menționate « Curierul românesc » al lui Eliade în Valahia, « Albina românească » a lui Asachi în Moldova și « Gazeta Transilvaniei » a lui Barițiu în Transilvania.

O publicație de seamă, care a jucat un rol deosebit în răspândirea ideilor revoluționare dela 48, în care N. Bălcescu și-a tipărit articolele pline de avânt, a fost « Magazin istoric pentru Dacia » pe care o scoate împreună cu Treboniu Laurian. Bălcescu scrie studii despre « Starea socială a muncitorilor plugari în principatele

[...] фаптъ грозавъ ші непілдȣіт ꙟн аналеле ноастре. нічі тъкар ꙟн времеа неаȣзрілор де тіраніе. с'а съвѫршіт асȣпра челȣі маі бȣн Прінц. Мъріа Са Преа-ꙟнълцатȣл ностръ Домнȣ ꙟнторкѫндȣсе асеаръ де ла плімбаре пе шосеаоа Кіселеф пе ла опт чоасȣрі ші жȣмътате ꙟнсоціт де Д. мареле Ворнік Вілара, кȣм а ажȣнс пе ла капȣл ачещіі шоселе деспре барієръ, о біржъ кȣ треі оамені трече алътȣреа кȣ дрошка Мъріеі Сале че ера лъсатъ пе спате. ші слобод фіе-каре кѫте ȣн пістол дрепт ꙟн піептȣл Мъріеі Сале. Провединца ꙟнсъ каре ꙟнтрȣ а са мілостівіре кътре ноі вегіазъ асȣпра патріеі ноастре, а пъзіт скȣмпеле зіле але Мъріеі Сале. Ȣн глонц нȣмаі л'а немеріт ꙟн партеа де сȣс а ȣмърȣлȣі стѫнг ші а рътас аморціт ꙟн еполет.

Нȣ пȣтем аръта ꙟндестȣл обштеаска індігнаціе че ачеастъ нелеціȣітъ фаптъ а прічінȣіт ꙟн сȣфлетȣл тȣтȣлор лъкȣіторілор капіталеі, ші фіе-каре ромън о ва сімці адѫнк ꙟн ініма са.

Бȣкȣрещі. анȣл 1848. Іȣніе 10.

Comunicatul oficial asupra atentatului dela Şosea împotriva Domnitorului G. D. Bibescu. Bucureşti, 10 Iunie 1848. (vezi: Texte şi Documente).
Оффициальное сообщение о покушении на жизнь властительного князя Г. Д. Бибеску, Бухарест, 10 июня 1848 г. (См. текст и документы)
Le Communiqué officiel relatant l'attentat contre le Prince G. D. Bibesco. Bucarest, 10 juin 1848. (voir: Textes et Documents).

românești în deosebite timpuri », el demonstrează « ce poate face un popor cât de mic, când își apără ale sale, când e aprins de o sfântă și nobilă idee ».

In paginile « Magazinului istoric pentru Dacia », Bălcescu înfățișează scopul revoluției care se apropie. El preconizează acolo « reforma completă și radicală » care va antrena tot poporul în luptă, împotriva clasei stăpânitoare plină de « egoism, mârșevie, ambiție și lașitate », care constitue « o monstruozitate socială » prin faptul că « o țară întreagă să robească la câțiva particulari » și strigă: « vai de acele nații unde un mic număr de cetățeni își întemeiază puterea și fericirea lor pe robia gloatelor ».

Evenimentele s'au precipitat. Situația este considerată coaptă și mișcarea revoluționară izbucnește mai întâi în Moldova, fiind înăbușită grabnic, mai apoi în Transilvania, și cu efecte mari în Valahia. Guvernul provizoriu trebuia să fie susținut. In locul formelor ascunse de propagandă, odată cu izbucnirea revoluției se trece la forme directe. « Pruncul Român » scos în 1848 apare de trei ori pe săptămână, până în Septemvrie, având o puternică notă revoluționară. In timpul șovăelilor și trădărilor, care încep în scurtă vreme dela instaurarea guvernului provizoriu, apare o nouă publicație « Poporul suveran », menită să atenueze flacăra revoluției, printr'o atitudine conservatoare, împăciuitoare, confuză de multe ori, mergând pe linia « armoniei claselor ».

Treptat, treptat, vechiul regim se reinstaurează. Capii revoluției sunt urmăriți și trec în exil.

Dela 1848, atât în Moldova cât și în Muntenia, vechile foi, cu caracter politic reacționar, reapar.

Odată cu răscoalele țărănești care isbucnesc spontan în diferite colțuri ale țării, exilații scot diverse reviste în străinătate, cu scopul de a le strecura și în Principate.

Astfel, Cezar Boliac scoate la Brașov, de două ori pe săptămână, foaia « Expatriatul », în timpul când trupele generalului revoluționar ungur Bem stăpânesc situația. Potrivit ideilor grupării conduse de Bălcescu, Cezar Boliac scrie în « Expatriatul Român » că nu numai o unire a partidelor trebue să se realizeze, când e vorba de lupta între libertate și tiranie, între « popoli și dinastii », dar și vrajba între naționalități trebue să dispară. Ca și Bălcescu, combătând atitudinea lui Avram Iancu, ale cărei legiuni au luptat alături de armatele contrarevoluționare imperiale, el vedea că o unire a românilor cu ungurii ar fi putut salva revoluția.

Dintre publicațiile tipărite în streinătate, mai însemnată pare a fi « Republica Română » întrucât ea reprezintă opiniile unei grupări care-și fixase drept scop « unirea și independența României constituită democraticește ». Apărând în format mic, pentru a putea fi trecută clandestin în Principate, « Republica Română » publică o serie de articole și cronici, în care se analizează unele cauze ale neterminării revoluției.

Ideile acestea și analiza mai obiectivă a cauzelor neterminării revoluției au fost resimțite de Bălcescu, care a rămas dârz pe poziția sa, poziție ce a fost conti-

nuată și desvoltată de clasa muncitoare și confirmată de evenimentele întâmplate cu o sută de ani mai târziu, când aceasta a desăvârșit și depășit revoluția burgheză. Publicațiile apărute în această mare epocă de frământări inovatoare pentru vremea aceea au, fără îndoială, un însemnat merit istoric și o mare valoare documentară astăzi.

Raffet: Cum se călătorea in Valahia la jumătatea secolului XIX.
Как путешествовали в Валахии в первой половине XIX века.
Raffet: Façon de voyager en Valachie, pendant la première moitié du XIX siècle.

GH. OPRESCU

PICTORII ROMÂNI ȘI REVOLUȚIA DIN 1848

Румынские художники и революция 1848 г.

Текст на стр. 110

Les Peintres roumains et la Révolution de 1848

Voir le texte: page 146

Pictorul Barbu Iscovescu. Художник Барбу Исковеску. Le peintre Barbu Iscovesco.

Pictorul și revoluționarul Constantin Daniel Rosenthal, văzut de pictorul Ion Negulici.
Художник и революционер Константин Даниель Розенталь, в изображении художника Ион Негуличь.
Le peintre et revolutionnaire Constantin Daniel Rosenthal, par Ion Negulici.

Pentru un istoric de artă obiectiv și atent la importanța morală a ideilor este cu adevărat îmbucurător să constate cât de sincer și de rapid a fost ecoul, pe care Revoluția dela 1848 l-a deșteptat în cei câțiva pictori care se afirmaseră sau erau pe cale de a se afirma la noi, în acea epocă. Este de observat însă că ei erau toți Munteni, ceea ce nu e lipsit de semnificație.

Este drept că ei veniseră mai înainte de izbucnirea mișcărilor în contact cu tendințele reformatoare ale Apusului și că erau preocupați de ce se pregătea acolo, mai ales în Paris, nu numai în mod deschis, prin comitete de acțiune și întruniri publice îngăduite, dar și în societăți închise, pe ascuns. Ei erau astfel pregătiți să pună în practică ideile ce-și asimilaseră, cu tot riscul ce o asemenea atitudine comporta, atunci când ocazia s'ar fi prezentat și la noi. Iar, ca o asemenea ocazie să se prezinte, ei contribuiră într'o largă măsură, mai ales Rosenthal, cel mai întreprinzător dintre ei. Surprinzător este mai ales faptul că pictorul debutant, care era atunci Rosenthal, venit din Pesta, străin de țara noastră și necunoscându-ne limba, dintr'o dată se entuziasmează pentru propășirea țării, se alătură celor cu aspirațiile cele mai liberale și, printr'o prietenie durabilă, mișcătoare prin intensitatea ei, devine tovarășul și colaboratorul cel mai activ al tinerilor români din clasa luminată, animați ca și el de sentimente umanitare, de aceeași nevoie de dreptate socială, de libertate politică.

Când venim mai îndeaproape în contact cu vieața acestor oameni excepționali, a lui Ion Negulici (1812—1851), a lui Barbu Iscovescu (1816—1854), a lui Constantin Daniel Rosenthal (1820 (?)—1851), rămânem uluiți de bogăția și adâncimea vieții lor afective, de voința lor neînfrântă, neturburată de niciunul din obstacolele numeroase ce se întâlnesc, de puritatea și înălțimea idealului lor, de îndrăzneala convingerilor, ce, cu toată puterea voinței, ei se străduesc să pună în practică în deosebi pentru epoca și nivelul cultural al Bucureștilor de atunci. Uităm parcă și de versatilitatea și nestatornicia, în domeniul artei, a lui Negulici, de aerele lui de bravură, ca pictor, nu destul de susținute de o învățătură solidă, răscumpărate fiind aceste slăbiciuni de însușirile morale înalte în vieața lui publică de partizan activ al Revoluției. Bolnav, sărac, lipsit de toate, departe de familie în exilul dela Brusa, omul acesta plăpând, destul de răsfățat până atunci și de capricios, suferă totul cu stoicism, dă și altora exemplul unei remarcabile forțe de caracter, al unui devotament până dincolo de mormânt, pentru o cauză demnă. In fond, un exemplu edificator dela un om până atunci neastâmpărat, veșnic pe drumuri, încercând de toate, până și furierismul. Odată convertit însă, el dobândește o tărie sufletească invincibilă și, după ce, ca tipograf și editor scrie, traduce și tipărește cărți pentru popor, își formează și o cultură ce iese din comun. Ea prezintă încă multe lacune, ce e drept, e formată din fragmente legate împreună la întâmplare, este însă suficientă

ca să-l facă să joace un rol de frunte în acea explozie binefăcătoare, din nefericire curând înnăbușită, care a fost revoluția din 1848.

Vieața lui Iscovescu, opera lui, ne sunt mai puțin bine cunoscute. Din ceea ce a rămas dela dânsul, ca desene și alte lucrări — nu prea mare lucru — ajungem să ne dăm seama de peregrinațiile sale în Apus, până prin 1847, când revine în țară. La izbucnirea revoluției se alipește imediat celor ce o declanșară cu un curaj și o căldură exemplare. Ii pictează chiar steagul. Apoi, târît de evenimente, nu se lămurește decât la Brașov, după ce mișcarea fusese înfrântă, iar capii ei arestați sau puși pe fugă. Puțin în urmă, fără să se descurajeze, el ar dori să-și servească prietenii altfel, publicând un album litografiat, cu portretele celor ce se semnalaseră în scurta luptă. Ne-au rămas din această operă proectată câteva foi, unele publicate la Paris, unde Iscovescu se retrăsese. Câțiva ani în șir nu mai știm nimic despre dânsul, până în 1853, când apare în Orient, poate în vederea unei apropieri de exilații ce se mai găseau în vieață în acea vreme, în Imperiul Turcesc. In vara lui 1854 el moare, poate în cursul vreunei epidemii, și, după cum se crede, este pus în aceeași groapă cu Negulici, fie că acesta fusese desgropat din propriul său mormânt, spre a fi alături de fostul său prieten, fie că Iscovescu este și el coborît în mormântul lui Negulici.

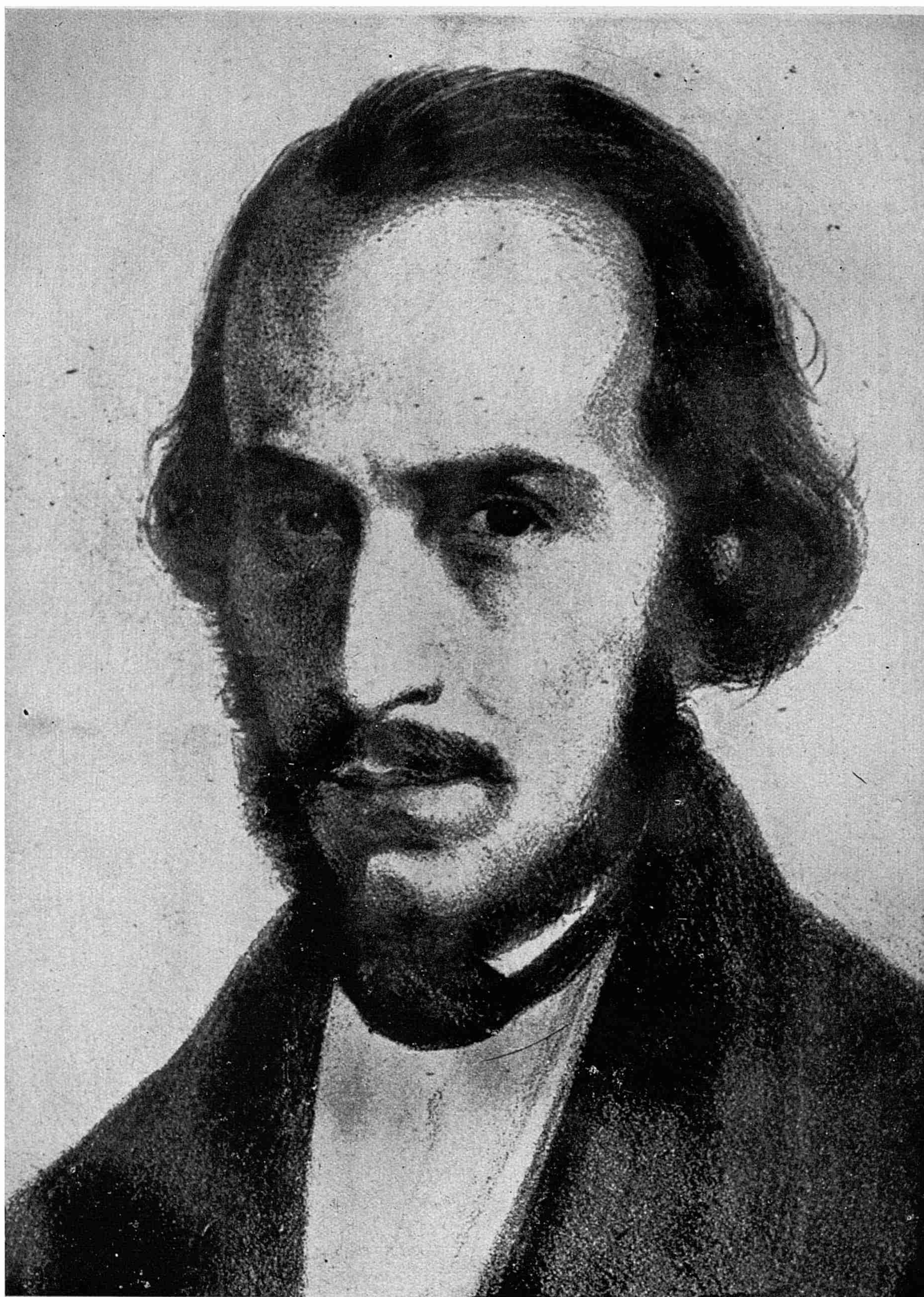
Dar, dintre acești trei martiri ai Revoluției, figura cea mai impunătoare este cea a lui Rosenthal. El este nu numai cel mai talentat, cel cu educația profesională cea mai completă, cum ne arată operele ce au rămas după el, dar și mintea cea mai luminată, inima cea mai caldă, prietenul cel mai iubitor, mai tandru și mai desinteresat, partizanul cel mai gata de sacrificii, înfruntând curajos primejdiile, cum s'a dovedit prin moartea sa năpraznică. Poate că ideea ce ne facem despre însușirile sale rare să nu fie străină de faptul că ne-au rămas dela dânsul multe scrisori, mai ales către C. A. Rosetti, ceea ce ne dă posibilitatea să-i cunoaștem precis firea generoasă și amănuntele complete, până și cele în legătură cu vieața sa intimă.

Totuși, ceea ce-l înalță în admirația noastră, nu sunt numai darurile sale de pictor și de muzicant, se pare egal de însemnate, nici chiar rolul său de fruntaș în vremea Revoluției, până la înfrângerea acesteia, oricât de efectiv ar fi fost acel rol, ci conduita lui Rosenthal după înfrângere. Mai întâi, el ar fi putut obține liberarea, ca cetățean austriac, ceea ce refuză. Apoi, reușind să înșele vigilența turcească, el răpește pe ceilalți revoluționari arestați pe o corabie, pe Dunăre, și, după ce trece cu ei prin Ungaria nesigură, din pricina războiului, ajunge cu bine în Austria. De aici, împreună cu Rosetti și cu soția acestuia pornește mai departe, la Paris. Urmează pentru Rosenthal o perioadă relativ liniștită, cu o călătorie în Elveția, apoi una la Graz, unde ar dori să se căsătorească și să se stabilească. Tocmai atunci el primește o misivă din partea celor rămași în Franța, prin care i se cere să se ducă în Ardeal,

spre a face propagandă revoluționară printre Români. La început ezită. I se răspunde că misiunea sa este de primă importanță și primejdioasă. Rosenthal convins, o primește. Trece prin Pesta, spre Ardeal, e descoperit de poliție, arestat, chinuit să-și trădeze « complicii » — ceea ce nu se obține dela dânsul nici chiar în urma torturii — omorît. Iși sfârșise misiunea.

Este actul final, dureros de tragic, al uneia dintre cele mai nobile vieți.

O figură secundară, printre cei dela 1848, este și cea a lui C. Petrescu, prieten cu Heliade. Ne-a rămas dela el, în Colecțiile Academiei Române, o acuarelă interesantă în naivitatea ei, cu membrii comitetului Revoluției, în costumele lor romantice, în jurul steagului.

Nicolae Bălcescu, după un portret al vremii
Николай Балческу по одному портрету своего времени
Nicolae Balcesco d'après un portrait de son temps

N. POPESCU-DOREANU

NICOLAE BĂLCESCU

Николае Балческу

Текст на стр. 112

Nicolae Balcesco

Voir le texte : page 149

Nicolae Bălcescu s'a născut în anul 1819, la București, dintr'o familie de boernași. Carte a învățat la început cu dascăli greci, după moda timpului, iar apoi la Școala dela Sf. Sava. Incă de pe atunci, se simte atras să studieze istoria și în special istoria României. El studiază însă o istorie aparte, necunoscută în vremea aceea, istoria robiei și suferințelor poporului ca și a luptelor lui pentru libertate.

Legând faptele vechi ale acelei istorii, cu vieața din jurul său, Bălcescu desprinde caracterul asupritor, de exploatare și obscurantism al regimului feudal și al dominației turcești, ca și formele noui de împilare ale aceluiași regim vechi și putred, altoit cu ramura tânără a schimbului capitalist de mărfuri.

Una din trăsăturile caracteristice ale vieții lui Bălcescu este consecvența acțiunilor cu convingerile sale. El va căuta așa dar drumul spre desrobirea poporului din acea încătușare și-l va găsi. Iuncăr în armata de curând formată, el deșteaptă sentimentul patriotic și credința democrată printre ostași, pe care de pe atunci îi dorește ca cetățeni liberi cu arma în mână. Tot în acelaș timp (anul 1840), el intră în organizația clandestină a lui Dumitru Filipescu, cu care lucrează, contra orânduirii boerești, din care cauză este și condamnat la închisoare. Această organizație este prima școală politică a lui Bălcescu. Programul acesteia: desființarea clăcii și împroprietărirea țăranilor, deveni programul luptei și vieții sale întregi.

Paris 24 fevruarie 1848
1-a zi a Republicei.

Iubite cetăţene şi amice!
Îţi eram dator de multu un res=
punsu, mă plătescu astăzi dar în
scurtu căci timpul îmi lipseşte, şi
sunt ostenit tare, de vreme ce de trei
zile trăim tot pe uliţe. Află
că naţiea cea mare s'a rădicat,
şi că libertatea lumei s'a mântuit.
Minunata Revoluţie ce te căesci
amarnic că n'ai vedut-o cu ochii
va schimba faţa lumei. Regele
a fugit. Republica e proclamată
de toţi.
Îţi alătur aci o ruptură din hatia
feaoa ce acoperea tronul lui Louis-
Philipe sfărămat astăzi la 1 1/2
oră. Fusamu am mult în Tuilleri
şi m'am gândit ca să-ţi faci şi ţie

Scrisoarea lui N. Bălcescu către Vasile Alecsandri. Colecţia Academiei R. P. R. (Vezi: Texte şi Documente).

Письмо Николая Балческу, адресованное Василию Александри. Коллекция Академии Румынской Народной Республики. (См. текст и документы).

Lettre de N. Balcesco à Vasile Alecsandri. Collection de l'Académie de la R. P. R. (Voir: Textes et Documents).

o părticică di bietu-ți Iovu de vedeai cu ochii
în minutele cele mai mari și mai
sobrele ce am petrecut în viața
mea cugetarea mea s'a întorsu
către tine.
Nu poeciu a-ți scri mai multe.
Adio. Să trăiască Republica!!
amicul tău.
N. Bălcescu

Complimentele mele la toți bunii
Români. Peste puțin ne vom
vedea în țeară.
Frăție și speranță!!
Sărmane Basile ce n'ai fostu
aci.

Pagina a doua a aceleiași scrisori. La deuxième page de la même lettre.
Вторая страница того-же письма.

Mai ales după eliberarea din închisoare, Bălcescu își desfășoară larga și variata sa activitate. El cheamă la simțire patriotică prin studii publicate în «Magazinul Istoric» și prin participare la activitatea Asociațiilor culturale din acea vreme; se leagă cu îndrumătorii mișcării de eliberare din Moldova și colaborează cu M. Kogălniceanu, după cum stabilește relații și cu conducătorii românilor de peste munți. In timpul acesta, folosind experiența din 1840, pune bazele organizației ilegale «Dreptate-Frăție» cu scopul de a o extinde în toate provinciile românești și căreia îi dă un program de luptă revoluționar. Programul vorbește despre unirea Românilor într'un Stat național și independent, prin abolirea privilegiilor feudale, acordarea de drepturi și libertăți democratice, împroprietărirea țăranilor și formarea unei armate naționale. Pus sub urmărire, Bălcescu se refugiază peste graniță.

Revoluția din Februarie 1848 îl găsește la Paris, de unde pleacă imediat spre țară. Drumul îi pare un marș triumfal. Dealungul Europei întâlnește popoarele ridicate la acțiunea pentru o vieață nouă. In București, simte cum se strâng în jurul liniei sale aspirațiile și hotărîrea de luptă a maselor populare.

Bălcescu formează cu ajutorul prietenilor săi devotați un front larg de luptă și dă ființă Proclamației revoluționare, în care imprimă pecetea gândirii sale, cu toate opunerile întortochiate ale lui Ion Eliade, căpetenia grupului moderaților. Grație dârzeniei lui Bălcescu, Proclamația revoluționară, care devine la 11 Iunie Constituția Țării Românești, cuprinde ideile ridicate și neîmplinite pe vremea lui Tudor, ideile dela 1840 ca și acelea de mai apoi ale programului organizației « Dreptate-Frăție », cu un cuvânt, ideile de bază ale revoluției burgheze democrate românești.

Dar în guvernul format după abdicarea lui Gh. Bibescu și din care Bălcescu făcea parte ca secretar, grupul moderaților intrase cu gândul de a zădărnici realizarea marilor reforme pe care la început le subscrisese. Timp de trei luni, până la pătrunderea turcilor în țară, Bălcescu a dus luptă încordată, sprijinit de Gh. Magheru și Al. G. Golescu pentru a sili guvernul să îndeplinească angajamentele luate față de popor. Dar lupta a fost zadarnică. Guvernul a coborît din concesie în concesie față de boerimea reacționară. Poporul fusese lăsat la o parte. Revoluția se sfârșise. Bălcescu va spune că nu armata turcească ci Eliade a făcut să cadă revoluția.

Totuși el nu crede că revoluția este definitiv înfrântă. In Europa popoarele mai luptau. Armata revoluționară maghiară obține victorii strălucite pe drumurile către Viena. Dar Românii de peste munți ridicaseră în cea mai mare parte armele nu împotriva dușmanului comun, împăratul feudal dela Viena, ci contra Maghiarilor. Cele două națiuni luptau greșit una împotriva celeilalte din cauza neînțelegerii regretabile a poziției ocupate de către fiecare dintre ele, a neputinței ideologice a unora dintre conducătorii ambelor tabere, ca și din cauza provocărilor organizate de agenții reacțiunii nemțești. Bălcescu trece în Ardeal și apoi în Ungaria, unde, ajutat și de Eftimie Murgu, isbutește în cele din urmă să obțină înțelegerea între cele două forțe revoluționare. Era însă prea târziu. Revoluția maghiară fu tot atunci înăbușită în sânge de către forțele reacționare.

Bălcescu lucrează însă mai departe pentru revoluție. La Paris și la Londra, el caută sprijin pentru cauza poporului său. Redactează memorii, scrie articole, editează reviste și lucrări, organizează emigrația română, întreține legături cu prietenii din țară, cu emigranții italieni, unguri, polonezi. Toate manifestările sale sunt însuflețite de credința în revoluția nouă, plină de îndemnuri de reluare a luptei pentru libertate, democrație și neatârnare.

Boala grea, tuberculoza, îi stinge din ce în ce puterea de vieață. Dar Bălcescu refuză cu mândrie să-și renege credințele pentru a se reîntoarce în țară. In toamna anului 1852 el își dă sfârșitul la Palermo, departe de patria iubită, părăsit aproape de toți.

Hyères 16 Oct. 1851 ?

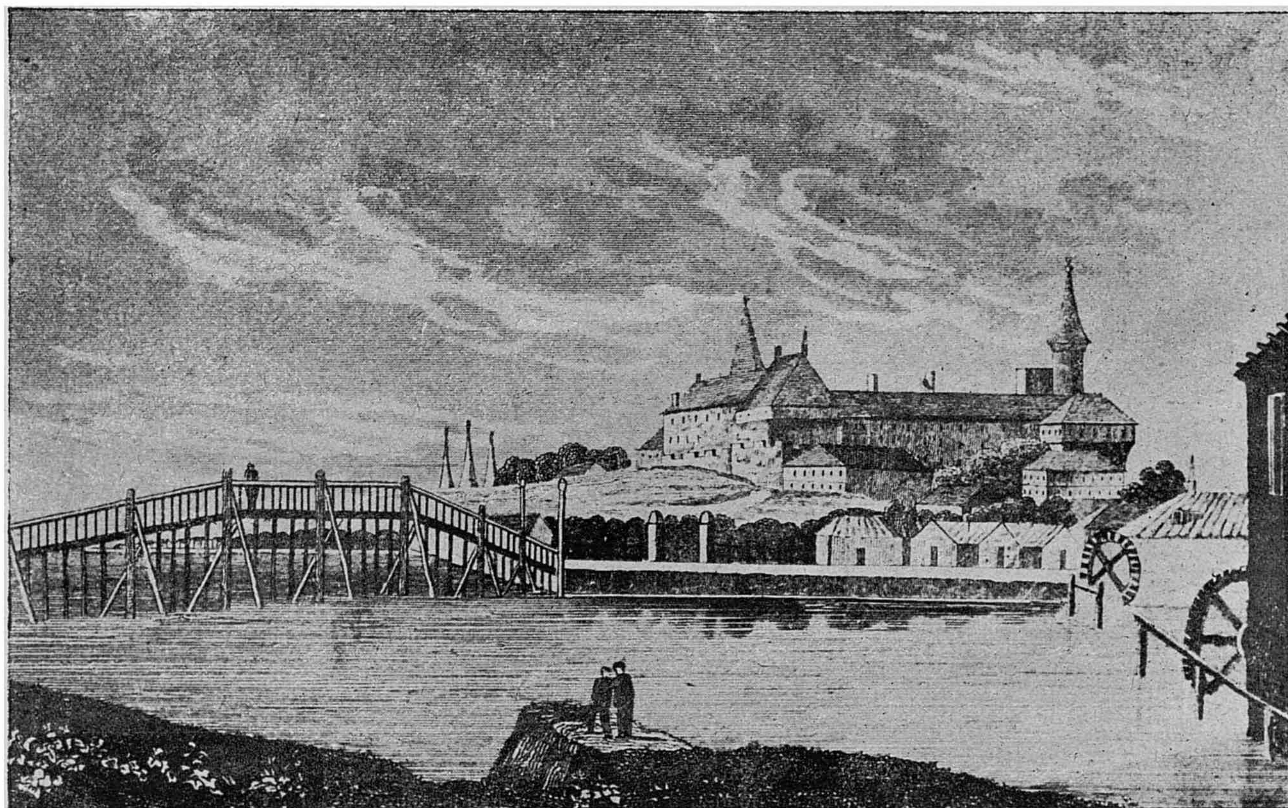
Iubite Ghica.
Am primit cărţile ce'mi
trimeseşi prin Bălăceanu.
Iţi mulţumesc pentru
cărţile ce'mi trimeşi şi nuvelele ce
mi-dai. Îmi pare rău de
bănuiala ce ai asupra mi că
m'am răcit, şi m'am lăsat
de protecţiunea ta. Chiar când
am sta mai multă vreme în
tabere diferite, dar un asemenea
nu e un cuvânt ca să încetăm
d'a ne iubi, câtă vreme ne
stimăm. Vina este a ta că stă-
rueşti a apăra o cauză moartă.
Ce pot face Turcii pentru noi?
Chiar să vrea, aceea ce ai doveditu
din contră, reacţiea Europeană
le va lega mâinile spre bine.

Scrisoare a lui Nicolae Bălcescu către Ion Ghica. (Vezi: Texte şi Documente).
Письмо Николая Балческу, адресованное Иону Гика. (См. текст и документы).
Lettre de Nicolae Bălcesco à Ion Ghica. (Voir: Textes et Documents).

Poporul român însă nu l-a uitat. El l-a înconjurat întotdeauna cu stima şi dragostea sa. Figura de luptător de frunte a lui Bălcescu trăeşte astăzi mai vie decât oricând în amintirea și inima poporului său. Revoluția visată de el pe patul de moarte nu s'a mai înfăptuit. Burghezia își terminase rolul revoluționar și devenise clasă asupritoare. In fruntea luptei poporului român, se va ridica însă o clasă nouă, consecvent revoluționară până la capăt, clasa muncitorilor.

Aceasta va lega firul întrerupt al luptelor lui Bălcescu cu acțiunile noui proletare, pentru ca după o sută de ani să realizeze visul lui Bălcescu, să desăvârșească realizările revoluției democrate dela 1848, să lichideze resturile exploatării și asupririi feudale, și să pornească mai departe pe drumul desființării oricărei exploatări a omului de către om, a oricărei asupriri, pe drumul desvoltării libere și nestingherite către vieața fericită a poporului român.

Nici nu se putea acum, la capătul unui secol de împilare și de lupte sângeroase, o cinstire mai frumoasă, mai meritată, decât cu asemenea realizări şi perspective, a amintirii marelui patriot român, Nicolae Bălcescu.

Castel Domnesc în București, în prima jumătate a veacului XIX.
Княжеский дворец в Бухаресте, в первой половине XIX века.
Une des résidences princières à Bucarest, pendant la première moitié du XIX siecle.

MIHAIL ȘOVA

DIN INVĂȚĂMINTELE ANULUI 1848

Из уроков 1848 года

Текст на стр. 114

Quelques enseignements de 1848

Voir le texte : page 152

In literatura oficială pe care a cunoscut-o țara noastră în ultimul veac, țăranul român era reprezentat ca un om pasiv, supus în toate împrejurările, celor ce aveau în mâinile lor conducerea treburilor publice.

De lucrători, stăpânirea vorbea numai în măsura în care dădea comunicate că a asigurat « ordinea », când aveau loc lupte muncitorești.

Cauza luptelor și frământărilor revoluționare din Principate, istoricii oficiali de până mai ieri o căutau exclusiv în factori de peste hotare, ce nu aveau nimic cu sentimentele și interesele masselor populare.

Ca și alte lupte mari, pe care le-au cunoscut de-a-lungul veacurilor Principatele noastre, evenimentele revoluționare dela 1848 desmint categoric această teză oficială a stăpânitorilor de ieri.

Și unul din primele învățăminte pe care le avem de tras din anul revoluționar 1848 e tocmai faptul că massele populare din Valahia, lucrătorii Bucureștilor, care s'au ridicat să apere Revoluția, precum și țăranii ce cu miile veniseră la București (după cum 40.000 veniseră la Blaj), au fost cei care s'au ridicat pentru slobozirea lor, pentru smulgerea lor de sub jugul feudal, pentru « dreptatea » înscrisă în Proclamație și pe care ei o înțelegeau în felul lor propriu.

De-aici decurge și un alt învățământ. Și anume: că atunci când transigi cu dușmanii poporului, când nu te sprijini pe popor, victoria unei revoluții nu poate fi asigurată. Aici, găsim și cauza principală a înfrângerii Revoluției din 1848 în Valahia. Poporul a ieșit în stradă, s'a înarmat, a vărsat și sânge pentru a apăra cele 21 de puncte decretate în Proclamație, invocate de Nicolae Bălcescu.

Dar guvernul provizoriu, condus de gruparea moderată a lui Eliade, n'a dat ascultare glasului poporului. N'a asigurat votul universal, n'a dat pământ țăranilor, n'a luptat pentru independență, și de aceea Revoluția din 1848 în Valahia nu a fost dusă până la capăt.

Burghezia română, în lașitatea ei, a împărțit puterea în stat cu moșierimea. O altă clasă — clasa muncitoare —, fără a cărei luptă România modernă nu ar exista, a trebuit să înfăptuiască ceea ce 1848 a lăsat neterminat, pentru a putea duce România pe căile înnoitoare spre care duce veacul nostru.

Din acest învățământ, se inspiră astăzi și forțele populare ale țării, conduse de clasa muncitoare și partidul ei de avantgardă Partidul Muncitoresc Român care, în interesul poporului, nu vor să transige cu forțele reacționare, războinice și imperialiste, menținându-se pe poziția fermă pe care se plasează poporul, pentru a asigura o pace trainică și o democrație populară.

ÎN NUMELE POPORULUI ROMAN.

„Дȣмнезеȣ е Домнȣ шi с'а арътат
„нoъ; біне есте кȣвѫнтат чел че
„віне ін нȣмеле Домнȣлȣі.„

Респект кътръ Пропріетате, - респект кътръ Персоане

FRACILOR ROMANI.

Тімпȣл мѫнтȣірії ноастре а веніт; Попорȣл ромън се дешеаптъ ла гласȣл трѫмбіцеі інџерȣлȣі мѫнтȣірії, шi'шi кȣноаште дрептȣл сьȣ де сȣверан. Паче воъ! пентрȣ къ ві се вестеште лібертате воъ!

Попорȣл ромън се скоалъ, се армеазъ, ші нȣ спре а се лȣпта о класъ асȣпра алтеіа. Нȣ спре а рȣмпе леџъτȣріле сале де релацііе дін афаръ, чі ка съ ціе ін фрѫȣ ші ін респект пе воіторії де рът ай ферічірії пȣбліче. Стрігареа Ромѫнілор е стрігаре де паче, стрігаре де інфръціре. Ла ачеастъ маре фаптъ а мѫнтȣірії, тот Ромѫнȣл аре дрептȣл де а фі кіемат, німінї нȣ есте скос афаръ: тот ромѫнȣл е ȣн атом ал інтреџії сȣверанітъцї а Попорȣлȣї: сътеан, месеріаш, негȣцътор, преот. солдат, стȣдент, боіер, домн, е фіȣ ал Патріеї ші дȣпъ слъжба ноастръ кредінцъ е ші маі мȣлт; е фіȣ ал лȣі Дȣмнезеȣ. Тоцї авем ачелаш нȣме де ромѫн. Ачаста не інфръцеште ші фаче съ інчетезъ тоате інтереселе, съ се стінгъ тоате Уреле. Паче дар воъ! Лібертате воъ!

Скȣларея ачеаста е пентрȣ бінеле, пентрȣ ферічіреа тȣтȣрор стърілор соціетъцїї, фъръ пагȣба вреȣнеіа, фъръ пагȣба нїчї а ȣнеї персоане. Нȣ се кȣвіне а перде чеї маі мȣлцї пентрȣ чеї маі пȣцінї, къчї есте недрепт; нȣ се кȣвіне саръ а перде чеї маі пȣцінї пентрȣ чеї маі мȣлцї, кьчї есте сіլнік.

Попорȣл ромън, ін кът кътре челе дін афаръ нȣ сȣпъръ пе німінї, респектъ тоате Пȣтеріле ші чере а респекта ші але дрептȣріле лȣї стіпȣлате прін трактатȣріле лȣї Мірчеа ші Влад V, рекȣноскȣте де тоате трактателе інкіеате апоі інтре Ѫ. Поартъ ші Рȣсіа, ші протестъ асȣпра орї кърїі фапте че с'а фъкȣт ін протіва ачестор трактате. Попорȣл ромън воеште кȣ о воінцъ таре а'ші пъстра неатърнареа адміністрацїї сале, неатърнареа леџіȣрії сале, дрептȣл съȣ сȣверан ін челе дінъȣнтрȣ, ші ръмѫне ін ачелеаші легътȣре ші маі стрѫнсъ прін лȣмінеле веакȣлȣї кȣ Ѫ. Поартъ. Ачеастъ воінцъ е легалъ, е не греді ца трактателор ші нȣ есте ін пагȣба німȣлȣї

Попорȣл ромън леапъдъ ȣн регȣламент каре есте інпротіва дрептȣрілор сале леџіслатіве ші ін трактателор чеі іі рекȣноск автономіа. — Ачастъ лепъдаре есте ѫнсȣшї ін фолосȣл Ѫ. Порцї че ва фі арбітраръ дін преȣнъ кȣ Франца, Џерманіа ші Енглітера, кърора Ромѫнії ле рекламъ жȣдекатъ ші ажȣтор ла орї че асȣпріре че лі с'ар фаче.

Попорȣл ромън декретъ ші хотъраште респонсабілітатеа міністрілор ші кȣ ȣн кȣвѫнт а тȣтȣлор фонкціонарілор пȣблічї; ші фіінд къ нереспонсабілітатеа нȣ есте дрепт ал німȣлȣї, нічї де мощеніре, нічї де інвоіре; прін ȣрмаре мімінї нȣ перде німік ші хотърѫреа попорȣлȣї е сфѫнтъ.

Попорȣл ромън воеште о Патріе таре, ȣнітъ ін драгосте, компȣсъ де фрацї, еар нȣ де връжмашї, прін ȣрмаре декретъ, дȣпъ векіле сале датіне ачелеаші дрептȣрї чівіле ші політіче пентрȣ тот Ромѫнȣл.

Чіне нȣ воеште ачеаста е връжмашȣ ал ферічіреї пȣбліче, е ȣн алт Каін ȣчігътор де фрате ін сѫнȣл маміеї ноастре Патріі.

Попорȣл ромън ва съ деа дрептате, ші дрептатеа е а лȣі Дȣмнезеȣ. Дрептатеа нȣ сȣфере а пȣрта нȣмаї сърачії сарчінеле църеї ші богацїї съ фіе скȣтіцї. Прін ȣрмаре декретъ контрібȣціе џенералъ дȣпъ венітȣл фіе кърȣеа. Ачеаста інавȣцеште Патріа ші о Патріе авȣтъ е ін фолосȣл тȣтȣрор ші прін ȣрмаре ін пагȣба німȣлȣї. Ачеаста кіамъ пе тоцї ла ачелеаші дрептȣрї ші даторії інтр'о Патріе дреаптъ інфлорітоаре ші каре кȣ тот дрептȣл нȣ ва маі пȣтеа сȣфері контрол стръін.

Попорȣл ромън дъ ін апоі ла тоате стъріле дрептȣл чел векіȣ де а авеа репресентанцї ін џенерала адȣнаре; декретъ де азї ін аінте алеџереа ларгъ, ліберъ, дреаптъ, ȣнде тот Ромѫнȣл аре дрептȣл де а фі кіемат ші ȣнде нȣмаї капачітатеа, пȣртареа, віртȣціле ші інкредереа пȣблікъ съ'ї деа дрептȣл де а фі алес. Ачеаста пе чеі бȣнї, пе чеі дрепцї нȣ'ї пъгȣбеште інтрȣ німік, ші Ромѫнії аȣ фост тот д'аȣна бȣнї. О цѫрь стрънїи, ші о ціе проверȣл чел векіȣ: „бȣнъ царъ, реа токмеалъ.„ Ачеастъ декретаре нȣ е ін пагȣба німȣлȣї, ва съ стінге нȣмаї токмеала.

Попорȣл ромън декретъ тіпар лібер, кȣвѫнтаре ліберъ, адȣнърі лібере спре а ворбі, а скріе челе де фолос, спре а арѫта адевърȣл. Адевърȣл ідеіле, кȣноштінцеле віне дела Дȣмнезеȣ, ін фолосȣл џенерал ал оаменілор, ка соареле, ка аерȣл, ка апа, ші прін ȣрмаре сȣнт пропрієтате ȣніверсалъ; ші дакъ се кȣвіне а фі респектатъ ѫнсȣшї пропрієтатеа партікȣларъ, кȣ атъта маі вѫртос есте сакръ ші не атінсъ пропрієтатеа ȣніверсалъ. А інчеа адевърȣл, а стінџе лȣмінеле, а інчедека фолоаселе, прін інчедекаре тіпарȣлȣї, е те о вѫнзаре кътръ Патріе, о апостасіе кътръ Дȣмнезеȣ. Лібертатеа тіпарȣлȣї нȣ поате пъгȣбі пе німінї де кът пе фіі інтȣнерекȣлȣї.

плътъ; декретъ ін Бȣкȣрещї о школъ політехнікъ, кѫте о ȣніверсітате ін Бȣкȣрещі ші Краіова ші кѫте ȣн лічеȣ кȣм ші пенсіонате пентрȣ амѫндоъ секселе; кѫте ȣн лічеȣ асемене ші ȣн пенсіонат ін фіе-каре жȣдецȣ; кѫте о школъ нормалъ ін фіе-каре пласъ ші кѫте о школъ інчепътоаре біне інтокмітъ ін фіе-каре сат. Декретъ щіінцеле ка ші пѫнъ акȣм ін лімба Патріеі, ші кȣлтȣра ші інфлоріреа ачестеі лімбе дȣпъ натȣра ші дȣпъ оріџінеа еі кȣ літереле сале атѫт ін кърціле профане кѫт ші ін челе сакре кȣм ші інтродȣчереа літерелор ін тоате канцеларііле.

Деспре ачест капітол ал інвъцътȣреі гȣвернȣл ва фі датор сȣб а са респȣндере а пȣне чеа маі актівъ стърȣінцъ спре а се інфіінца ашезъмінтеле де едȣкаціе пȣблікъ: ші прекȣм нȣ се поате лъса нічі ȣн крештін а се наште ші а мȣрі неботезат, асемене нічі ȣн фіȣ де четъцеан дін цара се афлъ азї ін вѫрстъ де доі-спре-зече ані ші кѫцї се вор наште де акȣм інаінте съ нȣ ръмѫе неѫмпъртъшіт де інвъцътȣръ, кьчі пе дѫнса се інтемеіезъ вііторȣл църеі ші пȣтереа інлȣкраре кȣм ші търіа ші ачеа адевъратъ а ашезъмѫнтȣрілор Патріеі.

Попорȣл ромън леапъде де пе сіне неомеціа ші рȣшінеа де а ціне робі ші деларъ лібертатеа цїганілор челор партікȣларі. Чеі че аȣ сȣферіт пѫнъ акȣм рȣшінеа пъкатȣлȣі де а аве робі сȣнт іертацї де Попорȣл ромѫн; іар Патріа ка о мȣмъ бȣнъ дін вістіріа са ва деспъгȣбі пе орі-чіне ва реклама къ а авȣт пагȣбъ дін ачеастъ фаптъ крештінеаскъ.

Попорȣл, декретѫнд о датъ дрептȣріле чівіле ші політіче че ле аȣ авȣт ін тот д'аȣна тот четъцеанȣл, деларъ къ тот Ромѫнȣл е лібер, тот Ромѫнȣл е нобіл, тот Ромѫнȣл е ȣн домн. Прін ȣрмаре де азї ін аінте десфіінцезъ орї че педеапсъ кȣ бътаіа ші рȣмпе ін образȣл гѫзілор орі-че біциȣ ші орі-че варгъ че деградъ дігнітатеа четъцеанȣлȣї. Бътаіа дар се ардікъ дела оріче дрегъторіе ші кȣ атѫта маі вѫртос дін рѫндȣріле солдацілор.

Попорȣл ромън де ші нȣ кȣноаште фіінцъ педепсеі кȣ моарте, ѫнсъ пентрȣ къ адеса прін жȣдекъторііле кріміале, жȣдекъторіі де сістема чеа векіе саȣ бȣтезат а да афаръ ніште сентінце де моарте, фъръ съ фі пȣтȣт а се пȣне ін лȣкраре, Попорȣл декретъ десфіінцареа кȣ тотȣл а педепсеі кȣ моартеа атѫт ін лȣкраре кѫт ші ін сентінцъ.

Попорȣл ромън вѫзѫнд інтреȣмперіле сале де релацїї кȣ Ѫ. Поартъ, маі вѫртос дела 1828 ін коаче, вѫзѫнд къ репресантантȣл съȣ ла Константінополе е ȣн стреін, рекламъ а'ші аве релацііле д'адрептȣл кȣ Ѫ. Поартъ ші репресентант ал съȣ ла Константінополе інсȣшї дінтре Ромѫнї.

По скȣрт, Попорȣл ромън рекапітȣлѫнд декретъ:

1. Індіпендінца са адміністратівъ ші леџіслатівъ пе темеіȣл трактателор лȣї Мірчеа ші Влад V. ші неаместек ал нічі ȣнеї пȣтері дін афаръ ін челе дін лъȣнтрȣ але сале.

2. Егалітатеа дрептȣрілор політіче.

3. Контрібȣціе џенералъ.

4. Адȣнанцъ џенералъ компȣсъ де репрезентанцї аї тȣтȣрор стърілор соціетъцїї.

5. Домнȣл респонсабіл алес пе кѫте чінчї ані ші кътат ін тоате стъріле соціетъцїї.

6 Ѫмпȣцінареа лістеі чівіле — ардікареа де орі-че міжлок де корȣмпере.

7. Респонсабілітатеа міністрілор ші а тȣтȣлор фонкціонарілор ін фонкціа че окȣпъ.

8. Лібертате абсолȣтъ а тіпарȣлȣі.

9. Орї че рекомпенсъ съ віе дела Патріе прін репресентанцїї съї, іар нȣ дела Домн.

10. Дрептȣл фіе кърȣеа жȣдецȣ де а'ші алеџе дерегъторії съї, дрепт каре пȣрчеде дін дрептȣл Попорȣлȣї інтрег де а'ші алеџе домнȣл.

11. Гварде націоналъ.

12. Еманчіпаціа мѫнъстірілор інкінате;

13. Еманчіпаціа клъкашілор че се фак пропрієтарї прін деспъгȣбіре.

14. Десробіреа цїганілор прін деспъгȣбіре.

15. Репресентант ал църіі ла Константінополе дінтре ромѫнї.

16. Інстрȣкціе егалъ ші інтреагъ пентрȣ тот Ромѫнȣл де амѫндоъ секселе.

17. Десфіінцареа рангȣрілор тітȣларе че нȣ аȣ фонкцїї.

18. Десфіінцареа педепсеї деградътоаре кȣ бътаіа.

19. Десфіінцареа атѫт ін фаптъ кѫт ші ін ворбъ а педепсеї кȣ моартеа.

20. Ашезъмінте пенітенціаре ȣнде съ се спеле чеї кріміналї де пъкателе лор ші съ еасъ ідрептъцїцї.

21. Еманчіпаціа Ісраелїцілор ші дрептȣрї політіче пентрȣ орі-че компатріоцї де алтъ кредінцъ.

22. Конвокаре ін датъ а ȣнеї адȣнаре џенерале естраордінаре констітȣанте алеасе, спре а репресента тоате інтереселе саȣ месеріле націеі, каре ва фі датоаре а фаче констітȣціа църеі пе темеіȣл ачестор 21 артіколе декретате де Попорȣл ромѫн.

гарї, Џерманї, Арменї Ісраеліцї, армаціївъ спре а ціне ȣна орандȣеалъ ші а лȣпта ла фаптъ чеа маре Патріа есте а ноастръ ші а воастръ. Воъ въ плаче а шедеа інтр'ѫнса ші еа въ пріімеще. Сȣтеме чеа веке нȣ ва кіема ші пе воі ла ма а де общі. Де азї ін аінте о масъ авем кȣ тоцїї; ȣн осіцъ де фръціе ні се інтінде; ачелеаші дрептȣрі вом авеа кȣ тоцїї.

Ші воі, о біне кȣвѫнтацї сътенї, фрацї аї лȣї Хрістос; мȣнка воастръ, пѫінеа ші вінȣл се префак ін трȣпȣл ші ін сѫнџеле Дȣмнезеȣ; воі сȣнтецї фіії чертаці, фіії пъчії ші аї търіеі; воі сȣнтецї хръніторії ноштрі: воі аці плѫнс ші въ ведецї лȣкра, воі аці інсетошат де дрептате ші въ ведецї ръкоріці; пе воі въ ферічіт Мѫнтȣіторȣл лȣмеі. Ферічіцї сътецї ші ін лȣмеа ачеаста ші ін чеалалтъ. Стацї дар ла лȣкрȣ а воастръ къ зіоа а веніт; кътаціївъ де кѫмпȣріле воастре че ві ле дъръіеште астъзї Патріа, каре рѫд ін аінте воастръ ші въ кіамъ ла ферічіре. Іар пентрȣ къ дȣхȣл ръȣлȣі Сатана, поате съ маі аџѫнџе оаре-каре връжмашї че въ пізмȣеск мѫнтȣіреа ші ферічіреа, трімітецї дін фіе-каре сат кѫте ȣн преот кȣвіос ші кѫте треі машї інвъцъторі ка а въ чере дрептатеа че ві се кȣвіне. Дрептатеа во дъ тоатъ лȣмеа кȣ мѫні плѫне ші кȣ лакръміле ін окі. Іар преоцїї вор чіті блестемеле сфѫнтȣлȣі Васіліе спре а гоні дȣхȣл ръȣлȣі дін царъ.

Мъріа Та. Домнȣле алес ал Църеі!

Пѫнъ ачі попорȣл ромѫн кȣ дȣрере къ те поменеште ін ȣрма тȣтȣлор ші есте ла М. Т. съ те пȣі ін кап. Патріа те-а алес; те-а авȣт фіȣл еі чел маі скȣмп; гȣвернареа 'ці а фост проблематікъ: те-аі арътат ін окії Патріеі ші аі лȣмії ка фіȣл рісіпітор дін Евангеліе. Віно ін апоі ші ва пȣне Патріа інелȣ ін дреапта та ші ва інжȣнга віцелȣл чел грас. Ноі нȣ'цї черем кȣвѫнт, пентрȣ къ ешї фрателе ностръ, ешї ромѫн. Кȣвѫнтȣл ті ла ноі да ін аінтеа конштіінцеі М. Тале, ін аінтеа лȣі Дȣмнезеȣ. Нȣ ціне дакъ кѫте аі фъкȣт, ле-аі фъкȣт де бȣнъ воіе, орї сіліт. Акȣм е тімпȣл съ арьцї лȣмії къ аі фост ші ешї ромѫн; акȣм е тімпȣл съ фачї съ се спеле челе трекȣте, ші съ нȣ лашї фіілор ȣн нȣме пестемїт. Патріа те рекламъ де фіȣ, еа іші рȣмпе вестмінтеле, іші бате пептȣл ші алеагъ ші інтр'о парте інтр'алта черѫнд съ нȣ геаръ нічі ȣнȣл дін фііі съі, съ нȣ се пеарде нічі о пікътȣръ де сѫнџе де ромѫн. Патріа ȣітъ тот: фіі дар ал еі, дȣпъ кȣм еа воеште съ те аібъ ін кап ла ачеаста маре фаптъ. Фъ о пагінъ фрȣмоасъ Історіеі ромѫне. Нȣ'цї фаче копії а се рȣшіна ін сѫнȣл Франціеі де татъл лор: нȣ лъса цара фъръ кап ін асеменеа імпрежȣръ ін прада інтрігеі че ар пȣтеа адȣче анархіе, кьчі атȣнчї, ваі ноъ! ші де треі орї ваі М. Тале!

Фрацї Ромѫнї! Нȣ въ темецї де нічі о пȣтере непраніікъ де дін афаръ, кьчі с'аȣ дȣс тімпії сілеі ші'аі дрептȣлȣі челȣі маі таре. Ціненї нȣмаї бȣна орѫндȣеалъ ін інтрȣ. Антрарматїівъ ін гварде націоналъ спре асігȣрарса дрептȣрілор воастре ші спре а форма кръчіата інфръціріі класелор ін інтрȣ, кȣм ші а фаче парте ін кръчіата інфръціріі націіілор ін афаръ. Адȣнаціївъ кȣ тоцїї сȣбт стеагȣріле Патріеі. Челе треі кȣлорі націонале въ сȣнт кръчіеата сперанцелор. Крȣчеа че е д'асȣпра лор ва адȣче а мінте Рȣсіеі къ о крештінъ. Крȣчеа се ва пȣне пе хотарȣл ностръ, ші рȣсȣл нȣ ва кълка ін цара ноастръ (фъръ съ калче маі ѫнтѫіȣ крȣчеа ла каре се інкінъ. Де нȣ се ва сфії де семнȣл ачеста, вом тріміте ін аінтеі нȣ арме чо нȣ ле авем, чі преоцїї ноштрі, бътрѫнії ноштрі, нȣмеле ноастре, прȣнчії ноштрі, каре ін соцїцї де інџерȣл Домнȣлȣі че пъзеште пе чеі че се скоалъ ін нȣмеле лȣі, вор ціпа ші се ва авзі пѫнъ ла марџінїле пъмѫнтȣлȣї, пе Ромѫнії нȣ ле аȣ лȣат німік, къ еі нȣ'ї вор ін цара лор. Вор пȣне преоцїї Евангеліа пе каре се інтемеезъ леџіле ноастре, о вор пȣне ін калеа лор ка съ калче пе дѫнса ші съ віе съ ровеаскъ ȣн попол че тот д'аȣна 'і а фост вііторȣл де біне, фъкътор де біне ін ресвоаіеле лȣі. Рȣсіа пѫнъ акȣм с'а зіс къ есте кезашъ а дрептȣрілор ноастре. Ноі, ін стрігареа ноастръ, нȣ черем де кът дрептȣріле ноастре, ші протестъм маі дін аінте ла Ѫ. Поартъ, ла Франца, Џерманіа ші Енглітера асȣпра орікърії інвазії ін пъмѫнтȣл ностръ че не ва ȣчіде ферічіреа ші не ва кȣтропі індіпендінца ноастръ дін інтрȣ.

Апоі попорȣл ромън деларъ астъзї ін фаца лȣі Дȣмнезеȣ ші а оаменілор къ, дакъ проламаціа са се веде претȣтіндені інсȣфлатъ де спірітȣл Пачеі, дакъ еі нȣ ворбеск інтр'ѫнса тот амеінцътор ші се ціне пе артіма леџілор ші ал трактателор, ачеаста інведереазъ карактерȣл лор чел правілнік ші сȣфлетȣл лор че де о потрівъ адоаръ лібертатеа ші а лор ші а алтор нацїї, че, воі да а се рентреції ін дрептȣріле лор, ші е а респекта пе але алтор нацїї. Ачеаста ін фаче а ворбі асфел еар нȣ фріка: кьчі съ'т о націе маі мȣлт де 8 мілїоане сȣфлете, ші ла орі че інвазіе дін афаръ че ле ва аменінца лібертъціле, фіе каре ва щі а'ші апъра ветреле, ші стръінȣл, ін челе дȣпъ ȣрмъ, ла орї че неноронїре, ва пȣтеа кȣтропі нȣмаї пъмѫнтȣл, дакъ ва дорі Дȣмнезеȣ, еар нȣ ші оаменії. Нічі ȣн ромѫн нȣ ва маі тръі дȣпъ моартеа індіпендінцеі Патріеі сале.

Фрацї Ромѫнї! респектацї пропрієтатеа ші персоанеле, адȣнаціївъ кѫт де мȣлцї, армаціївъ кȣ тоціі, ѫнсъ імітацї пе фрацїї ноштрі Трансілванї. Ведецї кȣм се адȣнаръ атѫтеа мѫріаде фъръ съ се факъ чеа маі мікъ ларъ чеа маі мікъ неорѫндȣеалъ. Н'авецї нічі о темере де кѫт темереа де Дȣмнезеȣ ші атȣнчї воъ кȣ адевърат ні се ва кȣвені а стріга фъръ рȣшіне: „Къ кȣ ноі есте Дȣмнезеȣ!„

Кȣ ноі есте Дȣмнезеȣ: фраціілор, ін нȣмеле лȣі скȣлацївъ ші інџерȣл ресȣнърії лȣі стеащі ва стінџе пе тот връжмашȣл, ші ва добор ші калȣ ші кълъреції; кареле ші армеле лȣі вор фі рісіпіте ка пȣлбереа ші пълтріле ла сфъріаре ка фȣмȣл.

Ла арме Ромѫнї! ла армеле мѫнтȣірії!

Proclamaţia dela Islaz, din 9/21 Iunie 1848. (Vezi: Texte şi Documente).

Прокламация в Ислазе 9/21 июня 1848 г. (См. текст и документы).

Proclamation d'Islaz, le 9/21 juin 1848. (Voir: Textes et Documents).

SEMNIFICAȚIA SĂRBĂTORIRII CENTENARULUI ANULUI REVOLUȚIONAR 1848 IN REPUBLICA POPULARĂ ROMÂNĂ

Значение празднования столетия революционного 1848 года — в Румынской Народной Республике

Текст на стр. 115

L'importance de la célébration du centenaire de l'année révolutionnaire 1848 dans la République Populaire Roumaine

Voir texte : page 154

Revoluția dela 1848 a fost preludiul marilor înfăptuiri la care asistăm astăzi. Spiritul de eliberare a popoarelor, de scuturare a jugului robiei, s'a manifestat atunci atât la muncitori, cât și la unii intelectuali de frunte cum a fost Nicolae Bălcescu.

Organizarea producției se găsea într'o fază înapoiată. Burghezia a canalizat revoluția în favoarea ei și în dauna masselor populare muncitoare.

Astăzi, după 100 de ani, omenirea se găsește în altă fază. S'a înfăptuit Marea Revoluție Socialistă din Octomvrie și victoria extraordinară a popoarelor sub conducerea acesteia asupra fascismului. Pretutindeni muncitorimea se găsește organizată, și la noi în țară se înfăptuiește o lume nouă de libertate, de dreptate, de egalitate socială.

In ce privește știința, pentru prima oară ea se pune în slujba marilor masse muncitoare, care reprezintă adevăratul popor. Și la noi în țară știința este pentru prima dată integrată în preocupările conducătorilor democrați ai poporului nostru.

C. I. Parhon

C. I. PARHON
Președintele Prezidiului Marei Adunări Naționale a Republicii Populare Române

supra serbării centenarului revoluției din 1848 planează faptul că el coincide cu înfăptuirea Constituției Republicii Populare Române.

Noi privim cu pietate spre acei care au luptat și au căzut pe câmpurile de bătălie ale Revoluției, pentru a înlătura jugul iobăgiei și a elibera un popor muncitor, exploatat atât de nemilos de regimul feudal.

Acești eroi erau încredințați că sunt pe drumul cel bun, care duce la libertatea mult râvnită de atâtea secole.

Noi, privind îndărăt, înzestrați cu experiențele celor o sută de ani care s'au scurs de atunci încoace, cu toate concluziile care se impun, constatăm greșeala acelora care au îndrumat poporul român din Ardeal spre o alianță cu împăratul habsburgic din Viena. Altcum, cei ce au rămas în vieață, printre care și Avram Iancu, au putut constata — și ei — fără întârziere, această mare greșeală a lor.

La lumina acestor tragice experiențe și a altora care au urmat, poporul muncitor este astăzi lecuit de concepțiile izvorîte din obscurantismul dinastic și șovinismul care l-au împins spre atâtea greșeli.

Regii și împărații au fost alungați și împreună cu ei minciuna și viclenia, care știau să despartă popoarele, pentru a le stăpâni. Așa cum acești habsburgi și aliații lor feudali maghiari au știut în toate vremurile să despartă poporul maghiar de poporul român, asmuțind mereu pe unul împotriva celuilalt și înșelându-le pe amândouă.

Ultimul act pe drumul acestor intrigi imperialiste a fost Dictatul dela Viena, prin care s'a dat Ardealul de Nord Ungariei, pentru a putea târî apoi Horty sutele de mii de fii ai poporului maghiar în războiul Uniunii Sovietice — promițându-se Ungariei și restul Ardealului — și a antrena în același timp România, prin sateliții ei hitleriști, în același războiu, spre aceleași granițe — amăgind-o cu restituirea Ardealului de Nord.

In vreme ce sute de mii din cei mai bravi fii ai poporului român și ai poporului maghiar erau laolaltă fără niciun rost pe câmpiile întinse ale Uniunii Sovietice, într'un războiu de cotropire — cei rămași acasă erau provocați sistematic de către regimurile hitleristo-fasciste ale lui Horty și Antonescu, unii contra altora, scriindu-se astfel cele mai negre pagini din istoria conflictelor seculare provocate între aceste două popoare.

Astfel, după o sută de ani, s'a realizat acum stăpânirea poporului, căruia îi aparține întreaga putere în stat, exercitată de el însuși.

In adevăr, democrația populară elimină factorii și instituțiunile care îi împiedecau libera sa desvoltare și drumul îi stă deschis larg pentru realizarea unei noui structuri sociale, economice și

politice, cu egale îndreptățiri și îndatoriri pentru toți cetățenii acestei țări, din care să dispară exploatarea omului de către om.

In acest fel, în Republica Populară Română, patria tuturor celor ce muncesc cu brațele și cu mintea, la orașe și sate, se materializează și o serie de principii înscrise în Declarație în urma voinței țărănimii în anul 1848, la Blaj, pe câmpia Libertății — principii trădate de sateliții din slujba imperialismului habsburgic și feudalilor maghiari, și de pătura stăpânitoare a poporului român din Transilvania, care au îndrumat politica noastră din Ardeal spre constituirea așa numitului partid Național-Român.

Rolul acestui partid istoric, cu toate isprăvile lui, s'a desvăluit sub ochii noștri, în toată goliciunea lui, mai cu seamă la lumina realizărilor de astăzi. N'a rămas în urmă nimic în sufletul poporului român și a popoarelor conlocuitoare, mereu înșelate, iar amintirea sa n'a mai turburat în niciun chip marea sărbătoare a milioanelor de muncitori, care după o sută de ani dela Revoluția din 1848, în Transilvania și Banat și-au manifestat cu entuziasm hotărîrea, alături de celelalte provincii ale țării, de a clădi o Românie nouă, pe fundamentul solid al Constituției Republicii Populare Române — pe linia continuă a desvoltării unor principii politice stabilite pe Câmpia Libertății din Blaj, acum un secol, de către cei patruzeci de mii de iobagi adunați acolo.

De sigur, această evoluție fericită ne umple sufletele de bucurie și forțele populare eliberate pășesc acum cu încredere și cu hotărîre la consolidarea cuceririlor unei Românii libere și independente, cu poporul suveran pe voința lui.

Și astfel urmașii gloatelor răzvrătite ale lui Bălcescu și Petöfi și-au întins astăzi mâna, în hora muncii comune, pentru reconstrucția aceleiași patrii.

Iar aceasta determină și eliminarea motivelor de fricțiune cu popoarele vecine, așa că, înconjurați numai de prieteni, neliniștea nu va mai turbura munca noastră. Și în acest mod se verifică, atât pe plan intern, cât și extern, principiile înscrise pe flamura Revoluției din 1848, când reprezentanții regimului feudal, ai marii burghezii și vârfurile financiare, puși cu toții în slujba imperialismului și a unei politici de oprimare națională și economică, au negat cu îndârjire posibilitățile unei împăcări între popoare, prăbușindu-se în fața realizărilor de azi. Dar ei orbiți de cele ce se întâmplă mai bâjbâie încă printre noi.

De aceea trebue ca să dispară definitiv fantomele lor rătăcitoare din preajma corpului însănătoșit al poporului nostru și al popoarelor conlocuitoare. Pentrucă niciodată trecutul întunecat cu toate umilințele, lacrimile, suferințele și sacrificiile lui să nu se mai întoarcă. Iar rostul mare al jertfelor celor căzuți în revoluția de acum o sută de ani este tocmai de a fi răscumpărați prin libertatea noastră de astăzi, scutindu-ne pe noi de sacrificiile noastre proprii.

Dr. Petru Groza

Dr. PETRU GROZA
Președintele Consiliului de Miniștri al Republicii Populare Române.

Revoluția din 1848, deși n'a fost dusă până la capăt, constituie o dată însemnată în istoria luptelor poporului român.

Deși pentru acea vreme nu se poate vorbi de o industrie propriu zisă, deci nici de existența unui proletariat industrial, conștient și organizat, elementul combativ și dinamic în acțiunile de massă s'a recrutat din sânul lucrătorimii: tăbăcari, brutari, măcelari, croitori, etc.

Aceste elemente muncitorești, eșite din massa țăranilor iobagi, asupriți și exploatați de regimul feudal, au îmbrățișat cu elan și încredere cauza revoluției din 1848, deoarece doreau schimbarea regimului în care ei nu aveau decât obligații fără nici un fel de drepturi.

Temându-se de forța revoluționară a masselor, burghezia orașelor a acceptat o înțelegere cu boerii feudali de care era legată prin interese comune. Trădând lozincile care au antrenat massele alături de burghezi, aceasta a îndepărtat poporul de revoluție, motiv pentru care ea a fost atât de ușor înăbușită.

Țelurile urmărite de revoluția din 1848, care au rămas neîndeplinite din cauza trădării burgheziei, au fost realizate datorită luptelor purtate neîncetat de atunci încoace de clasa muncitoare.-

Astăzi, când se împlinesc 100 de ani dela revoluția din 1848, datorită faptului că dintr'o clasă asuprită, clasa muncitoare din România a devenit clasa conducătoare în Stat, întreg poporul se bucură de cele mai largi drepturi și libertăți în cadrul unui regim de democrație populară și în cadrul unei noui forme de stat, Republica Populară.

Gh. Apostol

GH. APOSTOL
Președintele Confederației Generale a Muncii din Republica Populară Română

Evenimentele revoluționare ale anului 1848 au evidențiat și în țara noastră importanța luptei armate a poporului în câștigarea drepturilor sale și în apărarea acestor drepturi cucerite.

In această luptă revoluționară poporul nostru a avut de partea sa militari capabili și devotați ca Magheru și Tell, a știut să înlăture militari trădători ca Odobescu și Solomon, a simțit solidaritatea ostașilor, care au refuzat să fie unelte oarbe în mâinile boierilor, dar însuflețiți de conștiința națională s'au opus cu arma în mână cotropitorilor turci pe Dealul Spirei.

Cu toate greșelile comise și slăbiciunile avute, va rămâne ca un exemplu luminos încercarea lui Magheru de a continua rezistența armată și lupta împotriva boierilor reacționari puși în slujba cotropitorilor turci și contra cotropitorilor înșiși; va rămâne un exemplu de înalt patriotism chemarea lui Bălcescu la apărarea armată împotriva intervenției otomane.

In constituirea nouei Armate Române — Armata Populară — ne inspirăm din exemplul măreț al înaintașilor noștri, care au chemat poporul la lupta pentru câștigarea unei vieți libere, pentru apărarea drepturilor și libertăților cucerite, pentru apărarea independenței și suveranității naționale amenințate de cotropitorii străini.

Azi, statul nostru — Republica Populară Română — este un stat realmente independent și suveran.

Cu ocazia centenarului Revoluției din 1848 stăruesc vii în amintirea noastră cuvintele marelui republican și revoluționar Nicolae Bălcescu: «Sântem tari căci poporul e cu noi».

Armata populară a României Republicane va fi puternică, căci ea va fi una cu poporul!

E. BODNĂRAȘ
Ministrul Apărării Naționale

Sărbătorirea centenarului revoluției din 1848 se face astăzi, în Republica Populară Română, în condițiuni cu totul deosebite. In decursul celor 100 ani, nu s'a relevat just adevăratul ei sens și nu s'au scos în relief figurile ei reprezentative.

Același mărunt și meschin interes de clică, pe care-l descoperim la fiecare pas, în istoria noastră politică, a făcut să fie înfățișat într'o formă falsă și evenimentul revoluționar dela 1848.

Este neîndoios faptul că dată fiind starea de înapoiere care domnea în Principate, ca și dincolo în Transilvania — stare de înapoiere feudală — nu se poate vorbi decât de o revoluție efectuată în atari condițiuni.

Examinând, pe rând, fenomenele, putem vedea ușor că spiritul revoluționar a existat și la 27 Martie 1848, la Iași, și la 3/15 Mai la Blaj, și la 9 Iunie și 11 Iunie, la Islaz și București.

In Muntenia, revoluția a fost pornită în condițiuni mult mai bune, cu o directivă mai precisă și cu anunțarea unor reforme adânci (între altele s'a vorbit în proclamația dela Islaz și de împărțirea pământului la plugari și de Republică), dar a fost prea repede compromisă de reaua credință a unora și de șovăiala și de lipsa de energie, a altora. Revoluția din Muntenia a antrenat masele de mici meseriași din București și masele plugărești dela-țară.

Nu au lipsit oameni cu vederi largi de nicăieri. Ii găsim și în Moldova — Alexandru Ion Cuza și Kogălniceanu — îi găsim și la Blaj și îi găsim, mai ales, în Muntenia unde Bălcescu face figură de adevărat revoluționar pentru toate provinciile românești, prin strădaniile lui de a lămuri pe toți, asupra adevăratelor rosturi ale mișcării.

Dar tot sbuciumul și lupta lui au fost înfrânte de acei ce în bucuria primului succes au pierdut vigilența necesară și au abandonat reformele pe care se angajaseră să le facă, precum și de acei care au văzut în mișcarea maselor, de atunci, doar un bine venit prilej pentru aranjamentele lor înguste de castă.

Revoluția a fost înfrântă. Reformele anunțate atunci au trebuit să aștepte 100 ani până să fie împlinite, și în alte condițiuni.

Bălcescu, alungat de aici, a încercat să-i facă pe cei din Ardeal să înțeleagă, cel puțin în ultimul moment, care este drumul just al revoluției.

Din minunata revoluție pornită la Islaz și continuată cu succes la București la 11 Iunie 1848, unii din participanți au vrut să facă, și au reușit până la urmă, o afacere de familie.

Timp de 80 de ani, aceștia, alături de monarhia hohenzollernilor aleasă de ei drept complice la subjugarea poporului, au stăpânit prin ei și prin descendenții lor, întreaga țară. Au făcut ceva mai mult. Au ascuns adevărul. Pentru toată lupta revoluționară a lui Bălcescu, pentru toate ideile lui progresiste, pentru toate învățăturile lui și pentru toate principiile mari pe care el nu le-a părăsit

niciodată, i-au acordat grația calificării drept « patriot », dar în înțelesul pe care ei înșiși îl dădeau cuvântului, nu în înțelesul lui adevărat.

Atât au permis stăpânitorii să se știe despre 1848 și despre Bălcescu. Restul a fost îngropat în tăcere și uitare, răstălmăcindu-se adevărul și încercând să se facă eroi ai mișcării din cei ce trădaseră linia revoluționară, iar din participarea lor la revoluție izvor de drepturi pentru stăpânirea familiei și neamurilor lor, asupra țării.

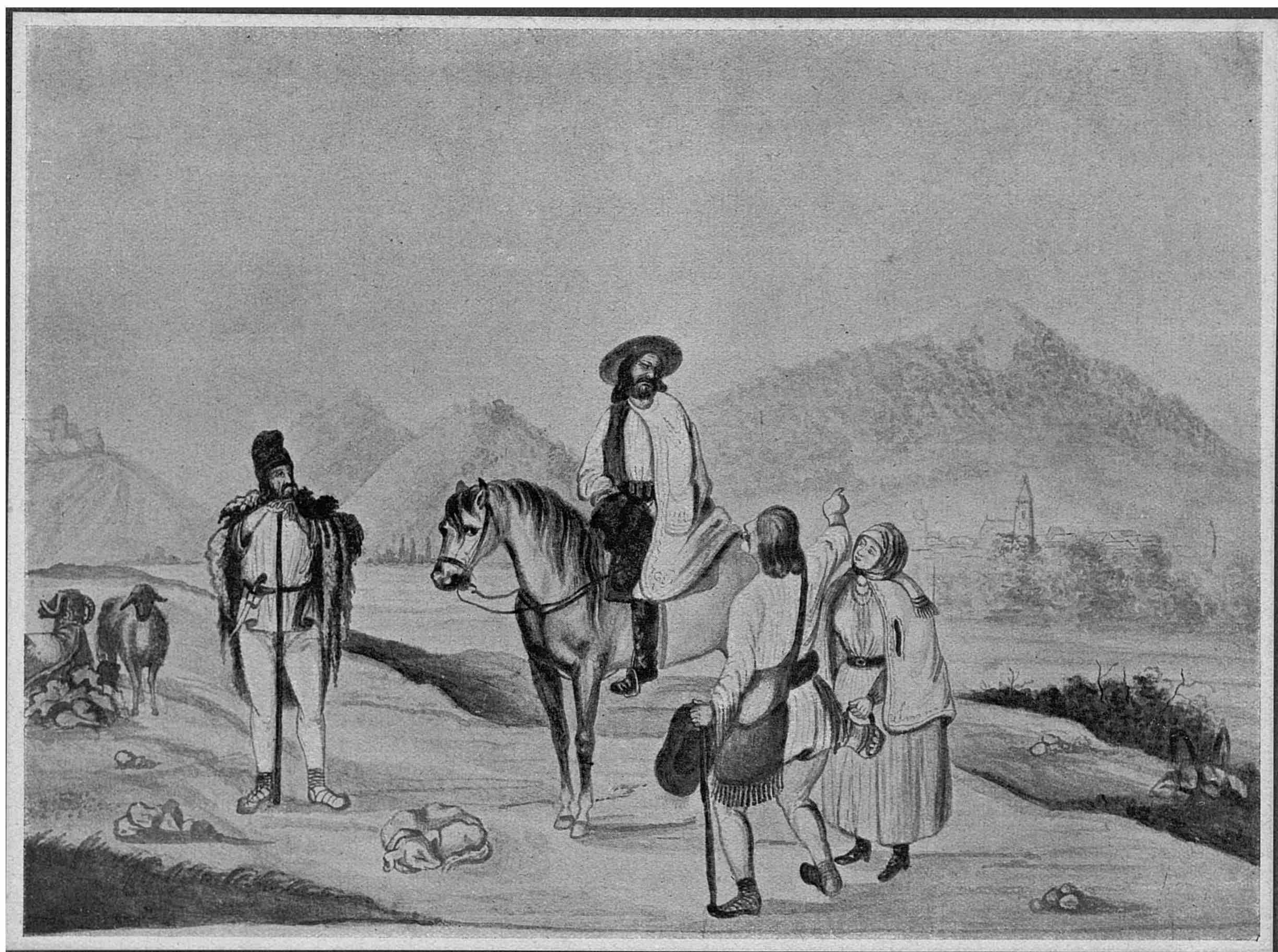
Cele două partide, zise istorice, își plasau originea lor la 1848, — unul la Blaj și celălalt la București.

In condițiunile de libertate de astăzi, asigurate în Republica Populară Română, ne apar adevăratele figuri centrale ale mișcării și adevăratul aspect al revoluției dela 1848. Adevărul a putut fi repus în drepturile lui.

După 100 de ani, poporul român poate să sărbătorească adevăratul sens și pe adevărații fruntași ai revoluției dela 1848. El poate sărbători, în același timp, triumful politic al poporului, în frunte cu clasa muncitoare și noile așezări democrate ale țării.

In felul acesta, aniversarea centenarului anului 1848 capătă cu totul altă semnificație.

OCTAV LIVEZEANU
Ministrul Artelor și Informațiilor

Theodor Glatz: Țărani valahi. Muzeul Bruckenthal, Sibiu. Theodor Glatz: Paysans valaques. Musée Bruckenthal, Sibiu.

Теодор Глац: Валахский крестьянин. Музей Брукенталь — Сибиу.

Revoluțiile poporului român și maghiar din 1848 sunt exemple strălucite ale puterii de acțiune a forțelor populare în luptă pentru libertate.

Căderea acestor revoluții ne învață că, în drumul spre realizarea năzuințelor sale, poporul muncitor nu trebue să se mulțumească cu rezultate parțiale deoarece orice compromis cu forțele ce împiedecă ridicarea lui se face numai pe socoteala celor ce muncesc și menține dominația claselor exploatatoare.

Revoluția poporului maghiar a căzut și pentru motivul că ea nu a înțeles importanța problemei naționale și nu a putut încadra năzuințele naționalităților în scopurile revoluției. Insuși Kossuth a înțeles acest lucru numai târziu, în exil.

La o sută de ani dela căderea revoluțiilor din 1848, poporul român și maghiar, într'o tot mai strânsă frățietate, sunt piloni puternici în marea și puternica alianță a democrațiilor populare, care, în frunte cu eroicul popor al Uniunii Republicilor Socialiste Sovietice, este cea mai mare garanție a păcii și a progresului.

Generația noastră are misiunea nu numai de a împlini visurile lui Bălcescu și Kossuth, dar de a le depăși pe calea progresului.

TAKATS LUDOVIC
Ministru adjunct la Președenția Consiliului de Miniștri, pentru problemele naționalităților conlocuitoare

Femeia are drepturi egale cu bărbatul, în toate domeniile vieții de Stat, economic, social, cultural, politic și de drept privat».

« Mama precum și copiii, până la vârsta de 18 ani, se bucură de protecție deosebită, stabilită prin lege» (art. 21—22 din Constituția Republicii Populare Române).

Constituția Republicii Populare Române vine să consfințească aceste drepturi ale femeii, în anul în care se împlinesc 100 ani dela Revoluția din 1848, când prin proclamația dela Islaz între cele 21 articole se cerea, la art. 2:

« Egalitatea drepturilor politice», iar la art. 4 « adunarea generală compusă de reprezentanții tuturor stărilor societății».

Pentru drepturile și libertățile poporului nostru și pentru egalitatea cetățenească a femeii s'au dat lupte din cele mai îndepărtate timpuri și până în zilele noastre și multe fiice ale poporului nostru au căzut.

Cele mai luminoase figuri feminine din aceste lupte sunt ale Caterinei Varga din Țara Moților între anii 1841—1847, Ana Ipătescu din București în 1848, Maria Tănase din comuna Laloș, județul Vâlcea, în 1907.

In luptele date de clasa muncitoare până în zilele noastre, din rândurile luptătoarelor pentru cucerirea libertăților democrate, se înalță măreața figură a celei ce a știut să înfrunte cu toată dârzenia dușmanii poporului, mobilizând mase largi la luptă pentru dreptate, neînfricata Ana Pauker.

După 23 August 1944, femeile eliberate luptă alături de tot poporul pentru instaurarea unui regim democrat și reușesc să aducă la 6 Martie 1945 un regim care le recunoaște drepturile și le dă posibilitatea să-și afirme din ce în ce mai mult capacitățile.

Dela comitetele de fabrică, comitete de reformă agrară, ajutoare de primari și primărițe, magistrate și asesoare populare, conducătoare de sindicate și uniuni, membre în comitetul executiv al Confederației Generale a Muncii, deputate membre în guvern și în Prezidiul Marei Adunări Naționale a Republicii Populare Române, fiind în primele rânduri în bătălia pentru refacerea economică a țării, luptând pentru mărirea producției în fabrici și pe ogoare, din ce în ce mai hotărît, sprijinind guvernul și având sprijinul lui, femeile din Republica Populară Română au luptat pentru un regim democrat, pentru înfăptuirea Republicii Populare Române.

Astăzi când prin lupta poporului, în fruntea căruia stă clasa muncitoare și partidul său, Partidul Muncitoresc Român, drepturile cucerite sunt consfințite prin Constituție, femeile din Republica Populară Română își încordează și mai mult forțele pentru: apărarea păcii împotriva instigatorilor la un nou războiu, pentru consolidarea și desvoltarea Republicii Populare Române, pentru reconstrucția pe baze noi a țării noastre.

OLIMPIA ȚENESCU
Deputat

nul revoluționar 1848 este remarcabil prin revendicările înscrise în programul lui, care cu întârziere au fost realizate de guvernul democratic din zilele noastre.

Mișcarea din 1848 este o consecință a destrămării orânduirii feudale din Principate, prin intensificarea schimbului de mărfuri: ea este expresia relațiilor economice capitaliste, care se întăresc.

In preajma revoluției din 1848, situația în Principate, se prezenta după cum urmează:

Țărănimea, exploatată, era doritoare de a intra în stăpânirea pământului pe care îl lucra și de a se elibera de îndatoririle față de proprietari; lucrătorii orașelor, încă neconstituiți într'o muncitorime cu o conștiință de clasă, aspirau la un traiu mai bun; burghezia în formație urmărea întărirea pozițiilor ei, desființarea unor privilegii boierești, lărgirea pieței de desfacere internă prin formarea unui Stat național unic și independent: o parte a boierimii, în sfârșit, era interesată, în unele privințe, de noile posibilități comerciale.

Figura lui Nicolae Bălcescu domină întreaga mișcare. El a arătat limpede că revoluția ieșea din realități, ca o necesitate a timpului.

Cu toate modificările și atenuările venite dela gruparea condusă de Eliade, proclamația dela Islaz conține puncte care aveau să fie realizate de-abia cu un secol mai târziu.

Și anume: egalitatea drepturilor politice, Adunarea constituantă, emanciparea țăranilor, instrucția pentru toți cetățenii de ambele sexe, emanciparea Evreilor, etc.

Un secol de luptă a dus, în cele din urmă, la realizarea reformelor plănuite în ilegalitate de Partidul Comunist Român între cele două războaie mondiale.

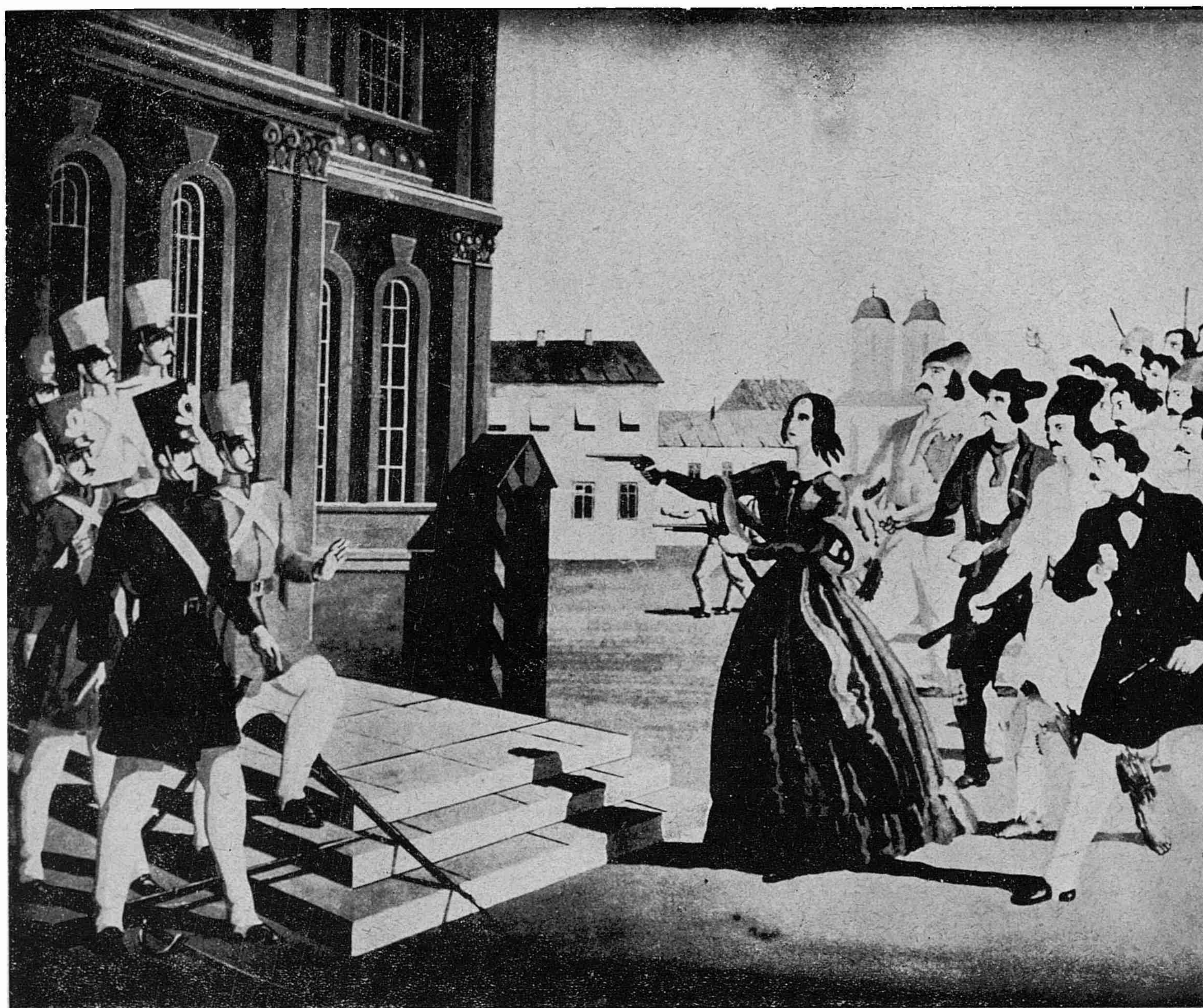
Tradiția revoluției din 1848, deși mișcarea nu a izbutit în totul atunci, din cauza trădării unei părți a conducătorilor revoluției, favorabili marilor proprietari, nu s'a pierdut însă cu totul. Este meritul unei noi clase sociale care se ridică, muncitorimea, de a fi menținut vie tradiția revoluționar-democrată, muncitorimea în fruntea căreia stătea marele Bălcescu, realizând aspirațiile sale, și întrecându-le.

Tot mai pură se desprinde astfel din negura vremurilor figura acestui mare luptător, care și-a depășit epoca prin puterea convingerilor și luptei sale.

Realizările de astăzi apar așa dar ca o continuare firească a proectelor de-acum un veac; ele conferă democrației noastre baza istorică necesară desvoltării ei mai departe.

Prefacerile adânci din zilele noastre capătă astfel un înțeles profund și apar ca o continuare a străduințelor celor mai buni fii ai țării, în lupta lor pentru libertate, pentru pace și pentru democrație populară.

AL. ROSETTI
Rector al Universității din București

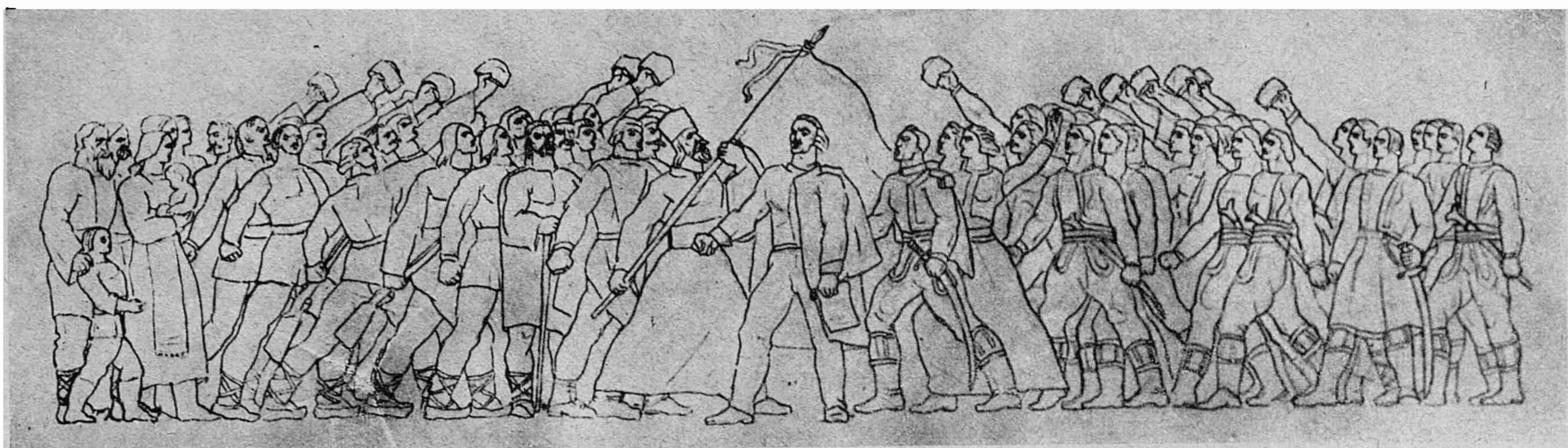
Th. Kiriacoff Ana Ipătescu eliberând Guvernul provizoriu (Muzeul N. Bălcescu, Bucureşti)
Ф. Кирияков: Анна Ипатеску, освобождая временное правительство. (Музей Н. Балческу, Бухарест)
Th. Kiriacoff: Anna Ipatesco éliberant le Gouvernement provisoire (Musée N. Balcesco, Bucarest)

Angela Petrescu: Ana Ipătescu eliberând Guvernul provizoriu (Muzeul N. Bălcescu, Bucureşti)
Анжела Петреску: Анна Ипатеску, освобождая временное правительство.
(Музей Н. Балческу, Бухарест)
Angela Petresco: Anna Ipatesco éliberant le Gouvernement provisoire (Musée N. Balcesco, Bucarest)

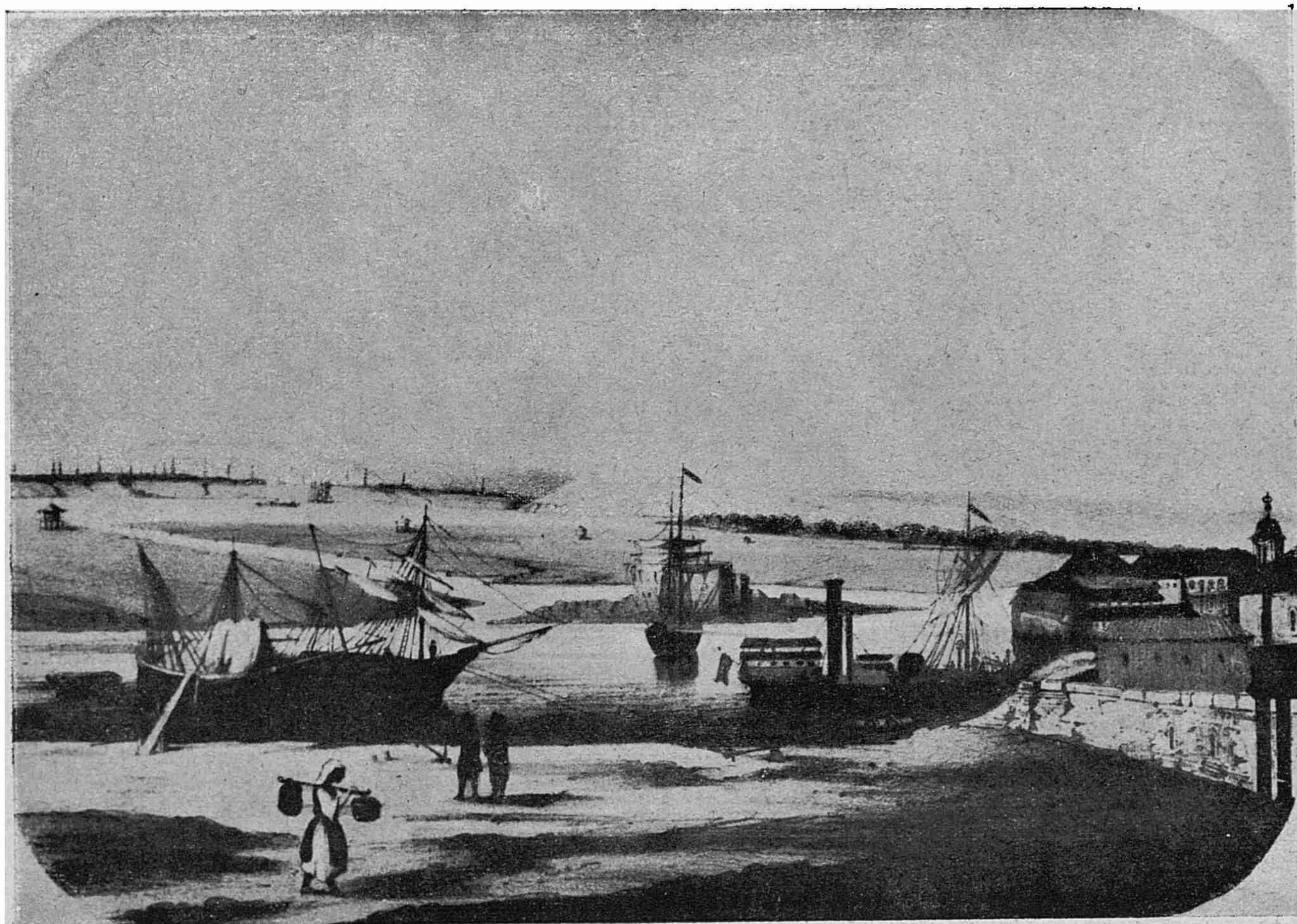
Baraschi: Proect pentru un monument al lui Nicolae Bălcescu
Бараски: Проэкт для памятника Николаю Балческу
Baraschi: Maquette d'un monument de Nicolae Balcesco

C. Medrea: Schițe de basoreliefuri pentru un monument al lui Nicolae Bălcescu
К. Медря: Эскизы барельефов для памятника Николаю Балческу
C. Medrea: Esquisses de bas-reliefs pour un monument de Nicolae Balcesco

Portul Brăila, în prima jumătate a secolului al XIX-lea. Le port de Braila, pendant la première moitié du XIX-e siècle.
Браильский порт, в первой половине XIX века.

Bucureşti 6 Iulie 1848

Iubite Ghica am primit vreo două scrisori de la
tine din 11 şi 17 Iunie, afară de alte două ci-
frate. N-am putut să-ţi scriu de loc din pricină
că de la revoluţie încoace vremea mi-a lipsit
de tot spre a scrie pentru trebuinţele şi furtunele
ce le-am avut. Ca să poţi înţelege starea
lucrurilor la noi trebuie să ştii ce s-a urmat
de la 11 până acum. Mă voi nevoi a ţi le spune
pe scurt:
Revoluţia de la 11 a fost cea mai frumoasă
ce s-a întâmplat vreodată la un popor. Cum
şi înainte se aflase revolta de pe la [illegible]
se aflase că în mai multe locuri încă ţara
e în picioare cum la Prahova şi Vâlcea
fiindcă Magheru intrase acolo. După amiază se citeşte
proclamaţia în Lipscani, semnalul prin clopote
se dă şi poporul se îndesează în grămadă
către palat unde strigă mereu lui Vodă să iscă-
lească constituţia. Cu o zi înainte Vodă fusese
la Cazarmă să poftească pe ostaşi să-i apere tronul
şi ostaşii i-au zis că ei vor apăra constituţia, şi l-au
poftit şi pe Vodă s-o primească. Vodă a
iscălit constituţia văzându-se [illegible] poporul

Scrisoarea trimisă de Nicolae Bălcescu lui Ion Ghica. (Vezi: Texte şi Documente).
Письмо Николая Балческу, адресованное Иону Гика. (См. текст и документы).
Lettre de Nicolae Bălcesco à Ion Ghica (voir: Textes et Documents).

TEXTE SI DOCUMENTE

Текст и документы на стр. 121

VOIR TEXTES ET DOCUMENTS PAGE 163

Scrisoarea trimeasă de Nicolae Bălcescu lui Vasile Alecsandri

Paris 24 Februarie 1848
I-a zi a Republicei.

Iubite cetăţene şi amic!

Iţi eram dator de mult un răspuns, mă plătesc astăzi dar în scurt, căci timpul îmi lipseşte şi sunt ostenit tare, de vreme ce de trei zile trăit-am tot pe uliţe. Află că naţia cea mare s'a ridicat, şi că libertatea lumei s'a mântuit. Minunata revoluţie, ce te căesc amarnic că n'ai văzut-o cu ochii, va schimba faţa lumei. Regele a fugit. Republica e proclamată de toţi. Iţi alătur aici o ruptură din catifeaua ce acoperà tronul lui Louis Philippe sfărâmat astăzi la $1^1/_2$ *ore.*

Insu-mi am smuls-o în Tuilleries şi m'am gândit ca să-ţi fac şi ţie o părticică şi să-ţi dovedesc că chiar în minutele cele mai mari şi mai solenele ce am petrecut în viaţa mea, cugetarea mea s'a întors către tine.

Nu poci a-ţi scrie mai mult.
Adio. Să trăiască Republica.

Amicul tău,
N. Bălcescu

Complimentele mele la toţi bunii Români. Peste puţin ne vom revedea în ţară.
Frăţie şi speranţă!
Sărmane Basile, căci n'ai fost aici!

Două scrisori trimese de Nicolae Bălcescu lui Ion Ghica

București, 16 Iulie 1848

Iubite Ghica,

Am primit vr'o doă scrisori dela tine, din 1 și 17 Iulie, afară de alte doă cifrate. N'am putut să-ți scriu de loc, din pricină că dela Revoluție încoaci vremea mi-a lipsit de tot spre a scri pentru treburile și fortunele ce le-am avut. Ca să poci înțelege starea lucrurilor la noi, trebue să știi ce s'a urmat dela 11 până acum. Mă voi nevoi a ți le spune pe scurt.

Revoluția dela 11 a fost cea mai frumoasă ce s'a întâmplat vr'o dată la un popor. Cu o zi înainte se aflase revolta de peste Olt ; se aflase că în mai multe locuri încă țeara e în picioare, cum la Prahova și Vâlcea. Iuncărul Magheru, într'o acea zi, după amiazi citește proclamația în Lipscani, semnalul prin clopote se dă și poporul se îndreptează în grămadă către palat, unde strig mereu lui Vodă să iscălească Constituția. Cu o zi înainte Vodă fusese la casarmă și poftise pe oștire să-i apere tronul și ostașii i-au zis că ei vor apăra Constituția și l'au poftit și pe dânsul s'o primească. Vodă a iscălit Constituția văzându-se silit de popor, numindu-și și un nou ministeriu dintre revoluționari anume: N. Golescu, Tell, Eliad, Magheru, St. Golescu și Roset-agă. Peste doă zile însă, Bibescu demoralisat de tot de cele ce se întâmplase, și-a dat demisiea. Atunci noi am întocmit un guvern provisoriu. La Mitropolitu se adunaseră boerii. Acolo am mers și noi cu poporul și am proclamat guvernul, puind pe mitropolit ca president. A doa zi avurăm sfincirea steagurilor și jurământul gvardiei nacionale a armiei, a poporului, în câmpul dela Filaret, ce s'a numit Câmpul Libertății. Imi aduceam atunci aminte, în această frumoasă solemnitate, de zioa aceea, când acum cinci ani jurarăm noi patru inși acolo, întocmirea soțietății noastre care acum mântui țara! Peste trei zile sosiră și membrii de peste Olt. In lipsa lor, spre a ține bună rânduială în oștire, noi făcurăm o mare greșală, căci lăsarăm pe Odobescu ca ministru și pe Solomon în capul regimentului din Capitală. Cum a venit să facem aceasta nu ți-o pot desluși acum, dar la vreme ți le vom spune pe larg. A treia zi după sosirea membrilor la 19 Iunie, Odobescu și Solomon complotară împotriva noastră. Agitația începuse de ambițioși mascați în apărători ai proprietății, care ne învinovățeau că vrem s'o răpim de la proprietari ca să dăm țeranilor, cu toate că noi declarasem că vom lăsa această chestie să se deslege prin obșteasca adunare constituantă. In zioa aceea dar, Odobescu și Solomon, supt pretext de o visită de representație a oficerilor, aducând fără veste doă roate de soldați beți, ne arestui în palat. Cum se află aceasta în popor, îndată se adună cu o grabă nespusă. Solomon atunci văzând nevoea, se trase cu soldații spre casarmă după ce slobozi foc în norodul desarmat, din care se omorîră vre-o noă inși și alți atâți răniți. Odobescu rămâind în Palat, se arestui. Mai pe seară se arestui și Solomon, căci poporul încungiurase casarma și el vroind să fugă, fu arestuit. Guvernul începu iarăși lucrările sale, însă reacția tot creștea. Ciocoii începură a urzi la intrigi.

După ce Bălcescu descrie cum guvernul provizoriu s'a retras la Câmpulung, continuă:

Poporul nostru al Capitalei trebue însă să scii, fără flaterie, că a întrecut pe toate popoarele Europei, chiar şi pe Parizieni. Indată fu în picioare, răsturnară căimăcămia ce abia domni vr'o câteva ceasuri şi poporul strigă şi trimise deputaţii ca să ne cheme îndărăt, numind până la sosirea noastră un guvern interimar, în care şi Câmpineanu. Odobescu şi Solomon se închid în casarmă. Poporul înconjoară casarma în număr de vreo 40.000, o iau. Soldaţii nu mai îndrăsnesc a face foc şi ambii coloneli trădători de doă ori, îşi dau demisia şi ease afară din ţeară. Câmpineanu şi-a pierdut mult din popularitate, făcând greşala să apere pe Odobescu mereu. Intoarcerea noastră fu un triumf, în vreme ce tragerea noastră din Capitală fusese o derută.

De atunci am mers mai bine, mai liniştit. Ne-am ocupat în pace şi între altele am scos şi decretul alegerilor, hotărînd deschiderea Constituantei pentru 25 August.

Starea din lăuntru este astfel: suntem tari în Bucuresci, căci poporul e cu noi şi mai cu seamă negustorii, care au făcut mult în revoluţiea de la 30 Iunie. Afară, poporul am început a-l pregăti prin sate, prin trimeterea de comisari. Prin oraş este încă mulţi reacţionari. De am avea încă linişte şi niciun atac din afară, n'am mai avea nici o temere. Dar astăzi trebuie să ştii că armie n'avem de loc. Armata noastră s'a demoralisat, şi-a pierdut de tot disciplina, încît tot ce putem face cu dânsa, e s'o stricăm. Nu ne este de folos nici în lăuntru, nici afară, căci arăt că nu vor a se bate. In ţeară asemenea toţi zic să nu se bată şi să căutăm a ne lupta cu puterea morală. Oştirea neregulată cu care am însărcinat pe Magheru, nu e încă formată. Magheru e peste Olt pentru aceasta. A ne trage la munţi nu putem acum, nici nu ne-o lăsa poporul din Capitală, ci trebuie să stăm aci orice s'o întâmpla. Falat-Efendi ne-a spus mereu că Poarta a recunoscut Constituţia şi pe tine de agent şi ne dă cele mai mari şi frumoase nădejdi. Soliman Paşa şi Emin Efendi cu ceilalţi au sosit la Rusciuk. Am trimes pe Voinescu înainte-i. El astăzi ne scrie că după ce n'a voit a-l primi la Rusciuk ca om oficial, ci numai confidenţial, i-a dat bune nădejdi. Noi aci îi găteam lui Soliman Paşa o intrare triumfală. In urmă Voinescu ne zise că, Emin Efendi i-a zis după aceea că vor intra cu un corp însemnat de oştire şi i-a cerut şi o presă pentruca să tipărească proclamaţii româneşti. Noi i-am răspuns lui Voinescu, ca să-i spue că n'a găsit presă, negustorii refuzând să meargă de temere; că de va voi, să se adreseze la guvern, cu toate că acesta n'are presă a lui. Că în sfârşit el trebue să se declare de vine ca prieten sau ca inamic, de voeşte a ne recunoaşte dreptul nostru d'a ne da legi şi autonomia ţării sau nu, ca să ştim în ce posiţie ţeara şi guvernu au a fi unul către altul. Acum nu ştiu ce se va alege. Nădejdea noastră de apărare e numai în oştirea din Transilvania şi aceasta foarte slabă. Ţeara noastră n'are arme, n'are oştire, care s'a demoralisat cu totul. Scrie-ne cum merge lucrurile p'acolo. Noi aci ne-om lupta cu cuvântul cât vom putea. Nu trebue însă a perde nădejdea...

Salutare şi frăţie

N. Bălcescu

Hyères, 16 Oct. 1851

Iubite Ghica,

Am primit doă scrisori de la tine trimise prin Bălăceanul. Iţi mulţumesc pentru datele ce mi-ai trimis şi nuvelele ce-mi dai. Imi pare rău de bănuiala ce ai asupră-mi că m'am răcit, sau m'am depărtat de prieteşugul tău. Chiar când am sta mai multă vreme în tabere diferite, dar nu vrăşmaşe, nu e cuvânt ca să încetăm d'a ne iubi, câtă vreme ne stimăm. Vina este a ta că stărueşti a apăra o cauză moartă. Ce pot face Turcii pentru noi? Chiar să vrea, aceeace au dovedit din contră, reacţiea europeană le va lega mâinile. Apoi revoluţiea europeană fireşte că nu-i va băga în seamă, ba încă îi va pune poate şi în primejdie, căci fără îndoială mişcarea revoluţionară viitoare va fi mai serioasă şi mai generală şi nu se va mai opri la Dunăre. Dacă crezi dar la o revoluţie viitoare, ar trebui mai bine să-ţi întrebuinţezi toate facultăţile cu care te-a împodobit Dumnezeu spre a pregăti şi conduce la bine acea revoluţie. Când m'am temut şi eu de iminenţa unei asemenea revoluţii, am socotit că e bine d'a nu-i lăsa nici pregătirea, nici direcţia în mâini nedestoinice şi pentru acea m'am unit, cum zici, cu noi prieteni. Acum boala m'a mis tout à fait hors de service et je me considère comme mort à toute reactive. Intr'această împrejurare cred că faci şi mai rău ţinându-te de lături, te pierzi fără nici un folos şi laşi soarta naţiei în mâini ce pot s'o mai piarză iarăşi. Gândeşte-te serios la aceasta şi îmi răspunde. Te-am provocat să-mi arăţi ideile tale şi ce nădăjduieşti dela Turci şi din lucrările diplomatice numai. Opinia mea ca şi a celorlalţi, nu e ca noi să ne apucăm de bătae cu Turcii, dar că datoria noastră e că acum trebue să pregătim ţeara d'a lua parte şi ea la mişcarea ce se aşteaptă, fără a ne îngriji de opinia Turcilor într'aceasta şi fără a ne perde vremea stând în genunche înainte-le şi cerându-le în zadar să ne dea de pomană drepturile noastre.

Te-am rugat să-mi trimiţi istoria lui Cogălniceanu, ce ţi s'a dat să mi-o trimiţi. Te rog încă trimite-mi-o cât mai în grabă. Eu voi petrece iarna toată aci la Hyères, este un frumos şi împodobit de natură orăşel, doă ceasuri departe de Toulon.

Când ai fi un om cum se cade şi cum te voi, te-ai repezi până aci şi am vorbi multe, care nu pot a ţi le spune prin scris.

Oaricum, crede că te iubesc şi pui mai mult preţ pe tine decât pe mulţi alţii.

Multe plecate închinăciuni la Mme Ghica. Dece nu mai vrea a-mi scrie?

Al tău

N. Bălcescu.

Proectul de Constituție cuprins în Proclamația dela Islaz:

1. Independența administrativă și legislativă pe temeiul tratatelor lui Mircea și Vlad V, și neamestec al niciunei puteri din afară în cele din întru ale sale.
2. Egalitatea drepturilor politice.
3. Contribuție generală.
4. Adunarea generală compusă din reprezentanții tuturor stărilor societății.
5. Domnul responsabil, ales pe câte cinci ani, și căutat în toate stările societății.
6. Impuținarea listei civile — ardicarea a orice mijloace de corupere.
7. Responsabilitatea miniștrilor și a tuturor funcționarilor în funcția ce ocupă.
8. Libertatea absolută a tiparului.
9. Orice recompensă să vie dela Patrie prin reprezentanții săi, iar nu dela Domn.
10. Dreptul fiecărui județ de a-și alege dregătorii săi, drept care purcede din dreptul poporului întreg de a-și alege Domnul.
11. Guardia națională.
12. Emancipația mânăstirilor închinate.
13. Emanciparea clăcașilor ce se fac proprietari prin despăgubire.
14. Desrobirea țiganilor prin despăgubire.
15. Reprezentant al țării la Constantinopole dintre Români.
16. Instrucție egală și întreagă pentru tot Românul de amândouă sexele.
17. Desființarea rangurilor titulare ce n'au funcție.
18. Desființarea pedepsei degradatoare cu bătaia.
19. Desființarea atât în faptă cât și în vorbă a pedepsei cu moartea.
20. Așezăminte penitenciare, unde să se spele cei criminali de păcatele lor și să iasă îmbunătățiți.
21. Emancipație israeliților și drepturi politice petru orice compatriot de altă credință.
22. Convocarea îndată a unei adunări generale extraordinare constituante alese, spre a reprezenta toate interesele sau meseriile nației, care va fi datoare a face Constituție țării pe temeiul acestor 21 articole decretate de poporul român.

Sigiliul guvernului provizoriu din 1848.
Печать временного правительства 1848 г.
Sceau du gouvernement provisoire de 1848.

Extrase din presa anului 1848

TRĂIASCĂ ROMÂNIA LIBERĂ!

«PRUNCUL ROMÂN», București, nr. 1, Sâmbătă 12 Iunie 1848

Frați Români din toate clasele! Iată aurora libertății, iată ziua fericită, ziua de mult dorită, ziua așteptată cu atâta înfocare, ziua în care v'ați arătat vrednici de strămoșii voștrii, vrednici de numele de Român! Da, România iubită, care de atâtea veacuri gemea supt robie a rupt lanțurile rușinoase și a arătat lumei întregi că în vinele copiilor ei curge încă sânge de român. Bucurați'vă frați: nici o picătură de sânge n'a curs, și am dobândit cerescul dar al libertății curat și nepătat ca un sfânt dar dumnezeiesc. Trăiască România!

... trăiască frații noștri ofițeri, trăiască armia întreagă care au declarat toți într'o glăsuire că sânt frați cu tot românul și că nici unu nu va da într'un Român, într'un frate al său, și că toți sânt gata a'și vărsa cea după urmă picătură de sânge pentru Patria lor! — Trăiască tânări voinici care s'au luptat cu atâta mărinimie, cu atâta înțelepciune, care au dat dovadă că patriotismul nu este un cuvânt deșărt, că inimile lor sânt inimi de Români! Trăiască apostoli libertății, care au fost aruncați în temnițe, de unde'i ați scăpat voi: trăiască! de trei ori trăiască, ... toți câți au contribuit la dobândirea libertății: numele lor nu le mai spuiu, căci vor trăi veșnic în inimele Românilor, vor străluci în analele Patriei. — Trăiască cu un cuvânt toată Nația Română! — Tot orașul înoată în bucurie și veselie, clopotele sună, muzica ostășească preumblânduse cu stindardele țărei prin toate ulițele cântă marșul național, urmată și precedată de o nenumărată mulțime din toate clasele: pe toate locurile se vedea trupele cele mai frumoase: boeri, preoți, soldați, negustori, meseriași, toți se îmbrânceau unu pe altu: toți strigau, râdeau, plângeau de bucurie, nu era om în tot București care să nu fi luat parte la obșteasca fericire: și toate acestea se făceau cu cea mai bună înțelegere, nici cea mai mică tulburare, nici cea mai mică înstrăinare nu s'a făcut: proprietatea era sfântă tuturor, toți au arătat că sânt Români. Vecinică laudă nații române care'și a săvârșit revoluția cu atâta moderație, și într'o unire și frăție nepilduită în istoria popoarelor.

Acum, frați Români, cu aceași înțelepciune, cu acelaș patriotism care ați arătat eri la 11 Iunie, trebue să ne purtăm și de acum înainte: nu e destul că am dobândit libertatea, trebue să ne arătăm și vrednici de dânsa, trebue să știm a păstra cerescul dar. Ceea ce dar trebue făcut mai nainte, este organizația unei guardii naționale spre păstrarea liniștii și a bunei orânduili. — Tot românul își va vărsa cu bucurie cea mai după urmă picătură de sânge pentru patria sa și nici o putere omenească nu ne va putea răpi cerescul dar ce am dobândit. Trăiască România! Trăiască Libertate!

Frați Români din Moldova! Ceasul libertății a sunat pentru tot românul. Astăzi la 11 Iunie era ziua fericită, în care libertatea a intrat triumfândă în capitala noastră. Numai bucurie și frăție este între toți locuitori: ulițele Bucureștilor răsună de strigăti de veselie, stindardul libertății fâlfâie măreț, clopotele sună și glasul lor de aramă anunță noutatea regenerații neamului român prin toată cetatea care astăzi își merită numele său, adevărat oraș de bucurie! Și dobândirea acestui dar ceresc, n'a costat nici o picătură de sânge: toți s'au aridicat ca un singur om, toți s'au cunoscut de frați, de fii ai aceăeaș mume... Unițivă cu noi frați de dincolo de Milcov, peste undele lui vă întindem brațele, dorind cu înfocare a vă da sărutarea frățiii și a libertății. Munteanul și Moldoveanul sânt toți Români, sânt frați, o singură nație: unițivă cu noi, goniți pe tiranul a cărui nume va rămânea o pată veșnică în istoria țării, înnălțați stindardul libertății și dobândițivă sfântele drepturi. Să ne dăm mâna ca niște frați și să ne ajutăm unii pe alții. Uniți vom fi tari: uniți vom sta împotriva oricărui vrăjmaș al libertății noastre. — Voi frați ați făcut începutul, dacă din nenorocire n'ați putut izbuti nu e vina voastră:... vouă vă rămâne gloria că ați început, nouă gloria că am sfârșit. Vă dăm sărutare de frați: Trăiască libertatea! Trăiască România!

« ALBINA ROMÂNEASCĂ », Iași, nr. 75 din 19 Septembrie 1848

Dela Focșani ni se comunică următoarele:

« După sosirea noului comisar împărătesc la Giurgiu, trupele otomane, supt comanda Ex. S. Omer-Pașa, au luat poroncă a se inainti asupra Bucureștilor, și în 13 Septembrie: astă capitală au cuprins'o după o luptă crâncenă. Bataea au urmat și prin ulițe câteva baricade s'au sfărâmat de artilerie, iar casarma, în care se întărise oastea românească, s'au luat de Turci cu asalt. Din ambe părți au căzut mulți morți și răniți. In minutul purcederii curierului urma încă agitație. Se așteaptă amănunta descriere acestei întâmplări importante ».

Марка столетия.
Timbre commemoratif.

Poezia răspândită de corporația tipografilor cu prilejul manifestației de pe Câmpia Filaretului, la 15 Iunie 1848

Ce glas măreț răsună?
Văz popolul s'adună
Prin sfânta Libertate
Se simte fericit
Și toți se strâng în brațe
Căci toți s'au înfrățit.

Cu limba-i de aramă
Frați, clopotul ne chiamă
Stindardul Libertății
Azi se va consacra,
Unire și frăție
Cu toți vom proclama.

Cenzura se gonește
Tiparul dobândește
Dorita-i libertate
Ce e viața sa,
Cu ea numai trăiește
Cu ea va progresa.

De-acuma libertatea
D'acum fraternitatea
Prin toată Romînia
Etern vor domnì
Tiparul este liber
El le va sprijini.

LIBERTATEA ROMANIEI

(LA MINISTERIUL ACTUAL)

11 IUNIE 1848

„Pruncul Român", București, Nr. 1, 12 Iunie 1848

« Căci plin de profeție, d'o sacră presimțire,
Vestesc moartea ta care pe toți va bucura,
Fulgerica-ți cădere esplic cu norocire,
Pe ea eu voiu cânta!!!
(1843, Mai 11) (Căderea Vițiului)

Deșteaptă-te, o Muză, și cântă Libertatea,
Divina Libertate, ce naște Egalitatea,
Frăția și Unirea ș'al Patriei Amor!

Destul, destul, o Muză, în prada letargiei,
Iți fu gura'ncleștată de frica tiraniei,
Și tremurai ca frunza la glasu'i de stentor.

Ce! n'auzi tu că sună minutul libertății?
Minutul fericirei, minutu Egalității,
Pe care nici odată noi nu am așteptat?

N'auzi tu un glas Mare ce pân'la cer se'nalță?
E glasul libertății, e glasul de viață:
E glasul Romaniei addus n'arripi de vânt.

Sânt frații noștrii, Muză, ce vin să'mbrățișeze
Pe frații lor de sânge, să poată s'arboreze
Stindarda libertății n'acest slăvit pământ.

Ce scoal', și nu aibi teamă, și fă ca să răsunne
A lirrei tale coarde: Despoților le spune
Că pentru dânșii ora a morții a sunat.

Că d'astăzi Romania reintră'ncoronată
In drepturile salle, și e prenumărată
In statele Europei ce jugu a scuturat:

Că astăzi Romania e liberă, ferice:
Că azi redobândește costumele antice,
Că azi din mormânt ese de moarte triumfând,

Că astăzi toți Românii o Nație sânt tare,
Că astăzi ei dau mâna cu popolul cel Mare
Că azi toți sânt un cuget, un suflet și un gând.

Ah! Cântă, cântă, Muză divina Libertate!
Că mult că mult e dulce! O! Națiile toate
Cu drag îmbrățișează imaginea'i divină.

Ah! Cântă, cântă, Muză, căderea tiraniei
Ce tu ai prorocito în secolul sclaviei,
Când rău ai biciuito, fiind încă vergină.

O! Spune tu la frații din toată Romania
Ce mult poate amorul, unirea și frățiea,
Ce surpă'ntr'o secundă un Tron ș'al ei tiran.

Ah! Dulce libertatea! de ce nu am puterea
Bărbaților de geniu, ce numai cu vederea
Ingheață pe despoții ce'n lanț țin pe popor,

Să pociu trâmbița astăzi — în astă zi prea mare,
D'eternă pomenire în vârstele viitoare, —
A talle-binefaceri și fruct nemuritor?

Dar, ce! oare suspinul și lacrima curată,
Ce glasul său le scoate din inimi apăsată,
Nu sânt tămâe dulce l'altaru'ți de amor?

Ești bună tu și blândă, c'al tău ceresc părinte
Ce semănă în lume acelle dulci cuvinte
Din care azi răsare viața tuturor.

Primește dar, primește, o dulce libertate
Spre semn de mulțumire, omagele curate
Din partea unui popol ce mult a suferit!

Și fie tot d'auna cu arripi protectoare
Să aperi Romania, a căreia chemare
A fost « a fi'ntre state un stat prea fericit».

Cetățeanul C. D. ARICESCU

ODĂ
LA EROINA ROMÂNĂ
ANA IPĂTESCU

„Pruncul Român", București, Nr. 8, 6 Iulie 1848

Văzut-ați o femee, în zioa de trădare,
In zioa răzbunării, atunci când fiecare
Jura să se omoare ai Patrii vânzători?
Văzut-ați, zic, femeea, cu trup de amazoană,
Cu brațul de aramă, cu inima romană,
Cu fața'nflăcărată, cu ochi scânteietori.

Sburând într'o trăsură, ca bomba tunătoare?
Pe ulițile toate strigând în gura mare:
«La arme, frați, la arme: căci noi sântem trădați!»
Și mâinile armate la ceruri le înalță,
Ca cum ar vrea să'i ceară a României viață,
Și gloria'i trecută, și ani'i fortunați?

E Ea! Este Ana Jan-d'Arc a României,
Ce numai cu cuvântul, în epoca sclaviei,
A pălmuit tiranul în fața lui scuipând.
Așa! E o Romană, o bravă Eroină,
Ce sfidă ferul morții, ș'aleargă de foc plină
O lume spăimântată la arme'ncurajând.

In negru îmbrăcată, simbol de întristare,
Ca fulgeru prin mulțime ea sboară'n nerăbdare,
In fiecare mână ținând arme de foc.
Părea a fi Arhanghel d'eternă răzbunare,
Mergând să pedepsească Sodoma'n resculare,
Și fii neascultării să'i arză la un loc.

La glasul ei aleargă mulțimea-electrizată,
Copii, bătrâni, tot omul, cu mâna într'armată,
Urmează pe Eroul pe brațul lor purtat.
De brațe erculeene trăsura'ncunjurată,
De suflete viteze, viteaza escortată,
Sosește, sare, sboară, și eat'o la palat.

D'Apostolii Frăției pe mâini este purtată,
In urma Ei s'aude o ura prelungată,
Mirarea și respectul îi face'ndată loc.
Curagiu'mbărbătează mii inimi șovăinde,
Rușinea reîncoardă al lor brațe slăbinde.
O singură femee aprinde stinsul foc!

La Capii Libertății e dusă'n triumf mare,
Guvernul îi salută măreața'nfățișare,
Și, sărutându'i mâna, o'nvită a ședea.
In jurul ei s'adună toți membrii cei de față,
Și toți, și toți admiră acel sânge de viață
Resfrânt în chipu'i dulce ce'n flacăre ardea.

Dar Eliade încă la ochi nu s'arată.
«Să văz pe Eliade», ea strigă îngrijată,
«Viața lui e scumpă la popolul trădat!»
Poetul se arată, și ea'l îmbrățișează.
Apoi de braț îl duse afară să'l revază
Mulțimea turburată, popolul spăimântat.

Curajul mort acuma renaște'n fiecare
Mulțimea se adună în număr și mai mare
Strigând toți: «Să trăiască ai Patrii iubitori!»
Trăiască ș'al tău nume, Română Eroină!
Aceasta zi din toate va fi cea mai senină,
Și cea mai glorioasă în anii'ți viitori.

C. ARICESCU

Comunicatul oficial asupra atentatului dela Șosea împotriva Domnitorului Gh. D. Bibescu

O faptă grozavă și nepilduită în analele noastre, nici măcar în vremea veacurilor de tiranie s'a săvârșit asupra celui mai bun Prinț. Măria Sa Preaînălțatul nostru Domn întorcându-se aseară dela plimbare pe șoseaua Kiselef pe la opt ceasuri și jumătate însoțit de D. marele vornic Vilara, cum a ajuns pe la capul acestei șosele despre barieră, o birjă cu trei oameni trece alăturea cu droșca Măriei Sale ce era lăsată pe spate, și slobod fie-care câte un pistol drept în pieptul Măriei Sale. Providența însă care întru a sa milostivire către noi veghează asupra patriei noastre, a păzi scumpele zile ale Măriei Sale. Un glonț numai l'a nemerit în partea de sus a umărului stâng și a rămas amorțit în epolet.

Nu putem arăta îndestul obșteasca indignație ce această neleguită faptă a pricinuit în sufletul tuturor lăcuitorilor capitalei, și fie-care român o va simți adânc în inima sa.

București, anul 1848, Iunie 10

Actul de abdicare al Domnitorului Gh. D. Bibescu

Noi Gheorghe Dimitrie Bibescu, cu mila lui Dumnezeu, Domn stăpânitor a toată Țeara Românească

Către Sfatul Miniștrilor,

Fiindcă simț că puterile-mi nu sînt potrivite cu cererile celor de astăzi împrejurări și spre a nu mă bate vreo odată cugetul că am primejduit sortea țerii țiind cârma oblăduirii mai mult decât putința me era, o încredințez în mâinile dumnea-vostra și intru iarăși în vieața privată cu acea mulțumire ce aduce o consciință curată.

Bucuresci 13 Iunie 1848

Gheorghe Dimitrie Bibescu

Timbru comemorativ
Марка столетия
Timbre commémoratif

Революционный 1848 г. в Румынских Княжествах.

АПОЛОГИЯ

Поколения, предшествовавшие образованию Румынской Народной Республики, не знали настоящего Бэлческу; вернее, не хотели его знать; не оценили самое важное в его политическо-общественной деятельности, в сочинениях этого выдающегося государственного мужа. Николаю Бэлческу приписывали „Оду Румынии", произведение высоко поэтическое, но написанное Алеку Руссо. Бэлческу расхвалили за исторические монографии, непосредственно касающиеся Михаила Храброго и вооруженных сил Румынии.

Конечно, всё это почтенные заслуги, но не им определить истинную сущность Бэлческу. За ним признали ореол патриота изгнанника, искавшего убежища у западных народов, а его преждевременная смерть в Палермо, в Сицилии, нам часто служила поводом лирических излияний.

Точно сицилийцы были ответственны за гибель страдальца, за то, что его свалили в общую могилу пасынков судьбы.

Но всё же были у Бэлческу родственники, приятели, знакомые, революционные товарищи.

Этот патриот, оплаканный своим поколением, почитаемый писатель, упомянутый с неискренним соболезнованием в учебниках, в действительности был жестоко отвергнут современниками, а затем систематически отодвигался в тень всеми олигархическими правителями, когда-либо управлявшими нынешней Румынией.

В действительности же, Бэлческу, таким мы знаем его сейчас, был предтечей борцов-демократов, строящих в наши дни новую Румынию.

Он был душою революции 1848 г. Ему мы обязаны прокламацией, в которой были вписаны принципы, осуществившиеся только в наше время, после 6-го марта 1945 года.

Бэлческу был республиканцем, увидевшим ясно сто лет тому назад всю жестокость социальной несправедливости, моральную нищету, в которой погрязла румынская нация в дунайских Княжествах, под феодальным попечением бояр и мироедов. В брошюре об экономических задачах страны, напечатанной за границей, он безжалостно осуждает режим привилегий, беззакония и эксплоатацию человека, царившее тогда в Княжествах.

Он ясно показывает действительность и рассматривает революцию, не как случайное явление, но как следствие исторического хода вещей, как неизбежную необходимость.

Бэлческу глубокий мыслитель, если не поднявшийся ещё до основных принципов диалектического материализма, то всё же часто диалектически постигавший исторические истины.

Республиканец и демократ Бэлческу понимал революционную историю, занимавшуюся не биографиями принцев, а собственно историей народов. Этот человек видел дальше своего века. Революцию рассматривал он, не только как дело одного румынского народа, а как фактор великих преобразований, которые коснутся всех угнетённых народов мира, ибо несправедливость в отношении угнетённых была та же.

Вот почему он стоял за единение румын с венграми в борьбе против угнетателей-Габсбургов. Он видел дальше своего народа, борясь за человечество в буре 1848 г.

Единственный Бэлческу, в тот краткий период, когда, подобно метеору, он пронёсся среди румын, избрал правильный путь и не сошёл с него.

Признаюсь что после того, как во мне самом создалось представление о Николае Бэлческу, восстановленном в своих правах, революционном борце и прогрессивном писателе, я чувствую себя несколько виноватым пред памятью Михаила Когылничану.

Последнего мы, ясские публицисты, считали нашим самым выдающимся демократом.

А теперь, сравнивая его с Бэлческу, начинаем находить у Когылничану слишком много реторики в крестьянском вопросе, слишком много поклонников в мире богатых и сытых, среди которых он жил.

В его лирике романтические сожаления, компромиссы с благодетельными филантропами.

В то время когда Бэлческу не задумываясь отталкивает как черное лихо бояр, в которых он видит препятствия нормальному развитию нашей страны, причину нищеты и народного невежества. Бэлческу, рассуждая научно и холодно, видит зло в самой системе, а не в людях. В прошлом режиме, быть может, тоже удастся назвать людей великодушными, но нужда народная и с ними осталась та же.

Только полностью уничтожив старый режим насилия, предоставив народу все его права введя всех на путь просвещения и благополучия, мы сделаем доброе и верное дело.

Понятия романтической демократии о свободе должно быть пересмотрено и приведено к реальной и необходимой действительности.

Вот почему наше новое государство вправе учесть все последствия народной революции. Некоторые утверждают, что несправедливо подвергать суровому народному суду тех, кто унаследовал помимо воли (но с большим восторогом!) несправедливое положение вещей.

Спросим же всех, воспользовшихся бесправием и угнетением масс, чем искупят они перед народом железную до-красна накалённую корону Дожа, „четвертование Хори", сдирание кожи с живых, раздирание людей на части лошадьми, всех задохнувшихся в дыму и расстрелянных артиллерией, за все хранимое тюрьмами, за вековое невежество, за беспросветную нужду, в которой ещё бьются вечные труженики на земле, принадлежащей им по праву труда? Народ, в конце концов, завоевал свои права и не сделал никакой уступки.

Как высоко, в таком полно: одиночестве стоит Бэлческу среди своих современников.

„Бунтовщики" из Ясс, противники режима Михаила Стурдзы, искренне мечтавшие об изменениях в свою пользу, стремились в первую очередь сохранить привиллегии первозахватчиков, образовать будущую новую олигархию Молдавии, породившую в короткое время бухарестских „фильфисонов".

Права трудового народа и наделение землёй остались только словами в конституции из Ислаза. Но в Яссах приверженцы господаря разгромили псевдо-революционный совет, не дав даже ему время выработать форму желанного строя. Спустя 16 лет потребовался государственный переворот Кузы, чтобы осуществить освобождение крестьян. Но зловещая коалиция помещиков и либеральной буржуазии восстановила „барщину" в выторгованных новых земельных законах, отказав земледельцам в праве пользоваться рассрочкой платежа для приобретения необходимого инвентаря, вела к вымиранию сельское население, в результате недоедания, пелагры, туберкулёза и прогрессирующей нищеты феодально-помещичьего строя.

Николай Бэлческу феодальный строй считал гибельным для страны, источником всех зол и бед для нашего народа, задерживающим его равноправие. Падение этого режима было вписано в экономическо-политическое учение, и крушение его было предвидено одиноким и непоколебимым Бэлческу. Бледный мыслитель, 35-ти лет, нашедший покой в символической могиле в Палермо, поднялся сегодня а апофеозе, доминируя над своим веком.

МИХАИЛ САДОВЯНУ.

Ремесленные цехи в 1848 г.

15 июня 1848 года большая толпа казавшаяся муравейником, собралась со всех сторон Бухареста к площади Филарета.

Там должны были быть освящены новые знамена „символы равенства, уничтожения цепей, освобождения от рабства и тирании", так назвал их один из ораторов. Народ пришел тогда, чтобы принести присягу на верность и защиту новой Конституции, Конституции—правды (справедливости) и братства; положить конец долго длившемуся позорному прошлому.

„Свыше 30.000 граждан собрались там, священники, ремесленники, буржуазия, спокойные в своей ненависти, но предпочитавщие скорее умереть, чем отказаться от своих прав" — так гласит запись того времени.

Марево революц и питало надеждой на что-то лучшее рабочих ремесленников; жизненные невзгоды которых были так же тяжелы, как и страдания крепостных на помещичьих землях: часть из них стала торговцами. Найдены заявления свидетелей которые показывают, что в день 15 июня 1848 г. все ремесленные цехи находились на Филаретском Поле.

Впереди типографского цеха был большой воз, запряженный четырьмя лошадьми, разукрашенными трехцветными лентами. На возу был типографский станок, с обеих сторон стояли мастера-типографы с знаменем свободы, Вокруг воза типографы печатали стихотворение, прославляющее свободу печати. Это стихотворение они разбрасывали в тысячах экземплярах по улицам Бухареста и перед толпой на Филаретском Поле.

Современник, полковник Гр. Локустяну в своих воспоминаниях отмечает, что и дубильщики и мясники играли главную роль в революции 1848 г.

Стихотворение„ К нашим братьям дубильщикам", напечатанное в газете „Попорул-Суверан от 16 июня 1848, подтверждает вышеизложенное. Анонимный автор, глубоко благодарный им, называет их „сынами благородного народа" и сознаётся, что честь его перу, воспевающему тех, кто борется за любимую родину, за святую свободу".

Кроме народа с дубильщиками, ставшими известными, участвовали и рабочие других цехов: ткачи, пекаря, портные и др.

Они имели опыт в борьбе, так как восемь лет тому назад совместно с молотобойцами соляных копей и „крайними" участвовали в заговоре, который был заблаговременно раскрыт властями.

Об участии дубильщиков в революции свидетельствует реакционная сатира того времени, которая осмеивает и голых и босых", „собравшихся с дубильшиками и невежами". Следовательно, речь идёт о пролетарском элементе того времени.

Но и после 15 июня 1848 г., корпорации рабочих были во главе всех манифестаций и трудных испытаний революционного движения.

Это был главный элемент в революционных выступлениях 1848 г. Рабочие пролили кровь в бойне 19 июня 1848 г., спровоцированной реакцией, в целях ниспровержения революционного правительства. Среди семи мёртвых, павших, тогда, был и некто Думитраке портной, а среди раненых упоминается один шерстобит. Это было начало жертв, принесённых рабочими, из рядов которых пали очень многие, до тех пор пока, наконец, осуществились народные надежды об уничтожении „всякой эксплоатации".

Г. И. ЖОРЖЕСКУ-БУЗЕУ.

Крестьянство в 1848 г.

Несмотря на то, что крестьяне не были зачинщиками революционного движения 1848 г. и не были творцами её программы и идей, тем не менее, они в большом количестве принимали активное участие во всех революционных выступлениях 1848 г.

Порабощённое боярами крестьянство жило в бесспросветной нужде и мраке.

Земля не принадлежала землепашцам. Число дней отрабатываемых на помещика росло. Так например, в Трансильвании крестьяне должны были отрабатывать в счет барщины 52 дня в году со своим скотом или 104 дня самостоятельно, платили оброк и преподносили бесчисленные подношения. Этим и об'ясняется участие крестьян в революции — в особенности в Старом Регате и Трансильвании.

В Молдавии в знаменитой жалобе к господарю (князю) ни в одном из 35 требований не упоминалось об отмене крепостного права и наделении крестьян землей. Революционное движение не учитывало положения крестьян, которые рвались к борьбе за землю. Следствием этого и явилось подавление революционного движения, едва только зародившегося.

Иным было участие крестьян в буржуазно-демократической революции в *Старом Регате*.

Здесь вожди революции сумели поднять против помещиков широкие массы крепостных и торговцев и заставили вписать в проект Конституции, следовавшей за исторической Прокламацией Излаза и прочитанной перед несметной толпой крестьян ***„равенство крепостных ставших собственниками при возмещении убытков“***.

Временное правительство повело широкую революционную агитацию в сёлах. „Комиссары пропаганды“ об'езжали деревни, собирали людей, читали им проект Конституции, раз'ясняя каждую статью, интересовались местными нуждами и настроениями, отвечали на вопросы крестьян и требовали от них принесения присяги правительству.

Бэлческу издавал журнал „Сельские учителя“ и пылко защищал права крестьян на землю; права, которые Элиаде называл „грабежом“.

Но вопреки чаяниям Бэлческу, революция была подавлена.

Крестьяне, покинутые теми, на кого надеялись, взяли сами оружие в руки. Целый ряд крестьянских выступлений, еще неисследованных нашими историками, явились следствием низвержения временного правительства.

В Трансильвании — революции 1848 г. предшествовал целый ряд восстаний, из которых наиболее памятно восстание в Заранде (1833 г.) и в стране Моцов, поднятых Катариной Варгой (1841-1847 г. г.).

Еще весной 1847 г. крестьяне захватили графские имения, разделив их между собой.

Вожди венгерской революции об'явили лозунгом своей борьбы не только свободную венгерскую родину, но и освобождение крепостных и отмену барщины.

Вот почему, в исторический день 3/15 мая 1848 г., на поле Свободы под Блажем, 40.000 крестьян со всех уездов страны, ожидали подачи сигнала к борьбе против графов, за землю и свободу. Устами Лауриана они требовали „отмены крепостного права и барщины, без возмещения убытков со стороны крепостных „крестьян“.

Как известно голоса Бэлческу и Петёффи, призывавшие румынского и венгерского крестьянина к единению в общей борьбе против Габсбургов, — не были услышаны, и крепостные не смогли завоевать свои права.

Аграрная реформа 1945 г., спустя сто лет после революции, дала крестьянам свободу и землю, а в 1948 г., крестьяне-депутаты народа в Великом Национальном Собрании Народной Республики голосовали за Конституцию, обеспечивающую им землю: ибо земля приналежит тем, кто работает на ней. (ст. 9).

Это стало возможным только потому, что в новых исторических условиях нашего века, крестьянство нашло верного и искреннего союзника в лице рабочего класса.

Под гегемонией этой новой общественной силы, цели крестьянской войны 1848 г., были не только достигнуты, но и превзойдены.

МИРОН БЕЛЕЙ-СЫН

Бояре и революция 1848 г.

Торговый капитализм, охвативший оба княжества, в особенности после Адрианопольского договора, разрушил феодально-производственные отношения.

Часть бояр, вступившая на путь капиталистического развития, благосклонно относилась к отмене некоторых боярских привилегий.

Но большинство из них было настроено враждебно по отношению к революционному движению.

Если в Молдавии, благодаря быстрому подавлению революционных выступлений, боярство, желающее сохранить свои привилегии, не вынуждено было выступить в защиту своих интересов, то в Регате, где несколько месяцев господствовало временное правительство, сейчас же, после восстановления революционного режима, реакционные бояре пытались нанести ему удар.

19 мая 1848 г., по ст. стилю, они собрались в зале Редонте, где теперь находится ресторан Капша, и протестовали против попыток временного правительства наделить крепостных крестьян землей.

В тот же день их представитель, полковник Ион Одобеску, с помощью армии арестовал часть временного революционного правительства. Однако, переворот бояр — реакционеров не удался, так как бухарестское население, узнав о случившемся, — восстало и освободило арестованных министров.

В комиссии по делам недвижимой собственности, бояре, которым нравилось называть себя «собственниками», вели упорную борьбу с представителями крепостных крестьян, по вопросу об уменьшении земельных наделов крепостных.

Но так как представители последних не сдавались, комиссия была распущена, не приняв ни одного решения.

Во все время существования временного правительства, бояре призывали контрреволюционные силы извне, требуя вооруженной помощи против революционеров, видя в их лице страшных террористов, несмотря на то, что ни один из бояр не был убит.

Митрополит Неофил, стоявший во главе временного правительства, неоднократно изменял своему правительству и своей стране, духовным руководителем которой он был.

Боярство в целом вело себя в 1848 г. враждебно по отношению к социальным реформам и законным требованиям народа.

Когда речь шла о их классовых привилегиях, они забывали что такое патриотизм.

Боярство своим отрицательным отношением вынесло само себе приговор истории.

В. МАЧИУ

О революционном движении 1848 г. в Молдавии.

Не приходится говорить о собственно революции в Молдавии в 1848 г., а только о попытке революции, к сожалению, не удавшейся, но вызванной мощными революционными настроениями, охватившими тогда почти все народы Европы.

Молдавские революционеры — знатные бояре, недовольные самодержавием Михаила Стурдзы, молодые либеральные помещики, а также передовые интеллигенты (Александр Ион Куза, В. Александри и др.) в предпринятом ими движении не сумели связаться ни с беднейшими массами городского населения, ни с крестьянством, которое билось в страшной нужде и до которого докатилось эхо революционного движения в 1847 году среди крестьян соседней Галиции.

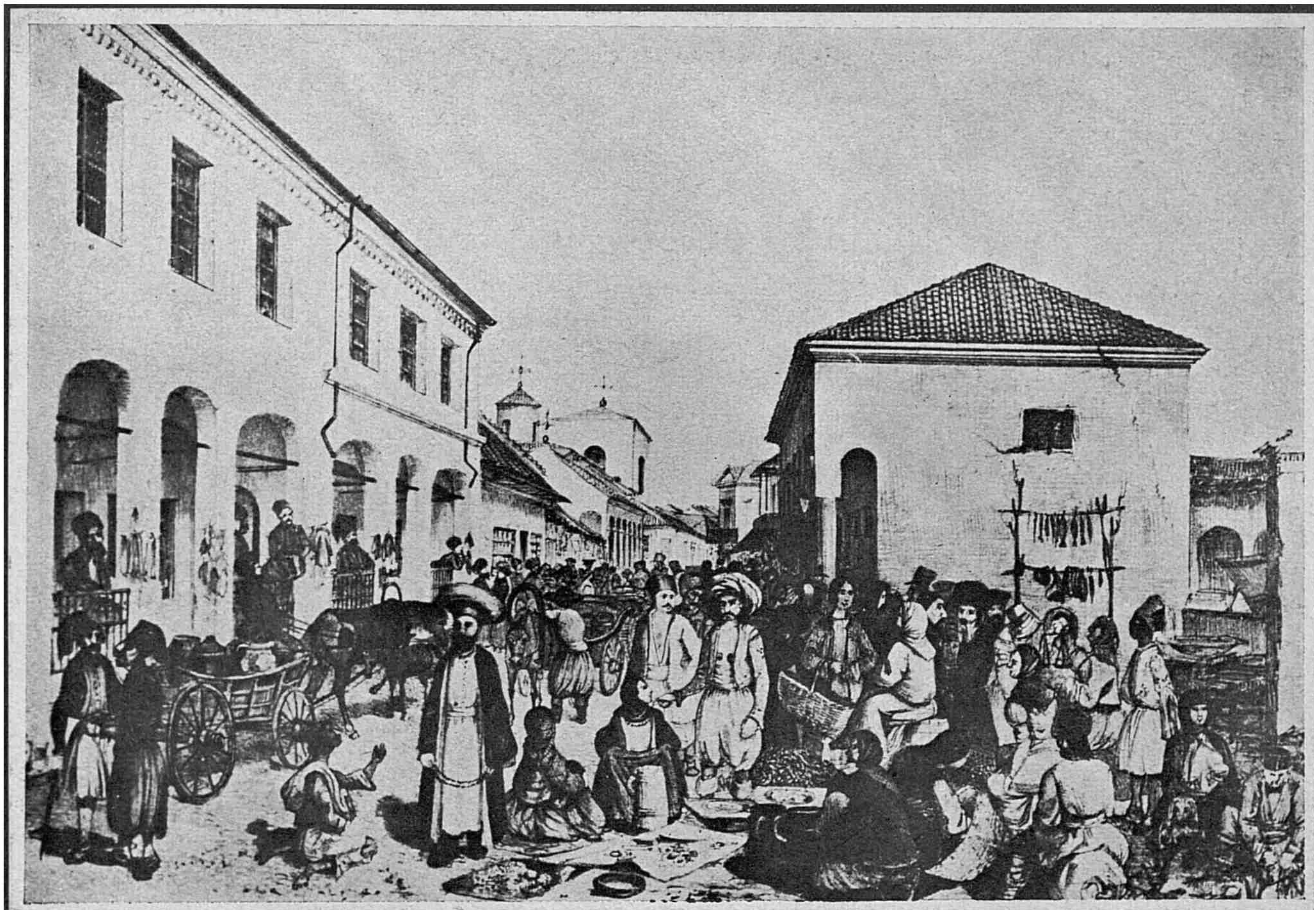
„Молдавские революционеры" удовольствовались тем, что собрались в самом большом зале Ясс 27 Марта (8-го апреля) и произнесли там многочисленные речи против самодержавного режима Михаила Стурдзы, проредактировали в результате письменное пожелание с целым рядом требований, из которых некоторые были чисто личного характера, а другие были лишены всякой серьёзности, и почти ни в одном из этих требований ничего не упоминалось о великих народных нуждах. Крестьяне оставались в стороне; торговое сословие, несмотря на то, что его представители были приглашены на собрание и присутствовали на нём, было не организовано, и его пожелания тоже почти совершенно отсутствуют в „Петиции", составленной революционерами.

Эта „Петиция" даже не дошла до князя, т. к. последний, угадывая несостоятельность всего движения, принял чрезвычайно суровые репрессивные меры. Большая часть бунтовавших была арестована, остальные были вынуждены спасаться заграницу.

Только через несколько месяцев появилось несколько брошюр и мемориев, опубликованных большею частью заграницей. Одна из них была опубликована Михаилом Когылничану — „Пожелания Национальной Партии в Молдавии", она содержит наряду с другими, пожелание о праве народа выбирать правителя из любого социального класса, требует равноправия для евреев и гражданского и политического равенства всех граждан, и другие, в достаточной степени, прогрессивные пожелания. В другой брошюре „Что представляют собой ремесленники?" — автор нападает на крупных бояр и. т. д.

Революционное движение в Молдавии, наряду с другими последствиями, определило положение нарождающейся буржуазии и крупных бояр с одной стороны, а с другой, привело к ознакомлению с крестьянством и его нуждами, (в первую очередь, законодательная деятельность Алекс. Иона Кузы и М. Когылничану 1864 г.).

П. КОНСТАНТИНЕСКУ-ЯШ

В Валахии в 1848 году.

Революционное движение, охватившее в 1848 г. Валахию, было результатом разложения феодального строя и относительного развития более сильного капиталистического уклада.

Появились новые общественные силы, носители новых идей, которые начали и повели борьбу против феодальных привилегий всё более открыто и смело.

Развитие этого движения в Валахии обязано Великой буржуазной французской революции.

Следовательно события 1848 г. не произошли случайно.

Они были подготовлены всеми предшествующими тайными революционными организациями, которые были созданы и действовали на основе заранее выработанной программы.

В Прокламации из Ислаза мы находим такие статьи, которые среди других требований предусматривали: освобождение крестьян, наделение их землей, завоевание национальной независимости, Учредительное Собрание, представленное всеми слоями населения; равенство всех граждан, независимо от их национальности и религии и т. д.

Для осуществления этой программы 9 июня в Ислазе началась революция.

11 июня в Бухаресте восстали торговцы и рабочие. 15 июня в Бухаресте пришли на помощь революционерам тысячи крестьян.

Внутренние и внешние затруднения способствовали тому, что основные принципы революционной программы не были осуществлены.

Козни бояр — реакционеров и уступки умеренному крылу, руководимому Элиаде, привели к такому положению, что не был разрешён ни один из фундаментальных вопросов, от которого зависила победа революции, а именно: освобождение крестьян, наделение их землёй. Всё это не соответствовало стремлениям Бэлческу и его сторонников, требовавших немедленного осуществования этих реформ. Для осуществления принципа борьбы за национальную независимость, предусмотренного прокламацией, — Бэлческу, К. А. Росетти, Магеру и другие настаивали на всеобщем вооружении, чтобы оказать сопротивление туркам, уже вторгшимся в страну.

Приверженцы Элиаде воспротивились и этому.

Неудовлетворенное, обманутое в своих главных требованиях крестьянство не оказывает уже больше доверия революционному правительству, лишает его поддержки масс-и это обстоятельство приводит к поражению революции. Революция в Валахии в 1848, г. осталась незавершённой.

Перед рабочим классом и его партией снова встала эта историческая миссия, которую он сейчас выполнил, и тем самым обеспечил Румынской Народной Республике путь к прогрессу.

Г. МАРКУСОН

Революция в Трансильвании.

Барициу, который десять лет подряд терпел террор и преследования цензуры, получив известие о провозглашении в Будапеште тех 12 пунктов, которые гарантировали упразднение крепостного права, свободу мысли и печати, равенство в правах и обязанностях для всех граждан страны, без религиозных и национальных различий, воскликнул: „Меня душат рыдания, ведь до сих пор, в моей общественной жизни журналиста, полной бесконечных и незаслуженных преследований, я не знал никакой радости".

Но пошатнувшиеся было силы реакции начинали восстанавливаться. Помещики, потерявшие почву под ногами — в результате мартовских событий, снова приобретают самоуверенность. Они саботируют аграрные законы и под разными предлогами оттягивают упразднение барщины. В отношении же крепостных, которые начали пред'являть свои права, помещики применяют старинный метод — террор.

Большую часть Ардяла об'являют на особом положении и сооружают виселицы на окраинах деревень. Среди крепостных крестьян начинается брожение: агенты императорского двора распространяют слух, что император отдал приказ об освобождении всех крепостных во всей империи, но господа-венгры не хотят подчиниться приказу доброго императора. Происки сасов и императорских агентов усиливаются.

В сентябре 1848 года становится открытым конфликт между императорским двором и венгерским правительством и часть ардяльских румын вступает под знамёна императора; румынские интеллигенты надеются добиться национальной автономии, которой им не давало венгерское правительство.

Румынские интеллигенты Баната и Бихора с самого начала поняли, что невозможно бороться за свободу под знаменем деспотизма. Но здесь не было того тяжелого положения, какое было в Трансильвании, где подавляющее большинство крепостных крестьян были румыны; венгерские крестьяне были свободны, а потому и классовая борьба там приняла чисто национальный характер. Среди руководителей румын Баната и Бихора на первом месте стоит революционер Ефтимий Мургу, учитель Николая Бэлческу. Его румынская и венгерская молодёжь освободила из тюрьмы в первые дни революции. В армии генерала Бёма, с которой этот гениальный полководец занял Клуж в декабре 1848 года было 3.000 румын, а вся армия насчитывала всего 13.000 человек.

Бэлческу сделал всё возможное, чтобы примирить румынский национальный комитет Ардяла с революционным венгерским правительством. Когда генералу Бём удалось прогнать императорские войска, и одна только область Западных Гор, приблизительно десятая часть Трансильвании, находилась под контролем Аврама Янку, начались переговоры между венгерским правительством и вождем румын. Вместе с генералом Бёмом, Бэлческу хотел превратить борьбу за независимость венгерского народа, в борьбу за общую свободу всех народов востока Европы, включив в эту борьбу и поляков, установив братское славяно-румынско-венгерское сотрудничество.

Долгое время румынская историография Трансильвании пыталась, по мотивам политического оппортунизма, скрыть переговоры, происходившие между Аврамом Янку и Коссутом, т. к. политика „румынской национальной партии" базировалась до конца мировой войны на непоколебимой верности династии Габсбургов. Теперь мы знаем, что еще во время военных действий, Аврам Янку пришёл к убеждению, что между этими народами, румынами и венграми, никогда не удастся добиться соглашения силою оружия, и что в Трансильвании ни венгр не может решать без румына, ни румын без венгра.

Между тем, события развивались. Переговоры между венгерским правительством и Янку, и закон национальностей, вотированный слишком поздно венгерским собранием, всего за несколько дней до того, как прекратились военные действия, не могли уже ничего изменить. Сегодня, когда режим народной демократии похоронил стремления к верховенству и гегемонии, мы можем праздновать вместе, румыны и венгры, память Бэлческу и Петёфи, Танксикса и Мургу, наших предшественников в борьбе за свободу, независимость, равенство прав и братство народов.

ВИКТОР КЕРЕСТЕШИУ.

Писатели в 1848 году

Элиаде Радулеску один из тех, которые подготовили революцию 1848 г., предстаёт сейчас перед нами, как устаревший рутинер. В то время он был врагом левых.

Недавно став помещиком, Элиаде сумел воспользоваться едва приобретенными привилегиями, а с другой стороны он придерживался теории гениальности, считая самого себя Мессией, ниспосланным провидением для спасения румын.

Его жена говорила: „Мой муж, сделавший революцию“ . . ., вопреки мнению Бэлческу и других, считавших, что революцию совершил народ.

Другой интеллигент — монах Евросин Потека, несмотря на то, что он не играл особой роли в 1848 г., все — таки, должен считаться революционером. Неоднократно Потека предлагал господарю и боярам „Закон справедливости“, а именно, освобождение рабов, чтобы никто не имел права ни держать ни продавать, ни покупать раба.

„Затем предлагал установить общее обложение, для государственных расходов; мал и стар каждый согласно его имуществу“.

Симпатична фигура, хоть он и не был глубоким философом, из-за молодости лет — Иона Катина, сына греческого трактирщика, проживающего на квартире в доме № 26 на Могошое ул. Доробанц.

Он представлял собой байронический тип.

Так писал о нём Арическу. Катина принимал участие в журнале „Прункул-Ромын“, выходящем под редакцией К. А. Росетти и Винтергалдера.

Он поместил в первом номере пламенный манифест.

Катина автор революционного марша.

Этот пламенный революционер стал потом полицейским в Плоештах. С этого поста он был скоро смещен.

Из журналистов-революционеров нельзя обойти молчанием К. Д. Арическу из Кымпулунга.

Гражданин Арическу напечатал в „Прункул-Ромын“ стихотворение „Марш Свободы“, где он восклицает: „Да здравствует Конституция, да здравствует Румыния! Да здравствует Свобода!“

Когда убежавшие члены временного правительства возвратились в столицу, Арическу с другими встретил их между Кымпулунгом и монастырем Немешть. Говоря об этом Росетти библейски восклицает „Так встречали первые христиане первых своих апостолов“. За свою революционную журналистскую деятельность Арическу был неоднократно осужден.

Но он считал, что журналист и поэт, должны служить народу. („карбонариям“.)

„Тяжелая миссия, но благородная и прекрасная“.

Просвещать народ, указывать ему на настоящие его интересы. обсуждать жизненные для него вопросы, до принятия их законодательными органами, бороться с злоупотреблениями нечестных чиновников и замыслами врагов свободы и нации, вот в чем миссия публициста“.

Михаил Когыльничану бесспорно был одним из выдающихся румынских публицистов, несмотря на то, что деятельность его в 1848 г не была особенно заметной.

Его революционная активность проявилась позже при Стурдзе. Революция в Молдавии была скоро подавлена, и клеветники иронически отзывались о мягкости Когыльничану, называя его „мирным Катиллиной“. И потому, что его отец, Ага Илие был дворцовым советником, лакеем Стурдзы, недоверчиво относились к Когыльничану. Известно, что Когыльничану в студенческие годы был дружен с сыновьями правителя. В действительности же, Когыльничану занимался политикой и был настоящим прогрессивным деятелем.

В 1848 г. он не стоял в стороне. Вынужденный скрыться за границу, он из Буковины атакует правительство следующим акафистом. „Радуйся изворотливое, претворяющее ложь в правду. Радуйся орудие, разрушающее счастье единения“. В брошюре, изданной им, он выражает чаяния молдавской

национальной партии — „дать политические права всем соотечественникам христианам, постепенно уравнять в правах евреев, отменить какие бы то ни было ранги и привилегии". Манифест был явно прогрессивным.

Василий Александри, более пассивный и жизнерадостный, тоже не стоял в стороне от революции 1848 г. Ему удалось избегнуть ареста, бежав в горы Хангулуй, а оттуда в Брашов и в Буковину, где в Черновицах его видали „всегда веселым, — то в белом, то медного цвета костюме, с панамой на голове"...

Он был всегда в хорошем настроении, но это не мешало ему быть революционером. Как член комитета, избранного народом в мае, он протестовал „от имени Молдавии, человечества и бога, осуждая беззакония Михаила Стурдзы, — обуреваемого жадностью и любовью к серебру". („Со дня вступления на трон, Михаил Стурдза арендовал Молдавию").

Александри требовал освобождение арестованных, несменяемости чиновников, увеличение жалования и т. д."

Но постоянным героем революции 1848 г. был Николай Бэлческу, он заслуживает особого внимания, коротко говоря, нам придется отметить, что Бэлческу, хотя и был идеалистом и фаталистом -- понимал — „новую науку", основанную на наблюдении, опыте и вычислении. С общественной точки зрения, Бэлческу был человеком прогрессивным, признавая как закон развитие нации, право прихода к власти низшего сословия (плебса). В его „Историческом обзоре" он замечает, что государство из помещечьего или абсолютистского стало дворянским или аристократическим, затем фанариотским или городским, (буржуазным), затем чиновничьим или бюрократическим, а сейчас оно на пути румынского или демократического, само собой разумеется, если удастся избегнуть середины и не превратить его в купеческое или городское".

Бэлческу не поставил себе целью уничтожение частной собственности, он только желал сделать крестьянина собственником.

Бэлческу хотел видеть „Румын свободными, равноправными, владельцами земли и денег, об'единёнными, в борьбе за общее дело".

Понятно, что наш революционер думал только о мелкой крестьянской собственности, приобретенной трудом, в духе теперешней Конституции".

Г. КАЛИНЕСКУ

О румынской прессе и событиях 1848 г.

Писать о прессе в княжествах 1848 г. это означает долго и подробно остановиться на предшествующей 1848 г. печати, которую унаследовал год революции.

Мы упомянем о некоторых статьях, которые отражают воодушевление и ненависть против тирании и гнёта и о тех, которые после революции анализировали методы подготовки и результаты революции, направленные на перегруппирование сил и распространение идеологии революции 1848 г.

Из журналов, предшествующих революции, следует упомянуть „Дакия Литерара". Михаила Когыльничану, который об'явил критику произведений; а не лиц, что фактически означает принципиальное отношение к определенным течениям, противопоставленным свободолюбивым идеям.

Это отношение Когыльничану, запечатленное в журнале, не смогло не привлечь внимания реакционного правительства Господаря Михаила Стурдзы,—и журнал после выхода трех номеров, был закрыт

Несмотря на это, Когыльничану продолжает свою деятельность журналиста уже в историческом журнале „Румынский Архив".

Здесь он пишет о преобразовании еще не закончившемся, указывая на метод, мимо которого не может пройти политический деятель, даёт анализ исторической действительности, а также событиям имевшим место в прошлом и настоящем, чтобы из всего этого извлечь надлежащий вывод.

Необходимо отметить и „Курьерул Ромынеск" Элиаде в Валахии, „Албина Ромыняска (Румынская Пчела) Ассаки в Молдавии и „Газету Трансильвании" Барициу в Трансильвании.

Интересным журналом, сыгравшим особую роль в деле распространения революционных идей 48 г. в котором Н. Бэлческу печатал, исполненные порыва статьи, был журнал „Магазин Историк Пентру Дачиа“, который издавался им совместно с Требониу Лаурианом.

Бэлческу пишет исследования об „общественном положении рабочих-земледельцев в румынских княжествах в разные времена. Он показывает, что может сделать любой даже маленький народ, когда он защищает свои интересы, когда он воодушевлён святой и благородной идеей.

На страницах журнала „Магазинул Историк Пентру Дачиа“ Н. Бэлческу показывает цель надвигающейся революции. Он настаивает на полной и радикальной реформе, которая вовлечет весь народ в борьбу, против господствуюшего класса полного „эгоизма, подлости, амбиции и трусости,“ представляющего собой „общественное чудовище,“ уже тем, что вся страна обращается лишь к нескольким частным лицам и восклицает: „Горе тем народам, где небольшая группа граждан строит свою власть и счастье на порабощении масс“.

События назревали и революционное движение вспыхивает вначале в Молдавии, где оно быстро было подавлено, а затем с большими результатами в Трансильвании и в Румынии.

Временное правительство должно быть поддержано. Вместо тайной пропаганды, одновременно же с началом революции, оно переходит в прямому воздействию.

„Прункул Ромын“ (Румынский Младенец) в 1848 г., выходивший три раза в неделю, был ярко революционен. В дни сомнений и предательств, начавшихся сейчас же после водворения временного правительства, выходит новый журнал „Попорул Суверан“, (Народ Суверан), предназначенный погасить пламя революции своими консервативными взглядами, примиренческими высказываниями, часто суммарными, идущими по линии „классовой гармонии“.

Постепенно старый режим восстанавливается. Вожди революции преследуются и попадают в ссылку.

С 1848 г. как в Молдавии, так и в Мунтении, появляются листовки старого типа, с реакционным направлением.

Появляются одновременно с крестьянскими восстаниями, возникаюшими стихийно в разных концах страны, политэмигранты, они издают различные журналы за границей, с целью распространить их в Княжествах. В то время, когда революционные войска генерала Бёма были хозяевами положения Чезар Болиак издаёт в Брашове два раза в неделю газету „Эмигрант“.

Чезар Болиак, верный идеям Бэлческу, пишет в „Эмигрант'е Румын“, что должно быть восстановлено не только единство партии, но начата борьба между свободой и тиранией, между „народом и династией“ и должна исчезнуть вражда среди народов.

Как и Бэлческу он выступает против линии Аврама Янку, легионы которого воевали совместно с контрреволюционной императорской армией. Спасение революции он видел только в об'единении румын с венграми.

Из наиболее замечательных публикаций, напечатанных заграницей следует считать „Република Ромына“, ввиду того, что она представляет мнения группы, поставившей себе целью „об'единение и независимость демократической Румынии“.

Выходя небольшим форматом, чтобы можно было бы легче её тайно провести в Княжества „Република Ромына“ опубликовала серию статей и хроник, в которых был дан анализ причин поражения революции.

Эти идеи и об'ективный анализ причин незавершения революции, были продиктованы Бэлческу оставшимся верным своей линии поведения.

Эту линию унаследовал рабочий класс и развил её дальше.

Она оказалась верной и подтверждённой событиями, происшедшими сто лет спустя, продолжившими и закончившими буржуазную революцию.

Пресса, появившаяся в ту великую волнующую эпоху, вносившая новое для того времени имеет сегодня несомненно большую историческую заслугу и огромную документальную ценность.

ГЕОРГИЙ ЗАХАРИЙ

Румынские Художники и Революция 1848 г.

Для исследователя истории искусств, об'ективного и внимательного к моральному значению идей, особенно радостно констатировать, насколько быстрым и искренним было эхо, прозвучавшее со стороны некоторых художников, уже признанных тогда или идущих по пути признания, в ответ на Революцию 1848 г.

Следует отметить, что они все происходили из Мунтении и это не лишено значения.

Верно и то, что эти художники еще до начала у нас революционного движения, были хорошо знакомы с преобразовательными идеями Запада, были осведомлены о том, что затевалось там, особенно в Париже, не только открыто через действующие комитеты и разрешенные публичные собрания, но они сами являлись участниками и нелегальных обществ. Таким образом, они были подготовлены к осуществлению, при первом благоприятном случае, на практике, усвоенных ими идей, со всем риском, связанным с подобным мировоззрением. И когда наступил такой случай, они приняли самое деятельное участие, особенно Розенталь, как наиболее предприимчивый среди них. Особенно поражает тот факт, что начинающий художник, каким тогда был Розенталь, приехав из Песты в чужую ему страну, языка которой он не знал, сразу же с воодушевлением взялся за дело восстановления страны, стал верным товарищем и самым активным сотрудником просвещенной румынской молодёжи, воодушевлённой тем же что и он чувством гумманизма, жаждущей социальной справедливости, политической свободы.

Знакомясь поглубже с жизнью таких необыкновенных людей, как Ион Негулич (1812—1851), Барбу Исковеску (1816—1854), Константин Даниэль Розенталь (1820—1851), мы поражаемся их неизменной и непоколебимой воле, недрогнувшей перед многочисленными трудностями, стоящими на их пути, чистотой и возвышенностю их идеала, который они со всей силой воли стремятся провести в жизнь в ту эпоху при тогдашнем культурном уровне Бухареста. Мы почти забываем поверхностность и непостоянство Негулича в вопросах искусства, его художественные дерзания, лишённые должной подготовки, находящие оправдание только в его высоких моральных побуждениях, проявившихся в общественной жизни активного партизана Революции.

Больной, нищий, лишённый всего, вдали от семьи своей, в изгнании в Бруссе, этот хрупкий человек, некогда такой избалованный и капризный, переносит всё стойко, показывая другим пример исключительно сильного характера, беспредельной преданности правому делу. В сущности, это является показательным примером перемены человека, до этого неуравновешенного, не находящего себе места, перепробовавшего всё, вплоть до утопизма Фурье. Но однажды переменив свои убеждения, он приобретает духовную устойчивость и силу, подобно тому, как типограф и издатель, переводя и печатая книги, для народа, овладевают и сами культурой, превышающей общий уровень. Правда, что в ней есть много пробелов, — она состоит из отдельных частей, случайно связанных, но все же её совершенно достаточно, чтобы сыграть выдающуюся роль в этом благодетельном взрыве, к несчастью скоро погашенном, каким явилась революция 1848 г.

Жизнь *Исковеску*, его произведения нам мало известны. Но того немногого, что у нас осталось как рисунки и другие его работы, достаточно, чтобы иметь представление о других его скитаниях по Западу до 1847 г., когда он, наконец, вернулся на родину.

Как только вспыхнула революция, он сейчас же примкнул к восставшим, проявляя беспримерное мужество и искренность. Им было даже нарисовано знамя. После поражения революции, когда одни из главарей были арестованы, а другие вынуждены бежать, Исковеску, в результате событий, очутился в Брашове. Не потерявши бодрости, немного погодя он, желая увековечить товарищей, отличившихся в недолгой борьбе, издаёт литографированный альбом с их портретами. У нас сохранилось только несколько листов от этой задуманной им работы, некоторые из них были отпечатаны в Париже, куда *Исковеску* удалился. Несколько лет подряд ничего не известно о нем, но в 1853 г. он появляется на Востоке, вероятно для сближения с изгнанниками, оставшимися в живых в турецкой империи. Летом 1854 г. он умирает, быть может во время одной из эпидемий и потому похоронен в одной могиле с Негуличем, или

прах Негулича был перенесен, чтобы положить его вместе с бывшим другом, или же Исковеску похоронили в могиле Негулича.

Но среди этих трёх мучеников Революции, самая выдающаяся личность, вызывающая наибольшее уважение — это *Розенталь*. Судя по сохранившимся его произведениям, он не только самый талантливый, самый образованный среди них, но и обладает ясным умом, горячим сердцем; он — самый любимый, нежный, бескорыстный друг, всегда готовый к самопожертвованию — партизан, мужественно пренебрегавший опасностью, что доказала его неожиданная смерть. Уверенность в его исключительных редких качествах подтверждается и сохранившимися его письмами, в особенности к К. А. Росетти; они дают нам возможность точно и подробно узнать его благородный образ, вплоть до интимной его жизни.

Нас восхищает не только его одаренность как в музыке, так и в художественной деятельности, не руководящая его роль во время Революции, вплоть до поражения, как бы значительна не была эта роль, но поведение Розенталя после поражения.

Во-первых, как австрийский подданный, он мог бы получить свободу, но от неё отказывается. Затем, когда ему удалось обмануть бдительность охранявших его турков, он похищает остальных арестованных революционеров и на Дунайском пароходе, проехав ненадёжную из-за войны Венгрию, благополучно прибывает в Австрию. Отсюда вместе с Росетти и его женой отправляется далее в Париж. Для Розенталя наступает относительно спокойный период. Он совершает путешествие в Швейцарию, а затем в Грац, где он задумал жениться и устроиться.

Именно тогда он получает директивы от оставшихся во Франции революционеров поехать в Трансильванию и вести революционную пропаганду среди румын. Вначале он колеблется, но его убеждают в том, что это важная и опасная миссия, и убеждённый Розенталь соглашается.

Как только он прибыл в Трансильванию через Пест, его арестовывают, пытают, требуя выдачи сообщников. После ужасных пыток, не добившись от него ни слова, его убивают. Миссия закончена. Так трагически завершилась жизнь одного из благороднейших людей.

Второстепенная фигура из участников 1848 г. — это К. Петреску — друг Элиаде. От него у нас осталось в коллекции Румынской Академии Наук замечательная по своей наивности акварель, где изображены члены революционного комитета в романтических костюмах вокруг знамени.

Г. ОПРЕСКУ.

Николай Бэлческу.

Николай Бэлческу родился в 1819 г. в гор. Бухаресте, в дворянской семье. Вначале он учился у греков, в то время это было принято, а затем в школе Св. Саввы. В это же время он увлекается и изучает историю, в особенности историю Румынии. Но Бэлческу изучает необычную историю, неизвестную тогда — историю рабства, народных страданий, народной борьбы за свободу.

Связывая события прошлой истории с окружающей его жизнью, Бэлческу отмечает характерные черты гнёта, эксплоатации и обскуратизма феодального строя и турецкого господства; а также создание новых форм, когда к старому гнилому режиму прививаются ростки только нарождающегося капитализма (товарообмена),

Одна из характерных черт жизни Бэлческу — это последовательность его действий и убеждений. Он ищет путь освобождения народа от феодализма, и этот путь будет им найден.

Будучи юнкером в армии, не так давно образовавшейся, он пробуждает среди солдат патриотические и демократические чувства и мечтает видеть их свободными гражданами, с оружием в руках.

В то же время в 1840 г. он вступил в ряды подпольной организации Димитрия Филипеску, совместно с которым работает против порядка, заведенного боярами, — за это он был приговорен к тюремному заключению. Эта организация была первой политической школой Бэлческу. В программу этой организации входила отмена барщины и наделение землей крестьян. Впоследствие эти задачи составляли боевую программу.

После освобождения из тюрьмы, Бэлческу развивает широкую и разностороннюю деятельность своими статьями, напечатанными в „Историческом Магазине“, и участвует в культурных обществах того времени. Бэлческу вступает в связь с руководителями молдавского движения, сотрудничает с Михаилом Когылничану, с румынскими политическими деятелями Трансильвании.

В это время Бэлческу использует опыт 1840 г. и основывает нелегальную организацию „Справедливость-Братство“, с целью распространить по всем румынским провинциям программу революционной борьбы.

В программе намечено: об'единение Румын в единое национальное и независимое государство, отмена феодальных привилегий, провозглашение демократических свобод и прав, наделение крестьян землёй и создание народной армии. Преследования заставляют Бэлческу скрываться заграницей.

Февральская революция 1848 г. застает его в Париже, откуда он немедленно отправляется на родину. Этот путь кажется ему триумфальным маршем.

Во всей Европе он встречает народы, поднявшиеся на борьбу за новую жизнь.

В Бухаресте он почувствовал, что его стремления совпадают со стремлениями народных масс, с их твёрдым решением бороться.

При помощи ближайших друзей, Бэлческу организует широкий фронт борьбы, составляет революционную прокламацию, в которой запечатлены его идеи, несмотря на всё сопротивление Иона Элиаде, вождя умеренной группы.

Благодаря смелости Бэлческу, Революционная Прокламация становится Румынской Конституцией, в неё вошли высокие, но недостижимые идеалы времен Тудора, идеи 1840 г. и программа подпольной организации „Справедливость-Братство“, одним словом — все основные идеи румынской буржуазно-демократической революции.

В правительстве, образованном после отречения Г. Бибеску, секретарем правительства был Бэлческу, но туда вошли и группы умеренных, с затаённой целью препятствовать осуществлению великих реформ, которые они вначале готовы были подписать.

В течении трёх месяцев, до нашествия турок в страну, Бэлческу, поддержанный Г. Магеру и Ал. Г. Голеску вёл упорную борьбу, чтобы заставить правительство выполнить принятые перед народом обязательства. Но борьба была проиграна. Правительству приходилось делать уступку за уступкой реак-

ционному боярству. Народ был в стороне. Революция приходила к концу. Бэлческу писал, что не турецкая армия, а Элиаде был причиной поражения.

И всё таки он не верил, что это окончательное поражение революции. Народы Европы еще боролись. Венгерская революционная армия одерживала блестящие победы на пути к Вене. В этот момент большинство трансильванских румын подняло оружие не против общего врага — феодального императора, сидевшего в Вене, но против венгров. Оба народа боролись друг против друга, как из-за непонимания насущных задач каждого из них, из-за идеологической иедальновидности некоторых руководителей обоих лагерей, так и из-за провокаций, организованных агентами немецкой реакции.

Бэлческу приезжает в Трансильваннию, а затем в Венгрию, где, при помощи Ефимия Мургу, ему удаётся добиться соглашения между двумя революционными силами.

Реакционные факторы утопили в крови венгерскую революцию, все же Бэлческу продолжает работать дальше, не слагая оружия.

В Париже и в Лондоне он ищет поддержки в борьбе за дело своего народа.

Он редактирует мемории, пишет статьи, издаёт журналы, организует румынскую эмиграцию поддерживает связь с родиной, с итальянскими эмигрантами, венграми, поляками.

Все его действия воодушевлены верой в новую революцию, он всегда готов идти в бой за свободу, демократию и независимость.

Тяжелая болезнь — туберкулёз подтачивает всё сильнее его здоровье.

Но Белческу гордо отказывается отречься от своих идей и не возвращается на родину. Осенью 1852 г. он умирает в Палермо, далёко от своей любимой Румынии, умирает, покинутый почти всеми своими друзьями.

Но румынский народ его не забыл. Он всегда окружал его уважением и любовью.

Память о передовом борце—Бэлческу, сейчас сильнее, чем когда-либо живет в сердцах его народа.

Революця, о которой он мечтал на смертном одре не осуществилась. Буржуазия сыграла свою роль в революции и стала эксплоатирующим классом. Но во главе революционной борьбы румынского народа поднялся новый класс, последвательно до конца революционный — рабочий класс.

Этот класс свяжет прерванную нить борьбы Бэлческу с новыми победами пролетариата; спустя сто лет мечта Бэлческу станет реальностью, будут завершены достижения 1848 г. ликвидированы остатки феодального гнёта; реформы пойдут дальше по пути уничтожения всякой эксплоатации человека человеком, всякого гнёта, по пути свободного развития счастливой и независимой жизни румынского народа. И не может быть, в завершение целого века кровавой борьбы, более заслуженного прекрасного празднования памяти великого румынского патриота Николая Бэлческу, чем такие достижения и такие перспективы.

ПОПЕСКУ ДОРЯНУ

Из уроков 1848 года.

В официальной литературе последнего столетия, известной нашей стране, румынский крестьянин был представлен как пассивный элемент, подчиняющийся при всех обстоятельствах тем, кто управлял государственными делами.

О рабочих правительство отзывалось только в официальных коммуникатах, когда речь шла об „обеспечении порядка во время рабочих боёв".

Причину сражений и революционных волнений в Княжествах, официальные историки в прошлом, усматривали во внешних факторах, не имеющих ничего общего с чувствами и интересами народных масс.

Революционные события 1848 г., как и другие крупные выступления на территории наших княжеств в течение веков, категорически опровергают этот официальный тезис бывших властителей.

Один из поучительных факторов, который мы можем извлечь из революции 1848 г., это тот что, народные массы из Валахии и рабочие Бухареста, вышли на защиту революции; крестьяне также пришли в Бухарест (как и в Блаж 400.000). Это были те силы, которые поднялись на борьбу, вписанную в Прокламацию, которую они понимали по-своему.

Отсюда вытекает и другой поучительный вывод:
а именно: что когда начинаются уступки врагам народа, когда народ перестаёт быть ведущей силой-победа революции не обеспечена.

В этих выводах мы находим главную причину поражения революции 1848 г. в Валахии. Народ вышел на улицу, вооружился, пролил кровь для защиты двадцать одной статьи Прокламации Бэлческу, но временное правительство, руководимое умеренной группировкой Элиаде не откликнулось на зов народа. Всеобщее голосование не было обеспечено, крестьяне землю не получили, за независимость страны это правительство не боролось; вот почему революция 1848 г. в Валахии не была доведена до конца.

Трусливая румынская буржуазия разделила государственную власть с помещиками. Но существует и другой класс, без которого сегодняшняя Румыния не могла бы существовать, на долю которого выпала честь завершить революцию 1848 г. и вывести Румынию на новые пути современности.

Выводы прошлых уроков вдохновляют сегодня демократические силы нашей страны руководимые рабочим классом и его авангардом Румынской рабочей партией, в интересах народа, они уже не хотят больше договариваться с реакционными, разбойничьими империалистическими силами, твердо защищают позицию нашего народа, обеспечивающую прочный мир и народную демократию.

МИХАИЛ ШОВА

Значение празднования столетия революционного 1848 года в Румынской Народной Республике.

Революция 1848 года была прелюдией тех великих перемен, которые мы воочию видим теперь. Стремление народа к освобождению, стремление сбросить иго рабства зародилось одновременно и в среде рабочих, и в лучшей части интеллигенции, возглавляемой Николаем Бэлческу.

В то время промышленность была отсталой, в зачаточном состоянии, и буржуазия использовала революцию в своих интересах, в ущерб народу.

Сегодня, через сто лет, человечество изменило формы бытия. Произошла Великая Октябрьская Социалистическая Революция, осуществилась блестящая победа Советского Союза над фашизмом.

Повсюду рабочий класс является уже организованным; и в нашей стране мы строим новую жизнь на основах свободы, права и социального равенства.

Впервые наука начинает служить широким массам трудящихся, служить народу.

Вот почему развитие и процветание науки становится одной из главнейших задач демократических руководителей Нашей Страны.

К. И. ПАРХОН

Председатель Президиума Великого Национального Собрания Румынской Народной Республики.

Накануне празднования столетия революции 1848 г. в Трансильвании.

Празднование столетия революции 1848 г. в Трансильвании, замечательно тем, что оно совпадает с Конституцией Румынской Народной Республики. Мы с благоговением обращаем наш взор на тех, кто боролся и пал на поле битвы за Революцию, за устранение ярма крепостничества и освобождение трудового народа, безжалостно эксплоатируемого феодальным режимом.

Эти герои верили, что их путь самый лучший, что он приведёт к желанной, веками ожидаемой свободе.

Когда мы оглядываемся назад, обогащенные уже столетним опытом, и делаем надлежащие выводы, нам очевидна ошибка тех, которые направляли румын-трансильванцев на союз с Габсбургами в Вене. Между прочим, все оставшиеся в живых, среди них и Аврам Янку, поняли эту большую свою ошибку.

Умудрённый этим горьким опытом и всем последующим, рабочий народ сейчас избавился от взглядов, исходящих из династического обскурантизма и шовинизма, которые прежде толкали его на ложный, ошибочный путь.

Короли и императоры были изгнаны, а с ними заодно ушли и ложь, и хитрость, вносившие только раскол среди народов, для того, чтобы лучше властвовать над ними. Так, Габсбурги и их союзники, мадьярские феодалы, всегда вносили раздор между венгерским и румынским народами, подстрекая их постоянно друг против друга и обманывая обоих.

Последним актом империалистических интриг был Венский Диктат, который передал всю северную Трансильванию Венгрии, только для того, чтобы позже Хорти смог втянуть сотни тысяч сынов венгерского народа в войну против Советского Союза, обещая Венгрии и остальную часть Трансильвании; в то же время гитлеровские сателлиты втянули в войну и Румынию, обманывая ее, обещая и ей Северную Трансильванию.

И в то время, когда сотни тысяч, враждебных друг другу, сынов румынского и венгерского народов находились на широких просторах Советского Союза, принимая участие в захватнической войне, гитлеро-фашистские правительства Хорти и Антонеску систематически провоцировали и тыл, натравливая Венгрию и Румынию друг против друга, вписывая, таким образом, самые черные страницы в историю спровоцированных веками конфликтов между этими двумя народами.

Только теперь, спустя сто лет, пришло к власти народное правительство, которому принадлежит вся государственная власть, осуществляемая самим народом.

Народная демократия исключает факторы и учреждения, мешавшие ее свободному развитию. Перед нами окрыт широкий путь для осуществления нового социального, экономического и политического строя, с равными правами и обязанностями для всех граждан страны, в которой никогда не будет эксплоатации человека человеком.

Таким образом, в Румынской Народной Республике, родине всех трудящихся как в городе так и в деревне, стал действительностью целый ряд принципов, записанных, по требованию крестьян в Блаже на площади Свободы, в Декларации принципов, которые были преданы сателлитами и лакеями габсбургского империализма, мадьярскими феодалами и румынской правящей кликой в Трансильвании.

Там они своей политикой создали, так называемую, национал-румынскую партию. Роль этой исторической партии со всеми ее „подвигами", которые прошли на наших глазах, особенно ничтожна, в сравнении с теперешними достижениями.

В душе румынского народа и народов, совместно с ним проживающих беспрестанно обманутых в прошлом, и тени не осталось от т. н. исторических партий; память о них никого не взволновала в день великого праздника миллионов трудящихся, которые спустя сто лет после революции 1848 г. в Трансильвании и Банате, с энтузиазмом участвовали в манифестациях, вместе с другими провинциями страны, полные решимости построить новую Румынию на прочной основе Конституции Румынской Народной Республики, по линии постоянного развития тех политических принципов, которые были установлены на площади Свободы в Блаже 40.000 крестьян, собравшимися там.

Конечно, эта счастливая эволюция наполняет наши сердца радостью; ведь освобожденные народные силы теперь с доверием и решимостью идут по пути консолидации завоеваний свободной и независимой Румынии. Народ стал сувереном своей воли.

Итак, наконец наследники революционных масс, Бэлческу и Петёфи протянули друг другу руки, в хороводе общего труда, для восстановления родины обоих народов. А это само собой исключает и прекращает причины раздоров между народами-соседями. В окружении друзей ничто больше не нарушит наш мирный труд.

Так проверяются на внешнем и внутреннем плане принципы, вписанные в пламени Революции 1848 г., в то время, когда представители феодального режима крупной буржуазии и финансовые магнаты, — все они, лакеи на службе империализма и политики национального угнетения, упорно отрицали возможность примирения народов; — в свете сегодняшних достижений они потерпели поражение.

Но ослеплённые ненавистью, вызванной в них всем, что сейчас происходит, они ещё кишат среди нас.

Пусть же исчезнут навсегда их блуждающие призраки, уйдут из оздоровлённого нашего народа и народов, проживающих с нами. Никогда не вернётся тёмное прошлое с унижениями, слезами, страданиями и жертвами. И великое значение людей пожертвовавших собою в революции сто лет тому назад — в нашей настоящей свободе, в избавлении от дальнейших жертв!

Д-р ПЕТРУ ГРОЗА
Председатель Совета Министров
Румынской Народной Республики

Революция 1848 года, хотя и не доведенная до конца, является значительным этапом в истории борьбы за свободу румынского народа.

Несмотря на отсутствие в то время развитой промышленности, а следовательно и промышленного пролетариата, элемента боевого, сознательного и организованного, необходимого для руководства широких масс, во главе революции стали рабочие — кожевники, пекаря, мясники, портные и т. д.

Эти труженики, вышедшие из крепостного крестьянства — угнетённого и эксплоатируемого феодальным строем, примкнули с большим под'ёмом и верой к революции 1848 г. Они боролись против существующего строя, налагавшего на них только обязанности и не дававшего им никаких прав.

Испугавшись силы революционного порыва масс, городская буржуазия вошла в соглашение с боярами-феодалами, с которыми ее связывали общие интересы. Изменив лозунгам сближавшим её с народом, буржуазия тем самым отдалила народ от революции; в результате чего революция и была так легко подавлена.

Цели, преследуемые революцией 1848 г., оставшиеся неосуществлёнными из-за предательства буржуазии, были достигнуты впоследствии рабочим классом, непрекращавшим никогда борьбы.

Сейчас, когда исполняется столетие со дня революции 1848 г., рабочий класс Румынии из класса порабощённого — стал классом руководящим в государстве, где режим народной демократии, где народ пользуется самыми широкими правами и свободой при новой форме государственного управления НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ.

Г. АПОСТОЛ
Председатель
Всеобщей Конфедерации Труда

Революционные события 1848 года подчеркнули у нас в стране, какое большое значение имеет вооружённая борьба народа, в деле завоевания своих законных прав, в деле защиты этих прав.

У нашего народа в этой революционной борьбе были сторонниками такие способные и преданные военные, как генералы Р. Магеру, и К. Телль. Народ сумел отстранить Одобеску и Соломона — военных предателей; народ знал о солидарности солдат, переставших быть простым орудием в руках бояр; солдаты были одушевлены национальным сознанием и оказали сопротивление турецким захватчикам на холме Спирей.

Навсегда останется светлым примером, несмотря на все, допущенные из-за слабости, ошибки, — попытка генерала Магеру продолжать вооружённое сопротивление, продолжать сражаться с боярами-реакционерами, перешедшими на сторону турецких захватчиков, и с самими захватчиками.

Останется также примером высокого патриотизма, — призыв Бэлческу: с оружием в руках защищаться против турецкой интервенции.

При создании новой Румынской Армии — Армии Народной, мы пользуемся примером наших прогрессивных предшественников, звавших народ на бой, для завоевания свободной жизни, для защиты добытых прав, для защиты независимости, национальной суверенности, которой угрожали иностранные захватчики.

Наше государство — Румынская Народная Республика сегодня независима и суверенна.

В столетний юбилей революции 1848 года живо встают в памяти слова великого республиканца — революционера Николая Бэлческу:

„Мы сильны, потому что народ с нами!"

Румынская Народная Армия будет сильна, потому что она и народ одно целое.

ЭМИЛЬ БОДНАРАШ
Министр Национальной Обороны

Празднование столетия революции 1848 г, происходит сейчас в Народной Румынской Республике в исключительных условиях. До сих пор, на протяжении 100 лет, никогда не было отмечено настоящее значение революции 1848 года, и не были выделены выдающиеся её деятели.

Мелочное и подлое отношение к ним клики, на которое мы наталкиваемся на каждом шагу в нашей политической истории, привело к тому, что в ней фальшиво и неверно отражены революционные события 1848 г. Не подлежит сомнению и то, что как Княжества, так и Трансильвания, — были тогда странами феодально-отсталыми, и следовательно, не могло быть и речи, как только о революции, происшедшей в подобных условиях,

Исследуя одно за другим события, мы отмечаем, что революционные настроения имели место в марте 1848 г. в Яссах, 3/15 мая в Блаже, 9 и 11 июня в Ислазе и Бухаресте.

Революция в Мунтении началась в более благоприятных условиях, там были определенные директивы, предполагались более глубокие реформы (среди других в прокламации из Ислаза — и наделение крестьян землей, и Республика): Но революция быстро себя скомпрометировала из-за заблуждений одних, колебаний и отсутствия энергии у других. Революция в Мунтении охватила широкие массы мелких ремесленников Бухареста и крестьян всей страны.

Повсюду были люди с широкими взглядами: в Молдавии — Александр Ион Куза и Когылничану таких людей мы находим и в Блаже, и в особенности в Мунтении, где Бэлческу является настоящим выдающимся революционером для всех румынских провинций. Он старался разъяснить настоящее значение революционного движения.

Но его борьба, его усилия потерпели поражение; ввиду того, что некоторые из участников, упоенные первой победой, забыли о необходимой бдительности, отказались от реформ, обещанных ими; другие же усматривали в революции удобный повод для получения узких личных классовых привилегий, революция потерпела поражение.

И должно было пройти сто лет, чтобы эти обещанные реформы были проведены в жизнь уже в другой форме и в других условиях.

Бэлческу, отстраненный в Регате, пытался указать трансильванцам в последний момент истинный путь революции.

Из прекрасной революции, начатой в Ислазе и продолженной с таким успехом в Бухаресте 11 июня 1848 г. некоторые участники удачно пытались, и в конце концов сумели сделать выгодную только для их семьи сделку.

80 лет, они вместе с монархией Гегенцоллернов угнетали народ, — господствовали сами и их наследники над всей страной.

Они сделали нечто большее.

Они скрыли истину.

Бэлческу, за всю его революционную деятельность, прогрессивные идеи, учение и великие принципы, от которых он никогда не отказывался, был назван ими „патриотом"в ковычках, не в настоящем смысле этого слова, а в том, которое они хотели придать ему. Это все, что разрешила правящая клика узнать о 1848 г. и Бэлческу. Остальное было погребено в молчании забвения. Они искажали правду и пытались сделать героями движения тех, кто изменил делу революции и приписать им и их родственникам законные права, господства над страной.

Обе партии т. е. исторические пытались связать свое возникновение с революцией 1848 г. — одна в Блаже, другая в Бухаресте.

И только сегодня в условиях свободы, обеспеченной Румынской Народной Республикой, выясняется истинная сущность Революции 1848 года. Сейчас лишь можно праздновать политическую победу народа, во главе с рабочим классом, при новом демократическом устройстве страны.

В этих условиях столетний юбилей 1848 года приобретает совсем другое значение.

ОКТАВ ЛИВЕЗЯНУ
Министр Искусств и Информации

Революция, начавшаяся в 1848 году одновременно в Румынии и в Венгрии, является блестящим примером единения народных сил в борьбе за свободу.

Неудача этой революции учит нас тому, что для осуществления своих стремлений народ не должен удовлетворяться частичными победами, — т. к. каждый компромисс с факторами, задерживающими развитие, губителен для трудящихся, он помогает эксплоататорам подольше удержаться у власти. Одной из причин неудачи венгерской революции было еще то, что ее руководители не поняли всей важности национального вопроса и не сумели совместить требования отдельных национальностей с общими целями революции. Сам Коссут понял это только много позже, находясь уже в изгнании.

Но сегодня, в столетнюю годовщину, неудавшейся революции 1848 года, братские народы — румынский и венгерский являются крепкими звеньями единой цепи демократических стран, которые под руководством героических народов Советских Социалистических Республик, станут залогом мира и прогресса.

Задачей нашего поколения будет не только осуществление идей Бэлческу и Коссута, но углубление их по пути прогресса.

ТАКАЧ ЛУДОВИК
Министр-Аджункт по делам совместно проживающих национальностей при Президиуме Совета Министров

Спустя сто лет после революции 1848 г. „Женщина имеет равные права с мужчиной во всех областях государственной, экономической, общественной, культурной, политической и частной жизни.

Мать и ребенок до 18-ти летнего возраста пользуются особым покровителством, установленным законом, (ст. 21-ая—22-ая Конституции Румынской Народной Республики).

Конституция Румынской Народной Республики признала за женщинами те права, о которых сто лет тому назад, в дни революции 1848 г., говорилось в прокламации „Ислаза“: среди 22-х статей, во второй статье стояло требование: „Всеобщее равенство в политических правах“, и в пятой статье „Всеобщее народное собрание представителей всех социальных классов“.

Борьба за права и свободы нашего народа и за гражданское равенство женщины велась с самых отдаленных времен по сегодняшний день, и многие дочери нашего народа пали в этой неравной борьбе.

После 23 августа 1944 года освобожденные женщины вместе со всем народом борются за водворение демократического режима; и это им удалось 6-го марта 1945 г.

Наиболее выдаюшимися участницами в этой борьбе были Катерина Варга из страны Моцов (между 1841—1847 гг.), Мария Танасе из деревни Лалош, уезда Вылча, (1907 г.)

В наши дни в рядах женщин-борцов, добивающихся демократических свобод, выделяется своей исключительной значительностью отважная Анна Паукер, которая полная решимости сумела отразить врагов народа, сумела мобилизовать широкие массы на борьбу за правое дело.

После 23-го августа 1944 г. освобожденные женщины вместе со всем народом успешно борются за утверждение демократического режима 6-го марта 1945 г, получают свои права и возможность всё больше проявить свои способности.

За режим, признающий их права и помогающий их выдвиженню давно началась борьба, в которой пало много дочерей румынского народа. Эта борьба продолжалась до наших дней. Теперь женщины вначале принимают участие в фабричных комитетах по аграрной реформе, потом они уже помощники примаря и городские головы, магистраты и народные заседатели, руководители синдиката и проф-

союзов, члены исполкома Всеобщей Конфедерации Труда, депутаты, члены правительства и Президиума Великого Национального Собрания Румынской Народной Республики; они в первых рядах борются за экономическое восстановление страны, за увеличение продукции в городах и селах; поддерживая правительство и имея его поддержку, женщины в Румынской Народной Республике укрепляют демократический режим Р. Н. Р.

Сегодня в народной борьбе, возглавляемой рабочим классом и его партией, Единой Рабочей Партией, когда завоеванные права утверждены Конституцией, женщины Р. Н. Р, отдают всё больше сил на защиту мира против поджигателей войны, на укрепление и процветание Р. Н. Р. на реконструкцию на новых основах нашей Родины.

ОЛИМПИЯ ЦЕНЕСКУ
Депутат

Продолжая и развивая традиции 1848 г.

Революционный 1848 год замечателен своими требованиями, внесёнными в программу и осуществлёнными с опазданием, только теперь демократическим правительством наших дней.

Движение 1848 года было следствием распада феодального строя в Княжествах и усилением товарообмена.

Оно является выражением укрепляющихся капиталистических экономических отношений.

Положение в княжествах, накануне революции 1948 г. представляется таковым:

Эксплоатируемое крестьянство желало стать хозяином земли, обрабатываемой им, и освободиться от долгов помещикам; городские рабочие, тогда еще необ'единенные классовым сознанием мечтали о лучшей жизни.

Буржуазия лишь образовывалась. Она добивалась укрепления своих позиций, отмены боярских привилегий, расширения рынка для внутреннего сбыта, путем создания единого, независимого государства; наконец, часть боярства была заинтересована в некотором отношении в новых коммерческих возможностях.

Личность Николая Бэлческу возглавляет всё движение. Он ясно доказал, что революция исходит из действительности, как необходимость, продиктованная временем.

Со всеми поправками и искажениями группы Элиаде, прокламация из Ислаза содержит статьи, которые смогли быть проведены в жизнь, лишь спустя целых сто лет, а именно: равенство в политических правах, Учредительное Собрание, эмансипация крестьян, всеобщее обучение для обоих полов, равноправие евреев и. т. д.

Целый век борьбы привёл к осуществлению реформ, программированных в подполье Румынской Коммунистической партией в период между двумя войнами.

Революционная традиция 1848 г., несмотря на то, что революция потерпела поражение из-за предательства некоторых её руководителей, лакеев крупных собственников, не исчезла бесследно.

Заслуга нового социального класса-рабочих, который поднялся, в том, что он сохранил живую революционно-демократическую традицию, в центре которой стоял великий Бэлческу.

Этот новый класс осуществил его чаяния и даже превзошёл их.

Из тьмы времён, ещё ярче встаёт перед нами образ великого деятеля, который силой убеждений и борьбы обогнал эпоху.

Сегодняшние успехи являются естественным продолжением планов, выработанных век тому назад; они предоставляют нашей демократии историческую базу, необходимую для дальнейшего её развития.

Коренные преобразования наших дней преобретают глубокий смысл и являются продолжением усиленных стараний лучших сынов страны в их борьбе за свободу, за мир и народную демократию.

АЛЕКС. РОСЕТТИ
Ректор Бухарестского Университета

ТЕКСТЫ И ДОКУМЕНТЫ

ТРИ ПИСЬМА НИКОЛАЯ БАЛЧЕСКУ

Париж 24 февраля 1848 г.
первый день Республики

Дорогой гражданин и друг!

Я должен был давным давно написать тебе письмо, но только сегодня могу это сделать и то кратко, у меня совершенно нет времени, да и устал я очень; уже три дня, как я постоянно на улице.

Знай же, что великий народ поднялся, и что свобода мира воскресла. Прекрасная революция; искренне сожалею, что ты не видел её сам, преобразит она мир. Король бежал. Республика провозглашена всеми. Посылаю тебе (в этом письме) кусок бархата, сорванного с трона Луи Филиппа; этот трон сегодня, в половине второго, был разрушен. Я же вырвал кусок бархата с него в Тюиллери и решил уделить и тебе кусочек, доказать, что в самые великие, торжественные минуты моей жизни, мысли мои всегда с тобой.

Не могу тебе больше писать.

Прощай, Да здравствует Республика!

Твой друг
Н. БЭЛЧЕСКУ.

Привет всем добрым Румынам. В ближайшем будущем встретимся на роднне. Братство и надежда! Бедный Базиль! ты не был здесь!

Бухарест, 16 июля 1848 г.

Дорогой Гика,

Получил два твоих письма от 11 и 17 июля, кроме двух других шифрованных. Не мог тебе совсем писать, так как с момента Революции мне совершенно не хватает времени сообщить тебе о моих делах и невзгодах. Чтобы понять, то что происходит у нас, ты должен познакомиться с событиями, которые имели место с 11 числа по сегодняшний день.

Вынужден буду рассказать тебе вкратце. Революция 11 числа, была событием самым прекрасным, которое когда-нибудь имело место у какого-либо народа.

За день ещё я узнал о восстании в Олте, узнал, что во многих местах поднялся народ, напр. в Прахове и Вылче.

В тот же день юнкер Магеру, после полудня, на улице Липскань, читает прокламацию, раздаётся колокольный звон и весь народ толпой отправляется во дворец к Воде с требованием подписать Конституцию.

Накануне Вода пришёл в казарму и предлагал войскам защищать трон, на что солдаты ему ответили, что они будут защищать Конституцию, а ему предлагают принять её. Вода под давлением народа, вынужден был сдаться и подписал Конституцию, назначив новое министерство из революционеров, а именно: Н. Голеску, Телля, Элиаде, Магеру, Ст. Голеску и старшего Росетти.

Но через два дня Бибеску, деморализованный всем происшедщим, подал в отставку.

Когда мы создали временное правительство, у митрополита собрались бояре. Туда же отправились и мы с народом и провозгласили новое правительство, назначив митрополита президентом.

На следующий день на Филаретском поле, названном Полем Свободы, было освящение знамён и национальная народная гвардия принесла присягу. Во время этого прекрасного торжества, вспомнил я о том дне, когда мы четверо пять лет тому назад, поклялись создать наше общество, которое теперь спасёт страну!

Через три дня прибыли и представители из-за Олта. И тогда мы допустили большую ошибку: во время их отсутствия для наведения порядка в армии, мы оставили Одобеску министром и Соломона командиром полка в столице, Как я мог это сделать, сейчас не могу тебе об'яснить, но придёт время и расскажу тебе подробно обо всём.

19 июня, на третий день после прибытия членов правительства, Одобеску и Соломон устроили заговор против нас.

Агитация началась амбициозными маскированными защитниками собственности, которые обвиняли нас в том, что мы хотим забрать землю и раздать её крестьянам, несмотря на наше заявление, что этот вопрос мы оставили на разрешение Учредительного Собрания.

В этот же день Одобеску и Соломон, под предлогом визита в офицерское собрание, тайно привезли пьяных солдат и арестовали нас во дворце.

С исключительной поспешностью поднялся народ, узнав о случившемся. Видя это, Соломон испугался, спрятался с солдатами в казарме предварительно дав несколько залпов в безоружный народ; в результате этих выстрелов девять человек оказалось убитыми и столько же ранеными. Одобеску, оставшись во дворце, был арестован. Вечером был арестован и Соломон. Казарма была окружена народом, Соломон вздумал было удрать, но был пойман. Правительство сново возобновило свою деятельность. но силы реакции всё росли.

Затем Бэлческу описывает как временное правительство уезжает в Кымпулунг. Дальше продолжает письмо так:

„. . . Знай, что наш столичный народ, не преувеличивая, превзошёл все народы Европы, даже парижан. В мгновение народ поднялся, сбросил временного регента, который господствовал всего несколько дней, призвал депутатов вернуться, назначив до нашего приезда временное правительство, в котором был и Кымпиняну.

Одобеску и Соломон были заключены в казарму. Сорокотысячная толпа окружает казарму и похищает их.

Солдаты не осмеливаются больше стрелять и оба полковника — дважды изменники (подают в отставку) и покидают страну.

Кымпиняну совершил ошибки и значительно утратил свою популярность, защищая постоянно Одобеску.

Наше возвращение было триумфом, в то время, как наше отступление из столицы было разгромом.

С тех пор мы действовали лучше, спокойнее. Мы работали уже в мирной обстановке и среди других декретов издали и декрет о выборах, назначив день открытия Учредительного Собрания на 25-ое августа.

Внутреннее положение было таковым: мы были сильны в Бухаресте, народ был с нами и в особенности торговцы, которые многое сделали в революции 30 июня. Кроме того мы начали подготовку и в селах, посылая туда комиссаров. В городах было ещё много реакционеров. Если бы было ещё спокойно, то никакого внешнего нападения нам нечего было опасаться . . . Но ты должен знать, что у нас совсем нет армии. Наша армия деморализовалась, перестала быть дисциплинированной; с такой армией мы можем только повредить делу. Она не годится ни для страны, ни для внешних событий, т. к. она отказалась воевать.

В такой стране все говорят, что воевать не надо, а что нужно действовать моральным воздействием.

Наше нерегулярное войско, которое я поручил Магеру, еще не сформировалось. Магеру находится за пределами Олта по этому делу.

Уйти в горы сейчас мы не можем, мы не можем оставить на произвол судьбы бухарестский народ. Мы должны быть здесь, во что бы то ни стало, чтобы ни случилось.

Фалат-Эфенди говорил не раз, что Порта признала Конституцию, считает тебя агентом и подаёт нам самые большие надежды. Солиман Паша и Эмир Эфенди с другими прибыли в Рущук.

Им навстречу я послал Войнеску. Сегодня он нам написал что после того, как его не хотели принять в Рущуке, как официальное лицо, а только конфиденциально, все-таки его обнадёжили. Мы здесь готовим Сулиману-Паше триумфальный приём. Затем Войнеску нам сказал, что Эмир Эфенди войдёт со значительным количеством войск и требовал станок, чтобы напечатать румынские прокламации. Мы сказали Войнеску, чтобы он ему передал, что станка не нашли, торговцы побоялись явиться к нему; пусть Эфенди сам обратится к правительству, хотя и оно не имеет пресса.

В конце концов, он должен нам сказать, друг или враг он нам, хочет ли он признать за нами право издавать законы и автономию нашей страны; мы хотим знать взаимоотношения наших государств.

Не знаю, что выйдет из этого? Наша вся надежда на защиту трансильванских войск, но и эта надежда довольно слабая: у нашей страны нет ни оружия, ни армии, которая совсем деморализовалась.

Напиши, как там идут дела? Мы здесь будем бороться словом, пока это будет в наших силах.

Все-таки надежду мы терять не должны.

Привет и братские чувства
Н. БЭЛЧЕСКУ

Хиер 16 окт. 1851.

Дорогой Гика,

Получил от тебя два письма, посланные через Бадачану. Благодарю тебя за даты, которые ты мне послал и переданные новеллы. Мне очень жаль, что ты подозреваешь, что я охладел к тебе или перестал быть твоим другом. Даже тогда, когда мы были долгое время в различных, но не враждебных лагерях, не могло быть и речи о том, что мы перестали любить друг друга, пока мы уважаем один другого. Твоя вина, что ты стараешься защитить мёртвое дело. Что смогут турки сделать для нас? Даже, если бы они захотели, это невозможно, т. к. европейская реакция им свяжет руки.

Европейская революция или совсем не будет считаться с нами, или поставит нас в опасность, потому что не подлежит никакому сомнению, что в будущем революционное движение будет более серьёзным, охватит большие слои общества и не остановится у Дуная.

Если ты веришь в будущую революцию, тебе бы следовало употребить все твои способности, которыми тебя наградил бог, чтобы подготовить и повести к победе эту революцию.

Когда я боялся неизбежности такой революции, я считал, что лучше не оставлять ни подготовку, ни руководство ею в руках недостойных и потому я соединился, как ты говоришь, с новыми друзьями. Сейчас болезнь отстранила меня от работы, я считаю себя точно мёртвым, бездеятельным; и я думаю, что при таких обстоятельствах, ты поступаешь хуже, стоя в стороне, не принося никакой пользы и оставляя судьбу нации в руках, которые снова могут привести её к гибели. Подумай серьёзно об этом и ответь мне. Я поставил тебя в необходимость открыть мне твои мысли, и что ты надеешься получить от турок и только от дипломатии. Мнение моё, как и других,-не вступать сейчас же в битву с турками; но долг наш как следует, подготовить страну к участию в движении, которое нас ожидает, а не думать о мнении турок, не становиться перед ними на колени, теряя время, тщетно, как милостыню, выпрашивая у них свои права.

Я попросил бы тебя прислать мне историю Когальничану, которую тебе дали для меня. Только прошу, пришли её возможно скорее.

Я проведу всю зиму в Хиере, это красивый и живописный городок, в двух часах езды от Тулона. Если ты порядочный человек, каким ты себя считаешь, то ты поторопишься ко мне, и мы поговорим о многом, о чём в письме не могу тебе сказать.

Но, во всяком случае, верь мне, что я люблю тебя и ценю тебя больше, чем многих других,

Низко кланяюсь госпоже Гика.

Почему она не хочет мне больше писать?

Твой БЭЛЧЕСКУ.

Проэкт Конституции, включённый в Прокламацию из Ислаза

1. Административная и законодательная независимость, на основе договоров, заключенных Мирчей и Владом V-м, и невмешательство ни одной чужой державы во внутренние дела страны.
2. Равенство в политических правах.
3. Общее участие.
4. Всеобщее собрание из представителей всех слоёв общества.
5. Ответственный Господарь, избираемый на пять лет и контролируемый всем народом.
6. Сокращение цивильного листа (расходов Господаря) и отмена подкупов.
7. Ответственность министров и всех служащих за занимаемый ими пост.
8. Полная свобода печати.
9. Любая награда исходит от Родины, через её представителей, а не от Господаря.
10. Право любого уезда выбирать своих чиновников, согласно с правом всего народа избирать.
11. Национальная гвардия.
12. Признание гражданских прав за монастырями.

13. Приобретение всех прав крестьянами (оброчными), ставшими собственниками, в результате возмещения убытков.

14. Освобождение цыган от рабства путём компенсации.

15. Румын — представитель страны в Константинополе.

16. Равное и полное образование для всех румын, без различия пола.

17. Отмена рангов.

18. Отмена унизительных физических наказаний.

19. Отмена смертной казни, как на словах, так и на деле.

20. Тюрьмы, в которых осужденные должны искупить свои грехи и выйти перевоспитанными.

21. Равноправие для евреев и политические права для всех соотечественников другой веры.

22. Немедленный созыв Всеобщего Учредительного Собрания, в целях представить все интересы и ремесла страны и выработать Конституцию на основе 21 статьи, указанной румынским народом.

Выдержки из печати 1848 г.

Да здравствует свободная Румыния!

„Прункул Ромын" Бухарест ном. 1 суббота 12 июня 1848 г.

Братья-румыны всех классов! Вот заря свободы, вот счастливый день, который вы так долго ждали с таким пылом, день, когда вы оказались достойными ваших предков, достойными имени Румын!

Да, любимая Румыния, века стонавшая под игом рабства, ты порвала позорные цепи и показала всему миру, что в жилах твоих детей течёт румынская кровь.

Ликуйте, братья! Не пролито ни капли крови, а мы получили небесный дар, чистый и незапятнанный, как святой дар божий. Да здравствует Румыния! . . . Да здравствуют наши братья-офицеры, да здравствует вся армия, в один голос об'явившая о своём братстве со всеми румынами, о том, что ни один румын не выстрелит в румына, не пойдёт против своего брата и все готовы отдать последнюю каплю крови за их Родину!

Да здравствуют молодые герои, которые так благородно, так мудро сражались, доказав, что патриотизм для них не простой звук, что их сердца — сердца Румын!

Да здравствуют апостолы свободы, брошенные в тюрьмы, откуда вы их спасли! Да здравствуют, трижды здравствуют . . . все те, которые помогли получить победоносную свободу: их имена вечно будут жить в сердцах румын, ярко сиять в истории Родины.

Итак да здравствует Румынская Нация!

Весь город утопает в радости и весельи, колокола звонят, военная музыка играет национальный марш, по всем улицам знамёна; торжествуют все классы: бояре, священники, солдаты, купцы ремесленники; все толпятся; кричат, смеются, плачут от радости. Нет человека в Бухаресте, не принявшего участия в народном счастливом веселии; и всё произошло так спокойно, в полном понимании: без малейшего волнения, без отчуждения имущества. Собственность была священна: все доказали, что они румыны.

Вечная слава румынской Нации, завершившей революцию так благоразумно, в таком единении и братстве беспримерном в истории народов.

Теперь, братья Румыны, с той же мудростью, с тем же патриотизмом который вы выказали вчера, 11 июня, мы будем поступать и впредь.

Недостаточно только добыть свободу, надо показать себя достойными её, надо суметь сохранить этот небесный дар. В будущем, для сохранения спокойствия и порядка необходимо организовать национальную гвардию; за родину, каждый румын прольёт свою кровь до последней капли и нет такой человеческой силы, которая была бы в состоянии отнять у нас приобретённый небесный дар. Да здравствует Румыния! Да здравствует Свобода!!!

Нашим братьям в молдавии.

„Прункул Ромын" Бухарест нр. 1 суббота 12 июня 1848 г.

Братья Румыны из Молдавии! Час свободы наступил для всего румынского народа. Сегодня, 11 июня, был счастливый день; победителницей вошла свобода в нашу столицу! Только радость и братство царят среди всех граждан: улицы Бухареста полны ликованья, знамя свободы гордо, величественно реет над нами, звонят, гудят колокола и их медный звон извещает всй крепости-Бухаресту о возрождении румынского народа, который сегодня достоин своего имени: это настоящий город радости!

Без единой капли крови, мы получили небесный дар.

Весь народ поднялся, как один человек, все почувствовали себя братьями и сыновьями одной матери...

Братья по ту сторону Милкова, присоединяйтесь к нам, мы протягиваем вам руки и шлем пламенный привет братства и свободы. Мунтян и Молдованин! — Все румыны — все сыны одной Нации: об'единитесь с нами, сбросьте тирана, имя которого навеки останется пятном в истории страны. Воздвигнем знамя свободы и добудем святые права.

Протянем руки, как братья и поможем друг другу. В единении наша сила; вместе мы сможем противостоять любому врагу нашей свободы!

Вы, братья, начали святое дело, но, к несчастью, вы не смогли его завершить, и в этом не ваша вина. Слава вам, начавшим революцию, слава нам, завершившим её!

Примите братский поцелуй, Да здравствует Свобода!

Да здравствует Румыния!

„Альбина Ромыняска" (Румынская Пчела) Яссы ном. 75 от 19 сентября 1848 г.

Из Фокшан нам сообщают следующее:

После прибытия нового имперского комиссара в Джурджиу, турецкие войска, следуя приказу Его Высочества Омар-Паши, двинулись на Бухарест и 13-го сентября после жестокого боя заняли столицу. Бой происходил на улицах, несколько баррикад было разрушено артиллерией; казарма, где укрепилось румынское войско была взята штурмом турками.

С обеих сторон пало много убитых и раненых.

В момент отправки курьера волнения ещё продолжаются. Ожидается подробное описание этого события.

Стихотворение, распространявшееся цехом типографов в день манифестации на Филаретском поле, 15 июня 1848 г.

Какой величественный голос раздаётся?
Я вижу собирается народ,
Осчастливленный святой свободой.
Все обнимаются —
Все стали братьями.
Братья, колокол своим медным языком сзывает нас под знамя свободы.
Ей мы посвятим
Единение и братство —
Которое провозгласим единодушно.
Цензура гонит,
Но печать получает
Желанную свободу,
Что каждому — жизнь?!
Только со свободой мы живём
С ней вперёд, пойдем вперёд.
Отныне да будет свобода,
Отныне да будет братство!

Румынская Свобода.

К нынешнему правительству.

(11 июня 1848 г.)

„Прункул Ромын" Бухарест № 1 суббота 12 июня 1848 г.

ГИБЕЛЬ ПРОРОКА.

Я, исполненный пророчества,
Святого предчувствия,
Провозглашаю твою смерть,
Которой все будут рады.
Я буду воспевать
Твоё молниеносное падение,
Связанное со счастьем. . .

Проснись, о Муза, воспой Свободу,
Божественную Свободу, рождённую Равенством,
Братством, Единением, Любовью к Отечеству!

Довольно, довольно, о Муза, жертва литаргии,
Твои уста были зажаты деспотизмом;
И ты как лист дрожала, услышав глашатая бой.

Как? ты не слышишь, что пробила минута освобождения?
Минута счастья, минута равенства,
Которой никогда мы не ждали.

Не слышишь ли громкий голос, поднимающийся к небу?
Это – голос раскрепощения, голос жизни,
Это — голос Румынии, несущейся на крыльях ветра,

Муза, ведь это наши братья идут обнять
Родных по крови братьев, поднять в ввысь
Знамя свободы на этой прославленной земле.

Оно подымется, бесстрашно разнесёт звучанье
Струн твоей лиры и скажет тиранам,
Что пробил их смертельный час;

Что коронована по-новому Румыния,
Вступая, вновь в свои права, причислена
К державам европейским, освободившимся от гнёта.

Румыния отныне свободная, счастливая,
Отвоевав свои античные убранства,
Встаёт, над смертью торжествуя, из могилы.

Что нынче все румыны слиьны как Нация
И протянули руку величайшему народу (Франции)
Сегодня все они — одно стремление! чувство, мысль!

Ах, пой же, пой о муза, божественную Свободу,
Ведь так, ведь так она сладка, что все народы
С любовью обнимают её прекрасный образ.

Так, пой же, Муза, паденье деспотизма,
Которое ты предсказала ещё в дни рабства,
Невинная тогда, его ты бичевала жестоко.

Скажи же братьям всей Румынии,
Как сильны любовь, единство, братство!
Они в мгновенье избавляют от трона и тирана.

Прекрасная Свобода! Зачем лишён я силы гениев,
Довольно взгляда их, чтобы поглотить всех деспотов,
в цепях народ держащих,

Смогу ли я в великий этот день возвестить
О вечной памяти грядущих поколений
Твоим благодеяниям, бессмертным их плодам?

Ужели вздох и чистая слеза,
Которые твой голос вызвал из униженных сердец,
Не станут сладким ладаном на алтаре твоей любви?

Добра ты и кротка, как твой отец небесный,
Который сеет в мире дивные слова, —
Сегодня всех они возродят к жизни новой.

Прими же ты, чудесная Свобода,
В знак благодарности, святое поклоненье
Того народа, что страдал так много.

Ду будут вечно распростёрты твои хранительные крылья
И защитят они Румынию; удел которой быть
„Счастливейшей из всех счастливых стран".

Гражданин
К. А. АРИЧЕСКУ.

Ода Румынской Героине

АННА ИПАТЕСКУ

„Прункул Ромын“ Бухарест № 8 вторник 6 июля 1848 г.

Видали ль вы женщину в день предательства,
В день мщения, тогда как каждый клялся
Убить продавших Родину?
Я говорю, видали ль вы женщину с телом амазонки,
С рукою медною, с румынским сердцем,
Пылающим лицом, сверкающими глазами?

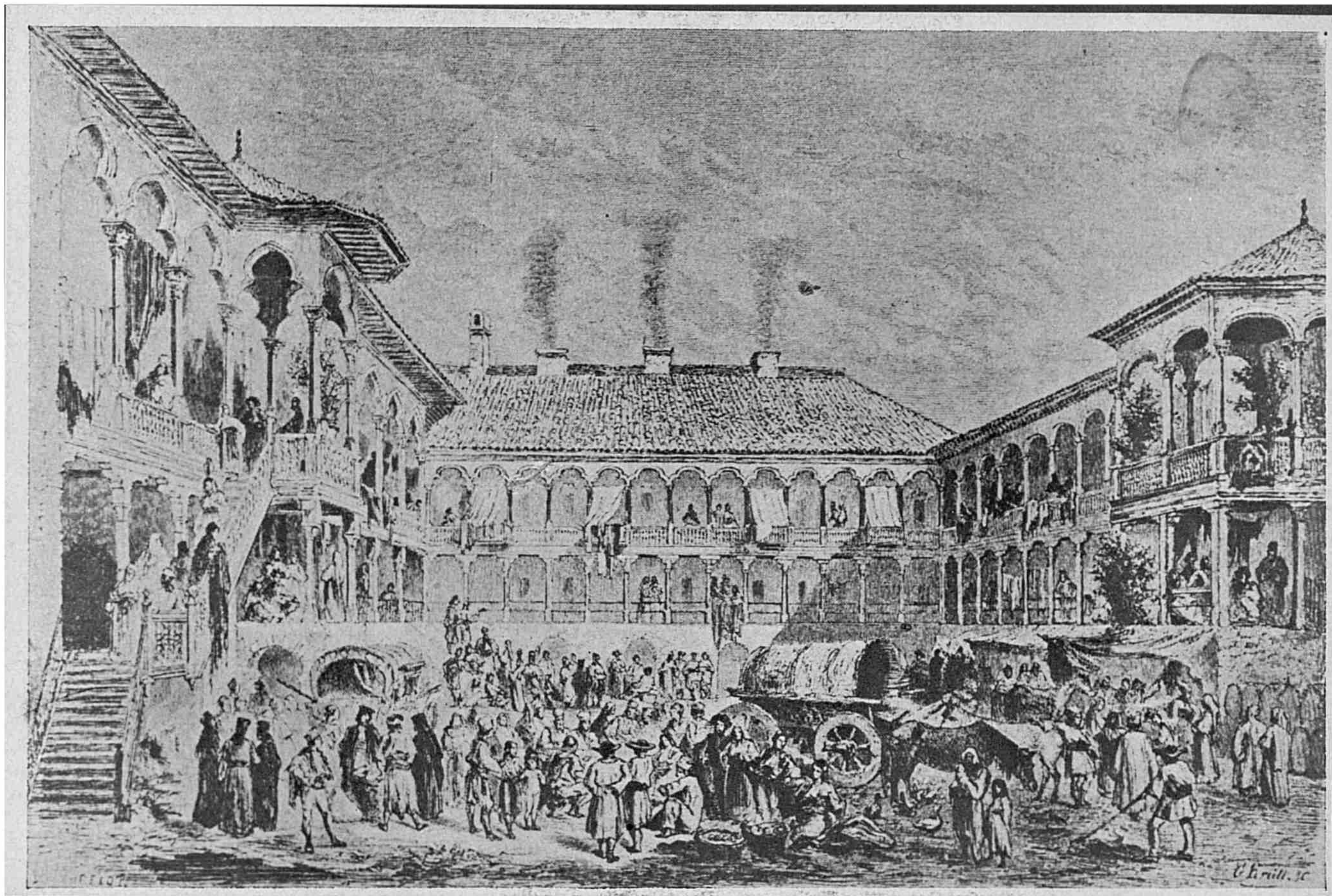
Она неслась в коляске, гремящая как залп,
По улицам кричала громко:
„К оружью, братья, к оружью: „нас предали!“
И подымались к небу с оружьем руки.
Они просили жизни для Румынии,
Минувшей славы, лет благополучья!

Она! Анна д'Арк Румынии,
Которая лишь словом, в эпоху гнёта
Дала пощёчину тирану и плюнула в его лицо,
Итак! Она румынка, отважнейшая героиня,
Дала пощёчину тирану и полная огня
Испуганный народ к оружию звала.

Вся в черном — символ грусти,
Как молния средь масс нетерпеливо проносилась,
Держа оружие в двух руках.
Архангелом казалась — отмщением вечным
Восставшему Содому, — идущим наказать
И сжечь огнём неправедных сынов.

На зов её сбегалась возбуждённая толпа —
Там были дети, старики, держа вооружение,
Шли за героем, за её рукой ведущей.
В коляске, окруженной руками Геркулесов,
Отвагой смелых, храбрейшая из всех
Приехала, вскочила, полетела — и вот уж во дворце.

Её несут апостолы Франции; вслед за ней,
Звучит бесконечная ненависть,
Уважение и удивление расчищают ей место;
Храбрость делает мужественными сомневающиеся сердца,
Робкие напрягают ослабевшие руки,
Одна женщина зажигает погаснувший было огонь.

И с торжеством потом ведут её к вождям Свободы.
Правительство приветствует её величественный образ,
Целуя руку, приглашает сесть.
Все присутствуюшие окружают её,
Поражённые силой духа — кровью жизни,
Что горела пламенем на прекрасном лице.

И только Элиаде не показался на глаза.
— „Увидеть Элиаде“ — восклицает она озабоченно.
— „Его жизнь дорога обманутому народу“.
И поэт явился, — она его обняла и повела,
Чтобы показать толпу взволнованную, испуганный народ.
Умерший дух вновь в каждом воскресает.

Толпа становится все больше, всё растёт,
И все кричат: „Да здравствуют, все любящие Родину!“
Да здравствует имя твое героиня Румынии!
Это был самый светлый день
И самый славный из всех грядущих лет,

К. АРИЧЕСКУ.

ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ О ПОКУШЕНИИ НА ГОСПОДАРЯ Г. Д. БИБЕСКУ.

Официальное сообщение о покушении на Господаря Георгия Бибеску. Покушение на лучшего из принцев, поступок ужасный и необдуманный в истории нашей страны. Подобного не было даже во время вековой тирании. Его Высочество, великий наш Господарь, возвращался с гулянья по шоссе Киселева в восемь с половиной часов вечера, в сопровождении великого (старшего) ворника Вилара; как только он достиг конца шоссе (дальше заставы), извозчик с тремя неизвестными поравнялся с коляской Его Высочества; у каждого из пассажиров был револьвер, направленный в грудь Его Высочества. Однако провидение смилостивилось над нашей родиной и сохранило жизнь Его Высочества.

Пуля попала в верхнюю часть левого плеча и застряла в эполете.

Мы не в состоянии достаточно выразить народное возмущение, которое вызвал этот поступок в сердцах всех жителей столицы, но каждый румын глубоко это чувствует в своём сердце.

Бухарест 1848 г. 10 июня.

АКТ ОБ ОТРЕЧЕНИИ РУМЫНСКОГО ГОСПОДАРЯ ГЕОРГИЯ ДИМИТРИЯ БИБЕСКУ.

Мы, Георгий Димитрий Бибеску, милостью божью, владетельный князь, Господарь всей страны Румынской Совету Министров

Чувствуя что силы мои не соответствуют требованиям, вызванными обстоятельствами, чтобы избежать возможных когда-либо угрызений совести, в том, что я удерживая власть, превышающую мои силы, подверг страну опасности, — я вверяю власть в ваши руки, и буду довольствоваться в своей частной жизни спокойным сознанием чистой совести.

Георгий Димитрий Бибеску.

Бухарест 13 июня 1848 г.

L'ANNÉE RÉVOLUTIONNAIRE 1848 DANS LES PRINCIPAUTÉS ROUMAINES

APOLOGIE

Les générations antérieures à l'instauration de la République Populaire Roumaine n'ont pas connu le véritable Balcesco; ou plutôt elles n'ont pas voulu le connaître, elles ont laissé dans l'ombre la partie la plus importante de l'activité politique et sociale et de l'œuvre écrite de cet homme exceptionnel.

C'est, en effet, à Nicolae Balcesco, qu'on attribua « Le cantique à la Roumanie » oeuvre poétique de grande envergure due à la plume d'Alecou Russo. On vanta ses monographies relatives à Michel le Brave et à la puissance de l'armée chez les Roumains. Voilà des mérites fort honorables qui pourtant ne surent montrer le véritable Balcesco. On lui octroya une auréole de patriote banni chez les nations occidentales et sa mort prématurée à Palerme, en Sicile, fournissait chez nous, souventes fois, le prétexte à des lamentations lyrique. Nicolas Balcesco a eu, cependant, des parents, des amis, des connaissances, des camarades révolutionnaires. Ce patriote pleuré par sa génération, louangé comme écrivain et rappelé, avec une fausse piété, dans les manuels didactiques, fut, en fait, mis à l'index par ses contemporains et tenu systématiquement à l'écrit, plus tard, par l'oligarchie qui gouvernait la soit-disant Roumanie moderne.

Balcesco, tel que nous le connaissons à présent, a été le précurseur des combattants démocratiques qui, de nos jours, édifient la Roumanie nouvelle. Balcesco a été l'âme de la révolution de 1848. C'est à lui qu'on est redevable de la proclamation d'Islaz, dans laquelle sont transcrits les principes qui furent réalisés seulement à notre époque, après le 6 mars 1945. Balcesco fut le républicain qui avait vu clairement, il y a un siècle, les cruelles injustices sociales et la misère morale dans laquelle vivait la nation roumaine dans les Principautés danubiennes sous l'administration féodale des boyards et de leurs intendants. Dans sa brochure sur les problèmes économiques de sa patrie, publiée à l'étranger, il condamne sans ménagements le régime de privilèges, d'illégalités et d'exploitation de l'homme dans les Principautés, en exposant les réalités avec lucidité et regardant la révolution non comme un accident, mais comme un résultat historique, comme une nécessité inéluctable. Balcesco est un penseur très profond. Bien qu'il ne se soit pas élevé jusqu'aux principes fondamentaux de la dialectique matérialiste, il a pourtant maintes

fois percé dialectiquement les vérités historiques. Le républicain et démocrate Balcesco préconise une histoire révolutionnaire qui n'ait pas à s'occuper des biographies des princes, mais des institutions du peuple.

Cet homme regardait au delà de son temps. Il n'envisage pas seulement la révolution du peuple roumain. Il étendit le phénomène des grandes transformations à tous les peuples opprimés du continent. Pour les esclaves de la vie l'injustice était la même partout. C'est pour cela qu'il s'était déclaré en faveur de l'union des Roumains avec les Hongrois, contre les oppresseurs habsbourgeois. Voyant en deçà de sa nation et luttant pour l'humanité dans la tempête de l'année 1848, Balcesco fut le seul qui, durant le bref laps de temps de son passage météorique parmi les Roumains, choisit la voie juste et s'y maintint.

J'avoue qu'après avoir rétabli en moi-même Nicolae Balcesco dans les droits qui lui reviennent, comme militant révolutionnaire et comme écrivain progressiste, je me sens quelque peu gêné l'égard de la mémoire de Mihail Kogălniceano. Nous autres publicistes de Iassy considérions celui-ci comme notre plus grand chef démocrate. Mais à présent, devant Balcesco, je suis enclin à trouver chez Kogălniceano trop de rhétorique dans la question paysanne, trop d'adhérences avec le monde d'oisifs dans lequel il vivait. Dans son lyrisme on trouve des regrets romantiques, des compromis avec les philantropes profiteurs, tandis que Balcesco repousse, avec indignation et d'un seul coup, les boyards, dans lesquels il voit l'obstacle au développement normal de notre pays, la cause de la pauvreté et de l'ignorance du bas peuple. Car l'esprit froid et scientifique de Balcesco voit le système et non les personnes. L'ancien régime pouvait énumerer des personalités généreuses : la misère du peuple restait la même. Un bon travail durable ne peut se faire qu'en renversant complètement ce passé d'arbitraire et de contrainte, et en donnant tous les droits au peuple, en apportant à toute la nation la lumière et le bien-être.

La notion de liberté de la démocratie romantique doit être revisée et adaptée aux réalités précises et necessaires. Notre nouvel Etat est donc en droit de tirer toutes les conclusions de la révolution populaire.

On affirme qu'il ne serait pas juste de faire subir la rude justice du peuple à ceux qui sans le vouloir (mais avec enthousiasme) ont hérité des états de choses injustes.

Qu'on demande à ces derniers profiteurs quelle compensation ils peuvent donner au peuple — non pour la couronne de fer rougie au feu de Doja, non pour le passage à la roue de Horia, non pour les écorchés vifs et les écartelés par des chevaux, non pour les étouffés dans le fumée des bûchers et ceux qui furent foudroyés par l'artillerie — mais pour le séjour dans le cachot séculaire de l'ignorance et pour la pénurie dans laquelle se debattent encore ceux qui peinent depuis des siècles sur un sol qui est le leur par le droit du travail. Le peuple acquiert enfin tous ses droits et n'a à consentir à aucune sorte de transaction.

Comme Balcesco se place isolé et bien au-dessus de se contemporains!

Les « rebelles » de Iassy — l'opposition sous le régime de Mihail Sturdza — qui convoitaient sincèrement des changements en leur faveur et avaient avant tout pour but de diminuer les privilèges de la noblesse, ont constitué la future oligarchie nouvelle de la Moldavie, ceux qui, au bout de peu de temps devinrent aussi les « mirliflores » de Bucarest. Le droits de la classe travailleuse et la mise en possession sont restés des paroles vaines dans la Constitution d'Islaz, et à Iassy les valets albanais du Prince Régnant ont brisé le conseil pseudo-révolutionnaire sans lui laisser le temps d'élaborer l'organisation rêvée. Seize ans après dut intervenir le coup d'Etat de Couza pour obtenir l'affranchissement des paysans. Mais la coalition sinistre de l'aristocratie et de la bourgeoisie libérale réintroduisit le « féodal » par la nouvelle loi des organisations agricoles. En refusant aux petits propriétaires ruraux les facilités de se procurer un inventaire, elle amena les gens de la campagne au dépérissement per la sous-alimentation, la pellagre, la tuberculose et le paupe-risme. Le régime féodal de la noblesse, que Nicolae Balcesco considérait comme fatal au pays, a continué d'être la terreur et le malheur pour notre peuple, en ratardant l'émancipation. La chute de ce régime était inscrite dans sa conception économique et politique et son renversement fut prévu par l'esseulé et l'inflexible Balcesco.

Le pâle penseur de 33 ans qui trouva sa dernière demeure dans la fosse symbolique de Palerme, se dresse aujourd'hui en apothéose dominant son siècle.

MIHAIL SADOVEANU

LES CORPORATIONS EN 1848

Le 15 juin 1848, un véritable fourmilière humaine sortie de tous les coins de Bucarest, se rua vers le Champ de Filaret. C'est là qu'allaient être sacrées les bannières qui proclamaient « l'egalité, le brisement des chaînes, la délivrance de l'esclavage et de la tyrannie », comme s'exprima un des orateurs. Les masses populaires s'y rendirent également pour prêter le serment de respecter et de défendre la nouvelle constitution de l'époque — « Constitution de la justice et de la fraternité », — pour mettre fin à un passé d'oppression séculaire.

« Plus de 30.000 citoyens se trouvèrent là : prêtres, artisans, bourgeois, décidés à mourir plutôt que de renoncer à leurs droits » écrivait un journal de ce temps-là.

Le mirage de la révolution avait donné des espoirs en un avenir meilleur aux ouvriers, dont l'existence était aussi misérable que celle des serfs et des journaliers s'épuisant sur les terres des boyards devenus également marchands.

Un témoignage de l'époque rapporte que le 15 juin 1848 toutes les corporations étaient présentes au Champ de Filaret. À leur tête se trouvait celle des typographes. Elle était précédée d'un imposant char attelé de quatre chevaux, parés de rubans tricolores. Une presse flanquée de deux maîtres typographes brandissant l'étendard de la liberté y fut posée. Tout autour du char, les ouvriers typographes, tout en marchant, composaient le texte d'une poésie de circonstance, par laquelle on proclama la liberté de l'imprimerie, qu'ils distribuaient au fur et à mesure par milliers d'exemplaires dans les rues de Bucarest et à la foule massée sur le Champ de Filaret.

Dans ses souvenirs, un contemporain, le colonel Grigore Locusteanu, raconte que « les tanneurs et les bouchers jouèrent le principal rôle dans la Révolution de 1848 ». Le fait est confirmé par une poésie occasionnelle parue dans le journal « Le peuple souverain » du 16 juin 1848 et intitulée : « À nos frères les tanneurs ». L'auteur anonyme y exprime sa reconnaissance à leur endroit, les qualifiant de « fils du noble peuple » et avouant que « sa plume s'honore » en chantant ceux qui « luttent pour la patrie bien aimée et la liberté sacrée ». Ce furent les tanneurs des faubourgs avec d'autres ouvriers des manufactures et des ateliers de l'époque : drapiers, boulangers, tailleurs, etc. Ils avaient acquis une expérience insurrectionnelle huit ans auparavant lorsque avec les « marteleurs » (bagnards des salines) et les « marginasi » (catégorie de serfs), ils avaient participé à un complot découvert par les autorités avant même qu'il ait éclaté.

La participation des tanneurs à la révolution est également mentionné dans une satire réactionnaire parue peu après et qui ridiculise « les va-nu-pieds et les gueux ralliés aux tanneurs et aux faubouriens assemblés au Champ de Filaret appelé depuis Champ de la Liberté ». Il s'agit par conséquent de l'élément prolétaire de l'époque.

Après le 15 juin 1848 les corporations d'ouvriers ont continué à être présentes à toutes les manifestations et à toutes les dures épreuves du mouvement, constituant un élément important dans les convulsions révolutionnaires de 1848. Ils ont payé même de leur sang lors du massacre provoqué par la réaction le 19 juin 1848, pour essayer de renverser le gouvernement insurrectionnel. Parmi les 7 morts, on cite un certain Dumitrake - « le tailleur » - et parmi les blessés on signale aussi un tisserand.

C'était le commencement des sacrifices de la classe ouvrière, des rangs de laquelle allaient tomber bien des victimes avant que ne triomphassent les aspirations aboutissant à la suppression de toute exploitation.

GH. I. GEORGESCO-BUZĂU

LA PAYSANNERIE EN 1848

Encore que le mouvement révolutionnaire de 1848, les idées et son programme ne fussent pas partis, comme en 1907, de la campagne, les paysans ont participé en très grand nombre à ses convulsions.

Esclaves des boyards, les paysans vivaient dans le dénuement et les ténèbres. La terre n'était pas aux laboureurs. Le nombre des journées de travail obligatoire chez le propriétaire avait été augmenté. En Transylvanie — par exemple — les paysans devaient fournir 52 journées par an avec bétail ou 104 avec les bras. De plus, ils étaient tenus à la dîme et à de nombreux présents. C'est ce qui explique leur participation à la révolution, surtout en Valachie et en Transylvanie.

En Moldavie, aucun des 35 points de la fameuse « Requête au Prince Régnant » ne parlait de l'abolition du servage ou d'une réforme agraire. Le mouvement insurrectionnel y a ignoré la classe paysanne encore que celle-ci eût brûlé d'impatience de lutter pour obtenir des terres. La conséquence en a été l'échec de la révolution à peine née.

En Valachie, la participation des paysans à la révolution bourgeoise-démocratique a été tout autre. Les dirigeants de cette révolution ont su y soulever contre les grands propriétaires de larges masses de serfs. Car le projet de Constitution qui accompagnait l'historique Proclamation d'Islaz et qui prévoyait « l'émancipation des serfs qui allaient devenir propriétaires à titre de juste réparation », a été lu devant un grand rassemblement de paysans. D'autre part, le Gouvernement Provisoire entreprit une importante action pour éclairer les populations des campagnes. Les Commissaires de propagande du gouvernement parcouraient les villages, rassemblaient les gens et leur lisaient le projet de Constitution, leur expliquant le sens de chaque article, les interrogeant sur l'état d'esprit et les besoins locaux, répondant aux questions des paysans et leur demandant de jurer fidélité au gouvernement.

Mais en dépit de la clairvoyance de Bălcesco, la révolution est allée droit à l'échec. Abandonnés par ceux en qui ils avaient mis tous leurs espoirs, les paysans ont pris eux-mêmes les armes. La chute du gouvernement provisoire a été suivie d'une longue période d'émeutes paysannes que les historiens ne se sont pas encore donné la peine d'étudier.

En Transylvanie, la Révolution de 1848 a été l'épilogue de tout une série d'insurrections partielles, telles celle de Zarand (1833) et celle des Motzi (1841—1847).

Dès le printemps de 1848, les paysans avaient occupé les propriétés des magnats hongrois, se partageant leurs terres. Les dirigeants de la révolution de Hongrie avaient proclamé comme but de leur lutte non seulement une patrie magyare libre mais aussi l'affranchissement des serfs et l'abolition du travail obligatoire chez les grands propriétaires.

Voilà pourquoi dans la journée historique du 3 15 mai 1848, au Champ de la Liberté des environs de Blaj, 40.000 paysans, venus de tous les comtés de Transylvanie, attendaient le signal de la lutte contre les magnats, pour la terre et pour la liberté. Par la voix de Laurian, ils exigèrent « l'abolition du servage et des dîmes sans contre-partie à payer par les serfs ». Mais — ainsi qu'on le sait à présent — la voix de Bălcesco et de Petöfi n'a pas été écoutée. Et les serfs n'ont pu conquérir leurs droits.

Bien qu'inachevée, la révolution de 1848 n'a pas moins ouvert la voie à l'abolition du servage. Un siècle plus tard, la réforme agraire de 1945 apportait aux paysans la terre et la liberté. Et en 1948, les députés laboureurs envoyés par le peuple à la Grande Assemblée Nationale de la République Populaire Roumaine, votaient la Constitution qui garantit aux paysans que « la terre appartient à ceux qui la travaillent » et « l'Etat protège la propriété paysanne de travail » (art. 9).

Cela a été possible du fait que, dans les nouvelles conditions historiques de notre époque, les laboureurs ont trouvé un sincère et puissant allié : l'ouvrier. Sous l'hégémonie de cette nouvelle force sociale, les objectifs de la lutte des paysans de 1848 ont été non seulement atteints mais dépassés.

MIRON BELEA, fils

LES BOYARDS EN 1848

La pénétration du capitalisme commercial dans les Principautés Roumaines, surtout après le Traité d'Andrinople, a amené un relâchement dans les rapports féodaux de production. Une partie des boyards, entrée dans le circuit des rapports capitalistes, se montre disposée à se voir déposseder de quelques-uns de ses privilèges. Mais la plus grande partie d'entre eux prend une position nettement hostile au mouvement révolutionnaire.

En Moldavie, où le Prince Régnant Mihail Sturdza eut tôt fait d'enrayer l'insurrection, les boyards désireux de conserver tous leurs privilèges de caste, n'ont pas eu à agir pour défendre leurs intérêts. Par contre, en Valachie, où le gouvernement révolutionnaire provisoire avait réussi à se maintenir quelques mois au pouvoir, les boyards rétrogrades ont essayé, peu après l'instauration du régime révolutionnaire, un coup de force. Le 19 juin 1848, ils se sont réunis dans la salle « Redoute » — sur l'emplacement de laquelle se trouve aujourd'hui le restaurant Capsa — pour protester contre les intentions du Gouvernement Provisoire de distribuer des terres aux paysans. Avec le concours d'une partie de l'armée, le colonel Odobesco, leur représentant, réussit à arrêter — le jour même — une partie des membres du gouvernement. Si ce coup de force n'aboutît pas, c'est grâce au peuple qui ayant eu vent de cette manœuvre, se souleva et rendit la liberté aux ministres faits prisonniers.

A la Commission de la propriété, les boyards — qui se plaisaient à se faire appeler propriétaires — luttèrent âprement contre les représentants des paysans serfs pour diminuer autant que possible la quote-part des terres à distribuer. Et, parce que les députés paysans ne voulaient pas céder, les boyards réussirent à provoquer la dissolution de la Commission avant qu'aucune décision pût y être prise.

Tant que dura le régime révolutionnaire, les boyards ne cessèrent d'appeler à leur secours les forces réactionnaires de l'étranger, réclamant à cor et à cris une intervention armée contre les révolutionnaires en qui ils ne voyaient que de « sanguinaires énergumènes », encore que nul boyard n'eût été tué.

Le Métropolite Neofit, qu'on avait mis à la tête du Gouvernement Provisoire, trahit en maintes occasions ce gouvernement et le peuple dont il était pourtant le gardien spirituel.

Dans son ensemble, la classe des boyards s'est avérée en 1848 hostile aux réformes sociales et aux justes revendications du peuple. Dès qu'il s'agissait de toucher à ses privilèges, cette classe oubliait tout patriotisme. Par son attitude négative, elle allait se condamner elle-même aux yeux de l'Histoire.

V. MACIU

LE MOUVEMENT RÉVOLUTIONNAIRE EN MOLDAVIE

A vrai dire, on ne saurait parler d'une révolution en 1848 en Moldavie, mais plutôt d'une tentative malheureusement ratée, faisant écho aux grands mouvements révolutionnaires qui avaient gagné presque tous les peuples d'Europe.

En Moldavie, les révolutionnaires : grands boyards mécontents de l'autocratisme de Mihail Sturdza, jeunes boyards progressistes, intellectuels avancés tels Alexandre Ioan Couza, V. Alecsandri et bien d'autres, n'ont pas su lier leur mouvement aux intérêts des classes indigentes des villes et à ceux des paysans que de grandes difficultés tourmentaient et auxquels était parvenu l'écho du soulèvement insurrectionnel de 1847 des paysans de la Galicie voisine.

Les « révolutionnaires » se sont contentés de se réunir dans la plus spacieuse salle publique de Iași, le 27 mars (8 avril) et d'y prononcer force discours contre le régime autocratique de Mihail Sturdza, rédigeant finalement une motion où était formulée une série de revendications, les unes d'ordre personnel, d'autres dépourvues de tout sérieux, dont aucune n'avait trait aux besoins des paysans. La classe paysanne s'est tenue à l'écart. Les citadins, encore que conviés et même présents à la réunion du 27 mars, n'étaient organisés en aucune façon, et ils ne se sont pas senti autrement visés par les revendications des révolutionnaires.

Cette motion n'est même pas parvenue au Prince Régnant, car, décelant la faiblesse du mouvement, fit aussitôt prendre de sévères mesures de répression; la plupart des insurgés furent arrêtés et les autres obligés de chercher refuge hors des frontières.

Quelques mois après, seulement, une série de brochures et de mémoires ont commencé à circuler, imprimés pour la plupart à l'étranger. L'une de ces publications, due à Mihail Kogălniceanu et ayant pour titre « Les doléances du Parti National en Moldavie », posait parmi d'autres conditions : élection du Prince Régnant, choisi au sein de n'importe quelle classe, émancipation des juifs, égalité civique et politique et autres doléances assez avancées. Dans une autre publication : « Ce que sont les artisans », l'auteur s'élève contre les grands boyards, etc.

Tels étaient les enseignements de la tentative ratée du mouvement insurrectionnel de 1848 en Moldavie.

P. I. CONSTANTINESCO-IAȘI

LA VALACHIE EN 1848

Le mouvement révolutionnaire qui s'est répandu en Valachie en 1848 fut la conséquence de la désagrégation du système féodal et du développement encore relatif mais néanmoins puissant du système capitaliste.

De nouvelles forces sociales et des idées nouvelles inspirèrent et menèrent de plus en plus ouvertement la lutte contre les privilèges féodaux. À ce développement propre à la Valachie ont contribué aussi les idées de la grande révolution bourgeoise de France.

Les événements de 1848 en Valachie n'eurent donc pas un caractère spontané. Ils furent préparés par les conjurations qui les ont précédés, par les organisations révolutionnaires secrètes qui avaient établi d'avance le programme de base suivant lequel devaient se dérouler ces événements.

On trouve ce programme fondamental dans la Proclamation d'Islaz qui, entre autres stipula : l'affranchissement des paysans, la distribution de terres aux paysans, la conquête de l'indépendance du pays, une assemblée constituante élue par toutes les classes de la société, l'égalité de tous les citoyens sans discrimination de nationalité et de confession, etc.

C'est pour la réalisation de ce programme que la révolution fut déclenchée le 9 juin à Islaz. Les commerçants et ouvriers de Bucarest se sont soulevés le 11 juin. Le 15 juin, des milliers de paysans accouraient à Bucarest pour les aider.

Des difficultés d'ordre intérieur autant qu'extérieur ont empêché la réalisation des principes formulés dans le programme de la révolution.

À la suite des manœuvres des boyards réactionnaires et des concessions acceptées par le groupe des modérés, dirigé par Eliade, on n'a pas accordé d'emblée le suffrage universel au peuple et aucun des problèmes fondamentaux dont dépendait la victoire de la révolution ne fut résolu. En dépit des efforts du groupe radical conduit par Balcesco qui exigeait la réalisation de ces desiderata, on n'a ni affranchi les paysans, ni distribué des terres.

Le groupe d'Eliade ne s'est pas soucié non plus du point essentiel de la Proclamation qui luttait pour la souveraineté nationale. N. Balcesco, C. A. Rosetti, Magheru et d'autres avaient vainement demandé que le peuple fût armé pour repousser les armées ottomanes qui avaient envahi le pays.

Les revendications principales des masses n'étant pas satisfaites, les paysans perdent toute confiance dans le gouvernement révolutionnaire qu'ils cessent de soutenir. A défaut de l'appui indispensable des masses la révolution va droit à l'échec.

La révolution de 1848 est restée inachevée en Valachie.

C'est à la classe ouvrière et à son parti d'avant-garde qu'est revenue cette mission historique brillamment remplie et par laquelle la marche en avant de la République Populaire Roumaine est assurée.

G. MARCOUSON

LA RÉVOLUTION EN TRANSYLVANIE

En apprenant la nouvelle de la proclamation à Budapest des 12 points qui garantissaient l'abolition du servage, la liberté de penser et d'écrire, l'égalité des droits et des obligations de tous les citoyens sans distinction de nationalité ou de confession, Baritiu qui avait eu pendant dix ans à souffrir de la terreur et des chicanes de la censure, s'est écrié :

« Les sanglots m'étouffent, car ma vie publique de journaliste, traversée par tant de rafales, frappée de tant d'injustes persécutions, n'a pas connu de plus grande joie ! »

Mais les forces de la réaction commencent à se ressaisir. Les grands propriétaires, désemparés au début par les événements de Mars, retrouvent bien vite tout leur aplomb. Ils sabotent les lois agraires et, sous différents prétextes, ils remettent sans cesse à plus tard l'abolition du servage. Aux serfs qui commencent à réclamer leurs droits, ils appliquent la vieille méthode : la terreur. Dans la plus grande partie de la Transylvanie, on déclare l'état de siège et des gibets sont dressés à l'entrée des villages. Les serfs sont en effervescence.

Les agents de la Cour impériale répandent le bruit que l'empereur aurait décidé d'affranchir tous les serfs de l'empire, mais que les nobles hongrois ne voudraient pas obéir à l'ordre du « bon empereur ». Les machinations des Saxons et des agents impériaux vont leur train.

En septembre 1848, le conflit entre la cour impériale et le gouvernement hongrois est ouvertement déclaré. Une partie des Roumains de Transylvanie s'engagent sous le drapeau impérial, ce qui — espèrent les intellectuels transylvains — les aidera à conquerir une autonomie nationale que le gouvernement se refusait a à leur accorder.

Les intellectuels roumains du Banat et du Bihor se sont rendu compte d'emblée qu'on ne saurait lutter pour la liberté sous le drapeau du despotisme. Dans ces régions d'ailleurs, la situation n'était pas aussi désespérée que dans le reste de la Transylvanie, où les serfs étant dans leur grande majorité roumains et les oppresseurs hongrois, la lutte avait pris un caractère national.

Aux premiers rangs des chefs roumains et hongrois se trouve le révolutionnaire roumain Eftimie Murgu, ancien professeur de Nicolae Balcesco, que la jeunesse roumaine avait tiré de prison aux premiers jours de l'insurrection.

L'armée du général Bem, chef militaire, qui en décembre 1848 avait occupé la ville de Cluj, comptait 3.000 Roumains sur les 13.000 combattants dont elle se composait.

Balcesco a fait l'impossible pour essayer de mettre d'accord le Comité roumain de Transylvanie avec le gouvernement révolutionnaire hongrois. Lorsque le général Bem eut réussi à chasser les troupes impériales de la région des Monts Apuseni — qui représente à peu près le dixième du territoire de Transylvanie — et que cette

région fut restée sous le commandement d'Avram Iancou, des pourparlers s'ouvrirent entre le gouvernement hongrois et le tribun roumain. D'autre part, Balcesco songeait avec le général Bem, à transformer cette lutte du peuple hongrois pour son indépendance en une lutte de libération de tous les peuples de l'Est de l'Europe, englobant dans cette lutte les Polonais et établissant ainsi une fraternelle collaboration slavo-roumano-magyare.

Pendant longtemps, l'historiographie roumaine de Transylvanie a voulu, pour des raisons d'opportunité politique, taire l'existence de ces pourparlers entre Avram Iancou et Kossuth. La politique du parti national roumain est en effet, restée jusqu'à la fin de la guerrre mondiale, fidèle à son inébranlable foi dans la dynastie des Habsbourg. Mais nous savons aujourd'hui qu'au plus fort de la lutte, Avram Iancou s'était déjà rendu compte que ce n'est pas par les armes que les Hongrois et les Roumains devaient trancher leurs problèmes communs et qu'en Transylvanie le Magyar ne peut plus faire entendre sa voix sans le Roumain et le Roumain sans le Hongrois.

Les événements se prècipitèrent. Les pourparlers entre le gouvernement hongrois et Avram Iancou, et la loi sur les nationalités, votée trop tard par l'Assemblée Hongroise, quelques jours à peine avant la capitulation, ne pouvaient plus rien changer à leur cours.

Aujourd'hui, où grâce au régime de démocratie populaire dans lequel nous vivons, toute idée de suprématie et d'hégémonie a été à jamais écartée, nous pouvons célébrer en commun, Hongrois et Roumains, le souvenir des héros tels que Balcesco, Petöfi, Táncsics et Murgu, précurseurs de la lutte pour la liberté, l'indépendance, la fraternité et l'égalité des droits des peuples.

VICTOR CHERESTEȘIU

LES ÉCRIVAINS EN 1848

Encore qu'il nous apparaisse aujourd'hui vieux jeu et « stationnaire », à cause de son attitude en 1848, Ion Eliade Radulesco est l'un ceux qui ont préparé la Révolution de 1848. A cette époque, il était hostile aux radicaux pour des raisons d'ordre personnel. Petit boyard de fraîche date, il entendait jouir à son aise de ses privilèges récemment conquis. D'autre part, il cultivait la théorie du génie, se considérant lui-même un Messie envoyé par la Providence pour sauver les Roumains. Sa femme n'omettait jamais de dire à tout propos : « mon mari qui a fait la révolution . . . ». Ce qui faisait frémir d'indignation Balcesco et ses amis, persuadés pour leur part que la révolution avait été faite par le peuple.

Il serait néanmoins injuste de déconsidérer complètement Eliade du point de vue progressiste. Certes, son « Equilibre entre les antithèses » a plutôt un aspect de dialectique hégelienne, ses truismes sont pythagorisants et, de plus, notre révolutionnaire, obsédé par la Cabale, croit à la numéralité du nombre triangulaire trois. Loin d'être progressiste, il est réactionnaire ou, plus exactement, stationnaire. Mais, hégelien ou pas, il est quand même le premier à avoir eu chez nous une vague idée des contradictions de la nature. Esprit contradictoire lui-même, il tentait plus tard une exploitation agricole collective.

Sans avoir pris ouvertement part à la révolution et y avoir joué quelque rôle bien défini, le moine Eufrosin Poteca est un autre intellectuel qu'il faut considérer comme un révolutionnaire.

A plusieurs reprises, Poteca propose au Prince Régnant et aux boyards « la loi de la justice » : abolition de l'esclavage et de la traite humaine, introduction de la proportionnalité dans les charges fiscales qui doivent grever aussi les boyards et pas seulement le peuple.

Encore que dépourvu, à cause de sa trop grande jeunesse, d'une philosophie profonde, Ion Catina est une figure bien sympathique. Fils d'un marchand de café grec, habitant un garni au coin du Podul Mogoșoaei et de la Strada Dorobanți, il s'était composé une physionomie damnée, byronienne, ainsi que nous l'apprend le quatrain de C. D. Aricesco :

Catina, exception à la loi générale
Portait dès le berceau la maladie fatale
Davantage aggravée par les vers de Byron
Qui croyait que le monde est l'oeuvre d'un démon.

Catina collaborait au « Pruncul Român », que faisaient paraître C. A. Rossetti et Vinterhalder, publiant en première page du premier numéro, un manifeste incendiaire. C'est lui l'auteur de la « Marche Révolutionnaire » :

Frères, allons nous rassembler
Notre Patrie est en danger
Ces murailles et ces palais
Recèlent mille lourds pêchés
    Venez à bas les jeter!

Oyez la rue en alarme
Hardi, brandissez vos armes
La soldatesque chargera
A nos trousses dégaînera
    Frappez qui veut nous frapper!

L'ardent révolutionnaire fut nommé commissaire de police à Ploești, poste d'où il devait être bientôt balayé.

En fait de journalistes révolutionnaires, il ne faut pas oublier C. D. Aricesco, de Câmpulung. C. D. Aricesco avait publié dans « Pruncul Român » une poésie intitulée « La Marche de la Liberté » et avait crié « Vive la Constitution, vive la Roumanie, vive la Liberté ! ». Lorsque les membres du Gouvernement provisoire qui avaient dû s'enfuir de Bucarest, revinrent, Aricesco accompagné de quelques partisans vint à leur rencontre entre Câmpulung et le petit monastère de Nămăești. Et Rossetti de s'exclamer bibliquement : « C'est ainsi que les premiers chrétiens accueillaient leurs apôtres ». Pour le combat qu'il avait mené dans la presse, Aricesco devait subir plus d'une condamnation. Dans sa conception, le journaliste et le poète doivent se mettre au service du peuple (carbonari) : « Lourde mais noble et belle tâche. Éclairer le peuple sur ses intérêts, débattre les problèmes vitaux avant qu'ils soient résolus par le corps législatif, dénoncer les abus des fonctionnaires prévaricateurs et les manœuvres des ennemis de la liberté et de la nation : voici la mission du journaliste ». C'est encore lui qui écrivait :

Les poètes jadis les césars célébraient ;
Ils luttent aujourd'hui pour le peuple opprimé.
Les poètes naguère étaient vils courtisans,
Et les voici tribuns, renversant les tyrans.

Mihail Kogălniceanu a été, sans conteste, le plus éminent des progressistes de l'époque, bien qu'en 1848 son rôle n'eût eu rien de saillant. Ses grandes idées progressistes ne se réalisent que plus tard. En Moldavie le mouvement révolutionaire a été, en effet, rapidement réprimé par Mihail Sturdza. Les détracteurs de Kogălniceanu ont essayé souvent de le railler pour son apparente placidité, l'appelant « le pacifique Catilina ». Parce que son père était haut dignitaire à la cour et classé par l'opinion parmi « les valets de la famille Sturdza », parce que lui-même avait fait ses études à l'étranger avec les enfants du Prince, on le suspec-

tait. La vérité est que Kogălniceanu était un réel progressiste et qu'il employait des méthodes politiques. En 1848 même, il n'est pas resté totalement passif. Obligé de chercher refuge hors des frontières, il rédige en Bucovine des manifestes et des brochures. Dans l'une d'elles il formule les objectifs du Parti National de Moldavie : égalité des droits politiques pour tous les citoyens chrétiens, émancipation progressive des juifs, abolition des titres et des privilèges. Le manifeste était évidemment progressiste.

De tempérament plus indolent et espiègle, Vasile Alecsandri n'a pas non plus été étranger à la révolution de 1848. Il évite de justesse la prison en se réfugiant dans les montagnes, d'où il gagne Brașov, puis la Bucovine où il est vu « toujours gai », arborant des costumes tantôt blancs, tantôt amaranthe et un panama. C'était, certes, un révolutionnaire de joyeuse humeur, mais révolutionnaire quand même. En qualité de membre du comité révolutionnaire, il avait rédigé la « Protestation au nom de la Moldavie, de l'humanité et de Dieu », manifeste où il dénonçait les abus du Prince Stourdza — « dominé par l'insatiable passion de l'argent » — et réclamait l'immédiate mise en liberté de tous les détenus politiques, l'inamovibilité des fonctionnaires, l'augmentation des salaires, etc.

Le vrai héros de la révolution de 1848 c'est Nicolae Bălcesco. Il mériterait à lui seul toute une étude. Disons en bref, qu'encore croyant à la Providence, il était perméable à « la science nouvelle », basée sur l'observation, l'expérience et le calcul. Du point de vue social, Bălcesco est progressiste, considérant que l'avènement du « plébéianisme » au pouvoir est une loi générale du développement des peuples. Il constate, dans « un coup d'œil historique » que chez les Roumains, le pouvoir appartenait d'abord au prince — il était donc absolu ; il est passé ensuite aux boyards — donc féodal ; puis aux fanariotes et aux citadins — donc bourgeois. Bălcesco affirme que la forme d'État est en train de devenir démocratique en Valachie, à condition d'éviter une modération dans la révolution qui ne ferait que rétablir le pouvoir des négociants et des citadins.

Bălcesco n'a pas en vue l'abolition des biens personnels ; il veut élever le paysan au rang de propriétaire. Bălcesco veut « que les Roumains soient tous libres, égaux, propriétaires de la terre et des capitaux et frères dans la réalisation d'un progrès commun ».

Il va sans dire que notre révolutionnaire pensait à la petite propriété paysanne, à la propriété de travail telle que l'entend notre Constitution actuelle.

G. CALINESCO

LA PRESSE ROUMAINE ET LES ÉVÉNEMENTS DE 1848

Ecrire sur la presse de l'année 1848 dans les Principautés signifie faire une longue étude minutieuse des publications qui précédèrent l'année de la révolution ou lui succédèrent.

Nous rappellerons seulement quelques-unes de celles qui reflètent l'état d'esprit et la haine contre la tyrannie et les oppresseurs, ainsi que celles qui, après la révolution, ont analysé les méthodes employées et le résultat obtenu, tout en essayant de regrouper les forces et de propager l'idéologie de la révolution de 1848.

Parmi les publications antérieures à la révolution, est digne d'être relevée la « Dacie Littéraire » de Mihail Kogalniceano qui proclame « la critique des œuvres et non des personnes », ce qui, en fait constitue une attitude de principe à l'égard de certains courants nocifs aux idées de liberté.

Cette attitude de Kogalniceano, exprimée dans sa revue n'a pu échapper à l'attention de la domination réactionnaire du Prince Régnant Mihail Sturdza, — et aprés la parution de trois numéros, la revue est supprimée. Kogalniceano poursuit néanmoins son activité dans une revue historique « Les Archives Roumaines ». Il y écrit sur la « transformation qui n'a pas encore cessé », en exposant la méthode que l'homme politique ne doit pas oublier « l'analyse des réalités historiques des faits passés et présents, pour qu'on puisse en tirer les conclusions pour l'avenir ».

Il faut également mentionner « Le Courrier Roumain » d'Eliade en Valachie, « L'Abeille Roumaine » d'Asachi en Moldavie et la « Gazette de Transylvanie » de Baritiu en Transylvanie.

Un rôle considérable dans la propagation des idées révolutionnaires de 1848 fut joué par une publication importante « Le Magasin historique pour la Dacie ». N. Balcesco l'édita en commun avec Treboniu Laurian et y publia ses articles pleins de fougue. Balcesco écrivit des études sur « l'état social des ouvriers agricoles dans les Principautés roumaines à certaines époques », il démontra « ce que peut faire un peuple aussi petit qu'il soit, lorsqu'il se défend, lorsqu'il est embrasé par une idée sacrée et noble ».

Dans les pages du « Magasin historique pour la Dacie », Balcesco esquisse le but de la révolution qui s'approche. Il y a préconisé « la réforme complète et radicale », qui entraînera tout le peuple dans le combat contre la classe dominante pleine de « égoïsme, infamie, ambition et lâcheté », qui constitue une monstruosité sociale » par le fait que « tout un pays parle à quelques particuliers » — et s'écrie : « Malheur aux nations où un petit nombre de citoyens fonde son pouvoir et son bonheur sur l'esclavage des masses ».

Les événements se sont précipités. La situation est considérée comme mûre et le mouvement révolutionnaire, éclaté d'abord en Moldavie, est rapidement étouffé et plus tard a des effets considérables en Transylvanie et dans la Valachie. Le gou-

vernement provisoire doit être soutenu. Sitôt la révolution éclatée les formules déguisées de la propagande cèdent la place à des formes directes. « Le Nouveau-Né Roumain », fondé en 1848, paraît trois fois par semaine, jusqu'en septembre et accuse une violente note révolutionnaire. À l'époque des hésitations et des trahisons, qui commencent peu de temps après l'instauration du gouvernement provisoire, paraît une nouvelle publication « Le Peuple souverain », destinée à attenuer le brasier de la révolution par une attitude conservatoire, conciliante, bien des fois confuse, allant sur la ligne de « l'harmonie des classes ».

Peu à peu, l'ancien régime est restauré. Les chefs de la révolution sont poursuivis et partent en exil.

À partir de 1848, aussi bien en Moldavie qu'en Valachie, les vieux journaux, à caractère politique réactionnaire, reparaissent. Simultanément avec les insurrections paysannes, qui éclatent spontanément dans différents coins du pays, les exilés publient diverses revues à l'étranger dans le but de les introduire aussi dans les Principautés.

Ainsi Cesar Boliac fait paraître à Brașov, deux fois par semaine, la feuille « L'Expatrié », tandis que les troupes du général révolutionnaire hongrois Bem sont maîtresses de la situation. D'accord avec les idées du groupe dirigé par Balcesco, Cesar Boliac écrit dans « L'Expatrié » qu'il ne faut pas seulement réaliser une union des partis, lorsqu'il s'agit de la lutte entre liberté et tyrannie, entre « peuples et dynasties », mais en outre la discorde entre nationalités doit disparaître. De même que Balcesco, combattant l'attitude d'Avram Iancou, dont les légions lutterent aux côtés des armées contre-révolutionnaires impériales, il voyait qu'une union des Roumains avec les Hongrois aurait pu sauver la révolution.

Parmi les publications imprimées à l'étranger, la plus importante semble avoir été « La République Roumaine », parce qu'elle représentait les opinions d'un groupe qui s'était fixé pour but « l'union et l'indépendance de la Roumanie constituée démocratiquement ».

En petit format, afin de pouvoir être passée clandestinement dans les Principautés, « La République Roumaine » publia une série d'articles et de chroniques, dans lesquels on analysa certaines causes de l'échec de la révolution.

Ces idées et l'analyse plus objective des causes de l'échec de la révolution avaient été comprises par Balcesco, qui est resté inébranlable sur ses positions, positions qui furent continuées et développées par la classe ouvrière, et confirmée par les événements survenus une centaine d'années plus tard. Les travailleurs ont alors achevé et dépassé la révolution bourgeoise.

Les publications parues à cette grande époque de tourments innovateurs ont, sans le moindre doute, un mérite historique considérable et une grosse valeur documentaire actuelle.

LES PEINTRES ROUMAINS ET LA RÉVOLUTION DE 1848

Pour l'historien d'art, objectif et attentif à la portée morale des idées, c'est une véritable joie de constater combien sincère et prompt a été l'écho réveillé par la Révolution de 1848 chez quelques-uns de nos peintres déjà consacrés à l'époque, ou en train de l'être.

Il faut toutefois faire remarquer qu'ils étaient tous valaques, ce qui n'est pas dépourvu de signification.

Il est vrai que, bien avant le déclenchement de l'insurrection, ils avaient pris contact avec les tendances réformatrices de l'Occident, et qu'ils avaient été constamment préoccupés par ce qui s'y préparait, notamment à Paris.

Ils avaient participé à cet état pré-révolutionnaire autant ouvertement, faisant partie de différents comités d'action et fréquentant les réunions publiques, qu'en secret, militant dans des organisations clandestines. Ils étaient donc tous préparés à mettre en pratique les idées qu'ils avaient faites leurs et prêts à assumer tous les risques d'une pareille attitude dès que l'occasion allait se présenter chez nous aussi. Et ils n'ont pas peu contribué à ce que cette occasion ne tardât pas à se présenter.

Le plus dynamique parmi eux fut Rosenthal.

Ce qui est particulièrement surprenant, c'est que jeune débutant, fraîchement débarqué de Pest, étranger et ne parlant pas notre langue, Rosenthal se soit d'emblée pris d'enthousiasme pour le progrès de notre pays, se ralliant à ceux de chez nous qui nourrissaient les aspirations les plus libérales. Se liant à eux d'une amitié durable, émouvante par sa profondeur, il devient le camarade et le collaborateur le plus actif de la jeunesse cultivée, animée des mêmes sentiments humanitaires, assoiffée de justice et de liberté politique.

Lorsqu'on étudie de plus près l'existence de ces hommes exceptionnels — Ion Negulici (1812—1851), Barbu Iscovesco (1816—1854), Constantin Daniel Rosenthal (1812—1851) — on est ébloui par la richesse et la profondeur de leur vie affective et de leur farouche volonté, que nul des nombreux obstacles auxquels ils allaient se heurter ne parvient à les faire fléchir et avec laquelle ils essayent de traduire en fait la pureté et l'élévation de leur idéal ainsi que leurs audacieuses convictions. Et leur mérite n'apparaît que plus grand si l'on tient compte du niveau culturel du Bucarest de ce temps-là.

On est tenté d'oublier la versatilité et l'inconstance de Negulici dans le domaine de l'art, les airs de bravoure qu'il se donnait en tant que peintre et qui ne s'appuyaient guère sur de solides connaissances de métier. Car ces déficiences sont largement rachetées par les hautes qualités dont il a fait preuve dans sa vie publique en tant que partisan de la révolution. Malade, pauvre, dénué de tout, loin de sa famille, en exil à Brousse, cet homme chétif, assez capricieux et gâté auparavant, supporte tout, stoïquement, donnant à tous l'exemple d'une remarquable force de caractère, d'un

dévouement jusqu'à la mort à une cause digne d'un pareil sacrifice. Cet exemple était d'autant plus édifiant qu'il venait d'un homme extrêmement remuant, sans cesse par monts et par vaux, essayant de tout, même du fourriérisme. Une fois converti, il acquiert une invincible force de caractère. Typographe et éditeur, il écrit et publie des livres pour le peuple et finit par s'approprier une culture peu commune mais qui, faite d'éléments trop disparates, réunis un peu au hasard, présente néanmoins beaucoup de lacunes. Elle est pourtant suffisante pour lui permettre de jouer un rôle de premier ordre dans cette bienfaisante explosion, malheureusement trop tôt étouffée que fut la révolution de 1848.

La vie et l'oeuvre d'Iscovesco nous sont moins connues. Le peu qui nous est parvenu, nous permet de reconstituer ses pérégrinations en Occident jusqu'en 1847, année de son retour au pays.

Au moment de la Révolution, il se rallie aussitôt à ceux qui l'avaient déclenchée, avec un courage et un enthousiasme exemplaires.

C'est lui qui en peint l'étendard. Emporté par les événements, il ne reprend souffle que réfugié à Brasov, une fois le mouvement échoué et ses chefs chassés ou emprisonnés. Sans se décourager, il songe peu après à rendre service, à sa manière, à ses anciens compagnons de lutte, en publiant un album avec les portraits lithographiés de ceux qui s'étaient signalés dans le trop bref combat. Du projet de cette oeuvre, seules quelques pages nous sont parvenues, dont quelques-unes publiées à Paris où il s'était finalement réfugié. Pendant quelques années, on perd toute trace de lui. En 1853, on le découvre en Orient. Etait-ce dans l'intention de se rapprocher des survivants de la Révolution, établis en Turquie? Dans le courant de l'été 1854 il meurt, probablement au cours d'une épidémie quelconque. On croit qu'il aurait été enseveli dans la même tombe que Negulici.

Mais de ces trois martyrs de la Révolution, c'est la figure de Rosenthal qui nous en impose le plus. Il était non seulement — ainsi qu'en témoignent ses oeuvres — celui qui avait le plus de talent et des études vraiement complètes, mais aussi une grande intelligence, un coeur enthousiaste et sensible, l'ami le plus affectueux, le plus tendre, le plus désintéressé, le partisan prêt à tous les sacrifices et à affronter tous les dangers ainsi que le prouve sa mort atroce.

Si nous nous faisons une si haute opinion de ses rares qualités, c'est peut-être aussi parce que quelques-unes de ses lettres adressées à C. A. Rossetti et qui ont pu être conservées, nous ont permis de connaître avec précision sa nature généreuse et les moindres détails de sa vie intime.

Ce ne sont toutefois pas seulement ses dons — paraît-il également grands — de peintre et de musicien ou le rôle qu'il a joué dans la Révolution, si grand ce rôle eût-il été, qui le placent si haut dans notre estime, mais surtout son attitude après l'échec de cette révolution. Ressortissant autrichien, il eût pu réclamer sa mise en liberté, ce qu'il refuse de faire. Réussissant à tromper la vigilance des gardes-chiourmes turcs, il enlève les autres insurgés détenus dans un chaland sur le Da-

nube. Traversant une Hongrie peu sûre, il les conduit en Autriche. De là, il se rend avec C. A. Rossetti et la femme de celui-ci à Paris.

Il connaît ensuite une période relativement calme. Il fait un voyage en Suisse, puis il se rend à Graz. Il est sur le point de s'y marier et de s'y établir, lorsqu'il reçoit un message de ses camarades demeurés en France, qui lui demandèrent de se rendre en Transylvanie et d'y faire de la propagande révolutionnaire parmi les Roumains. Il hésite d'abord, puis comme ses amis reviennent à la charge, lui assurant que sa mission est de première importance et très dangereuse, Rosenthal accepte.

Il passe par Pest en route vers la Transylvanie, est découvert par la police, arrêté et torturé en pure perte pour qu'il livre le nom de ses complices, puis assassiné.

Il avait rempli sa mission.

C'est l'acte final, douloureusement tragique, de l'une des plus nobles existences.

Personnage de second plan, il faut pourtant signaler aussi parmi les artistes de 1848, C. Petresco, ami d'Eliade. Les collections de l'Académie de la République Populaire Roumaine conservent de lui une aquarelle intéressante par sa naïveté même, montrant les membres du Comité Révolutionnaire groupés autour du drapeau, dans leurs romantiques costumes.

G. OPRESCO

NICOLAE BALCESCO

Nicolae Balcesco est né en 1819 à Bucarest d'une famille de petits boyards. Selon l'usage de l'époque, il fit ses premières études à la maison paternelle avec des précepteurs grecs, et les continua ensuite au collège de St. Sava. Très tôt, il est attiré par l'étude de l'histoire et particulièrement par l'histoire de la Roumanie. Mais il en aborde un chapitre bien à part et tout inconnu encore : l'histoire de l'esclavage et des souffrances du peuple, et celle de ses luttes pour la liberté.

Etablissant un lien entre les événements de cette histoire et les aspects essentiels de la vie contemporaine, Balcesco saisit tous les caractères d'oppression, d'exploitation, et d'obscurantisme qui caractérisaient le régime féodal autochtone, ainsi que la domination turque.

L'un des traits caractéristiques de la vie de Balcesco est la profonde identité entre ses actes et ses convictions. Il n'hésitera pas à chercher courageusement la voie qui méne à la délivrance du peuple de ses chaînes et la trouvera. Jeune aspirant dans l'armée fraîchement constituée, il éveille le sentiment patriotique et propage la foi démocratique parmi les soldats en qui, dès cette époque, il aspire à voir des citoyens libres, les armes à la main. C'est alors (1840) qu'il adhère à l'organisation clandestine de Dumitru Filipesco avec lequel il conspire contre les institutions des boyards, ce qui lui vaut la prison. Cette organisation fut la première école politique de Nicolae Balcesco. Le programme de celle-ci : abolition du servage et distribution des terres aux paysans, devint le programme de lutte de toute sa vie.

Une fois sorti de prison, Balcesco commence à déployer une activité riche et variée. Par des études publiées dans le « Magasin Historique » et par sa participation à l'action des associations culturelles de ce temps, il fait un vibrant appel au patriotisme, mobilisant les consciences ; il entre en rapports puis se lie avec les dirigeants du mouvement patriotique de Moldavie, collaborant avec Mihail Kogalniceano, de même qu'il se tient en contact avec les dirigeants des Roumains de Transylvanie. Mettant à profit son expérience de 1840, il fonde une organisation illégale « Justice-Fraternité », destinée à être étendue dans toutes les provinces roumaines, lui assignant un programme de lutte révolutionnaire. Ce programme prévoit l'union de tous les Roumains dans un État national indépendant par l'abolition des privilèges féodaux, par l'octroi des droits et des libertés démocratiques, par la distribution des terres aux paysans et la constitution d'une armée nationale.

Poursuivi par les autorités, Balcesco se réfugie à l'étranger.

La révolution de février 1848 le trouve à Paris d'où il rentre immédiatement dans le pays. Le voyage lui paraît une marche triomphale. Tout au long de l'Europe,

il rencontre les peuples soulevés en vue d'une existence nouvelle. A Bucarest il sent se polariser autour de sa propre action et de son but, les aspirations et la ferme décision de lutter des masses populaires.

Avec le concours de ses amis dévoués, il constitue un large front de combat et lance la fameuse proclamation révolutionnaire à laquelle il imprime le sceau de ses conceptions, malgré la tortueuse opposition de Ion Eliade, chef du groupe des modérés. Grâce à sa fermeté, sont inscrites dans cette Proclamation, qui le 11 juin 1848 devient la «Constitution de la Valachie», les idées que Tudor Vladimiresco n'avait pu réaliser en 1821, les idées de 1840, ainsi que celles de l'organisation «Justice et Fraternité.» C'est-à-dire les idées de base de la révolution bourgeoise et démocratique roumaine.

Mais dans le gouvernement constitué après l'abdication de Gheorghe Bibesco, gouvernement dont Balcesco faisait partie comme secrétaire, le groupe des modérés était puissant. Celui-ci était entré avec la ferme intention d'entraver les grandes réformes auxquelles il avait d'abord souscrit. Durant trois mois, jusqu'à ce que les turcs eussent envahi le pays pour y étouffer la révolution, Nicolae Balcesco, appuyé par Gheorghe Magheru et Alexandru Golesco, a mené un combat acharné pour obliger le gouvernement à tenir les engagements qu'il avait pris vis-à-vis du peuple. Combat vain. Car le gouvernement s'est abaissé à toutes les concessions devant la classe réactionnaire des boyards. Le peuple avait était relégué dans l'ombre. La révolution avait vécu. Ce qui fera dire à Balcesco que ce ne sont pas les armées turques, mai Eliade qui a amené l'échec de la révolution.

Il ne se résigne néanmoins pas à considerer cet échec comme définitif. En Europe les peuples continuaient à lutter. L'armée révolutionnaire hongroise remporte d'éclatantes victoires dans sa marche sur Vienne. Mais au lieu de prendre les armes contre l'ennemi commun, l'empereur d'Autriche-Hongrie, la plupart des Roumains de Transylvanie s'étaient souléves contre les Hongrois. Les deux nations cohabitantes s'entre-déchiraient aveuglément du fait de la regrettable méconnaissance de la vraie position de chacune d'elle, surtout du fait de la confusion idéologique de quelques-uns des dirigeants des deux camps et des provocations organisées par les agents de la réaction allemande. Balcesco se rend en Transylvanie, puis en Hongrie où, avec le concours d'Eftimie Murgu, il réussit finalement à réaliser une entente entre les deux camps révolutionnaires. Mais il était déjà trop tard. Au même moment la révolution hongroise était étouffée dans le sang par les forces de la réaction. Mais Balcesco continue à travailler pour la révolution.

A Paris et à Londres il cherche un appui pour la cause du peuple. Il rédige des mémoires, il fait paraître des revues et des études, organise l'émigration des Roumains, maintient le contact avec ses amis demeurés dans le pays et reste en étroits rapports avec les émigrés hongrois et polonais. Toutes ses actions sont animées par sa foi dans une nouvelle révolution: enthousiastes exhortations à la reprise de la lutte pour la liberté, la démocratie et l'indépendance.

La grave affection pulmonaire dont il était atteint, le minait cependant et le vidait de plus en plus de sa vitalité. Il refuse néanmoins orgueilleusement de renier sa foi, ce qui lui eût permis de rentrer au pays. En automne de 1852, il s'éteint à Palerme, loin de sa chère patrie et presqu'abandonné de tous.

Mais le peuple roumain ne l'a pas oublié. Il l'a toujours entouré de son estime et de sa tendresse. L'image de combattant et de chef de Balcesco est aujourd'hui plus vivante que jamais dans l'âme et le souvenir de ce peuple. La révolution dont il rêvait sur son lit de mort, n'a plus eu lieu. Ayant achevé son rôle révolutionnaire, la bourgeoisie est devenue à son tour une classe d'exploiteurs. A la tête du combat du peuple roumain allait se lever une classe nouvelle, conséquente jusqu'au bout à ses fins révolutionnaires : la classe des ouvriers. Celle-ci renouera le fil rompu des luttes de Balcesco avec les nouvelles actions prolétaires. C'est ainsi que son rêve se trouva réalisé cent ans après et que les réalisations démocratiques, amorcées en 1848, furent parachevées aujourd'hui. Les derniers restes de l'exploitation féodale une fois liquidés, cette classe ouvrière allait continuer à lutter de plus belle pour la suppression de toute exploitation de l'homme par l'homme, de tout obstacle dans la voie du libre développement du peuple roumain et de son bonheur.

Au bout d'un siècle de luttes sanglantes et d'éclatantes victoires, on n'aurait su commémorer de façon plus belle et plus digne le souvenir du grand patriote roumain que fut Nicolae Balcesco, que par ces réalisations elles-mêmes.

N. POPESCO-DOREANU

QUELQUES ENSEIGNEMENTS DE 1848

Dans la littérature officielle que notre pays a connue pendant cette dernière centaine d'années, le paysan roumain était dépeint sous l'aspect d'un être passif, soumis en toutes circonstances à ceux qui détenaient la conduite des affaires publiques.

Les autorités ne daignaient même pas parler des ouvriers, à moins que ce ne fût pour faire savoir par des communiqués, lors des combats contre les travailleurs, que l'« ordre » avait été assuré.

Les historiens officiels d'hier cherchaient l'origine des luttes et des convulsions révolutionnaires exclusivement parmi les éléments de l'étranger, qui n'avaient rien de commun avec les sentiments et les intérêts des masses populaires.

À l'instar d'autres importants combats qu'ont eu à mener durant des siècles nos Principautés, les événements révolutionnaires de 1848 opposent un démenti catégorique à cette thèse officielle des maîtres d'hier.

L'un des premiers enseignements à tirer de l'année révolutionnaire 1848 est précisément le fait que les masses populaires de Valachie, les ouvriers de Bucarest sont sortis en masse pour défendre la Révolution, ainsi que les paysans venus par milliers dans la Capitale (tout comme 40.000 étaient venus à Blaj) se sont soulevés pour être affranchis, délivrés du joug féodal, pour la « justice », telle qu'elle avait été inscrite dans la Proclamation d'Islaz et qu'ils comprenaient à leur manière.

De cet enseignement en découle un autre : tant qu'on transige avec les ennemis du peuple, tant qu'on ne s'appuie pas sur le peuple, le triomphe d'une révolution ne peut être assuré. C'est là qu'on trouve la cause première de l'échec de la révolution de 1848 en Valachie. Le peuple est descendu dans la rue, s'est armé, a versé son sang pour défendre les 21 points décrétés dans la Proclamation, invoqués par Balcesco.

Mais le Gouvernement provisoire, dirigé par le groupe modéré d'Eliade, n'a pas voulu prêter l'oreille à la voix du peuple. Il n'a pas assuré le suffrage universel, ni distribué des terres aux paysans, il n'a pas lutté pour l'indépendance, et c'est pour cela que la révolution de 1848 n'a pas été menée jusqu'au bout en Valachie.

La bourgeoisie roumaine dans sa lâcheté s'est partagé avec les boyards le pouvoir d'État.

Une autre classe — la classe des ouvriers — sans la combativité de laquelle la Roumanie moderne n'aurait pu exister, a eu à réaliser ce qui était demeuré inachevé en 1848, afin d'amener notre pays dans la voie où s'est engagé notre siècle.

C'est de cette vérité que s'inspirent actuellement les forces démocratiques du pays dirigées par la classe ouvrière et par son parti d'avant-garde, le Parti Ouvrier Roumain, qui dans l'intérêt du peuple, ne veulent pas transiger avec les forces réactionnaires, belliqueuses et impérialistes, et se maintiennent sur la ferme position du peuple pour assurer une paix durable et une démocratie populaire.

MIHAIL ȘOVA

L'IMPORTANCE DE LA CÉLÉBRATION DU CENTENAIRE DE L'ANNÉE RÉVOLUTIONNAIRE 1848 DANS LA RÉPUBLIQUE POPULAIRE ROUMAINE

La Révolution de 1848 fut le prélude des grandes réalisations auxquelles nous assistons aujourd'hui.

L'esprit de délivrance du joug de l'esclavage s'est manifesté alors autant chez les ouvriers que chez certains intellectuels de marque, comme Nicolae Balcesco.

L'organisation de la production se trouvait dans une phase arriérée. La bourgeoisie fit tourner la révolution à son avantage et au dépens des masses populaires laborieuses.

Aujourd'hui, cent ans après, l'humanité se trouve dans une autre phase. Il y a eu la Grande Révolution Socialiste d'Octobre et — sous sa direction — la prodigieuse victoire des peuples sur le fascisme. Les masses ouvrières sont partout organisées et chez nous un monde nouveau, de liberté, de justice et d'égalité sociale est en train de s'épanouir.

Quant à la science, elle se met pour la première fois au service des grandes masses laborieuses qui représentent le vrai peuple. Et chez nous la science se voit pour la première fois intégrer dans les préoccupations des dirigeants démocrates de notre peuple.

C. I. PARHON
Président du Présidium de la Grande Assemblée Nationale de la République Populaire Roumaine

La célébration du centenaire de la révolution de 1848 coïncide avec la proclamation de la Constitution de la République Populaire Roumaine.

Pieusement nous jetons nos regards vers ceux qui combattirent et tombèrent sur les champs de bataille de la révolution, afin de secouer le joug du servage et d'affranchir un peuple travailleur, si impitoyablement exploité par le régime féodal.

Ces héros avaient conscience d'être sur la bonne voie, qui mène vers cette liberté si convoitée depuis tant de siècles.

Nous, regardant en arrière, riches des expériences des cent ans qui se sont écoulés depuis lors, avec toutes les conclusions qui s'imposent, nous constatons l'erreur de ceux qui orientèrent le peuple roumain de Transylvanie vers une alliance avec l'empereur habsbourgeois de Vienne. D'ailleurs, ceux qui avaient survécu, parmi lesquels également Avram Iancou, purent constater — eux-mêmes — sans tarder la grosse erreur qu'ils avaient commise.

A la lumière de ces tragiques expériences et de bien d'autres qui suivirent, le peuple travailleur est à présent guéri des conceptions issues de l'obscurantisme dynastique et du chauvinisme qui l'avaient poussé vers tant de malentendus.

Les rois et les empereurs ont été chassés et en même temps qu'eux le mensonge et la fourberie qu'ils employaient pour diviser les peuples, afin de mieux les dominer. Ainsi ces Habsbourgs et leurs alliés féodaux magyars avaient su de tout temps séparer le peuple magyar du peuple roumain et les exciter continuellement l'un contre l'autre, en les trompant tous les deux.

Ce dernier acte de cette série d'intrigues impérialistes fut le « Diktat de Vienne », lequel donna la Transylvanie du Nord à la Hongrie, afin qu'ensuite Horthy puisse entraîner des centaines de milliers de fils du peuple magyar dans la guerre contre l'Union Soviétique — en promettant à la Hongrie, en outre, le reste de la Transylvanie, — et engagea en même temps la Roumanie, par ses satellites hitlériens, dans la même guerre sur les mêmes frontières, — en lui faisant miroiter la restitution de la Transyvanie du Nord.

Tandis que des centaines de milliers des fils les plus braves du peuple roumain et du peuple magyar se trouvaient les uns et les autres sans raison dans les vastes plaines de l'Union Soviétique en une guerre d'invasion, — ceux qui demeuraient chez eux étaient provoqués systématiquement par les régimes hitléro-fascistes de Horthy et d'Antonesco, à se dresser les uns contre les autres. C'est ainsi que furent écrites les pages les plus sombres de l'histoire des conflits séculaires provoqués entre ces deux peuples.

Enfin, au bout de cent ans, le règne du peuple fut réalisé; à présent c'est au peuple qu'appartient l'ensemble les pouvoirs dans l'État, pouvoirs exercés par lui-même.

La démocratie populaire élimine, en effet, les facteurs et les institutions qui empêchaient son libre essor et la route lui reste largement ouverte pour réaliser une nouvelle structure sociale, économique et politique, avec des droits et des devoirs égaux pour tous les citoyens de ce pays, d'où disparaît l'exploitation de l'homme par l'homme.

De cette manière, dans la République Populaire Roumaine, patrie de tous ceux que travaillent manuellement ou intellectuellement, dans les villes et à la campagne, se concrétise également une série de principes inscrits dans la « Déclaration », conformément à la volonté exprimée par les paysans, en l'an 1848, à Blaj, sur le Champ de la Liberté, — principes trahis par les satellites à la solde de l'impérialisme habsbourgeois et des féodaux magyars, ainsi que par la classe dirigeante du peuple roumain de Transylvanie, lesquels orienteront notre politique en Transylvanie vers la constitution du soi-disant parti national-roumain.

Rien n'en est resté dans l'âme du peuple roumain et des peuples cohabitants, sans cesse leurrés. Son souvenir n'a pas troublé un seul instant la grande fête des millions d'ouvriers qui, cent ans après la révolution de 1848, en Transylvanie et dans le Banat, ont manifesté, avec enthousiasme, leur décision d'édifier, aux côtés des autres provinces du pays, une Roumanie nouvelle, sur les assises solides de la Constitution de la République Populaire Roumaine, — sur la ligne continue du développement des principes politiques établis sur le Champ de la Liberté, il y a un siècle, par les quarante mille serfs réunis là-bas.

Sûrement, cette évolution heureuse emplit nos coeurs de joie. Ces forces populaires libérées procèdent maintenant avec confiance et avec énergie à la consolidation des conquêtes d'une Roumanie libre et indépendante, le peuple étant souverain de ses volontés.

Et ainsi les héritiers des foules insurgées de Balcesco et de Petöfi se sont aujourd'hui tendu la main, dans la ronde du travail en commun, pour la reconstruction de la même patrie.

Tout cela détermine également la suppression des motifs de friction avec les peuples voisins, de façon que, entourés uniquement par des amis, nous ne verrons plus troubler notre labeur par des inquiètudes. En outre, c'est là une manière de vérifier, aussi bien sur le plan intérieur, que du point de vue extérieur, les principes inscrits sur les oriflammes de la Révolution de 1848. Les allégations des représentants du régime féodal, de la grande bourgeoisie et de la haute finance, tous mis au service de l'impérialisme et d'une politique d'oppression nationale, niant opiniâtrement les possibilités d'une réconciliation entre peuples, s'effondrent devant les réalisations actuelles. Aveugles à ce qui se passe, d'aucuns tâtonnent encore parmi nous.

Ils faut donc que disparaissent définitivement leurs fantômes, errant autour du corps devenu bien portant de notre peuple et des peuples cohabitants. Cela afin que jamais ne revienne ce passé ténébreux avec toutes ses humiliations, ses larmes et ses souffrances et avec tous ses sacrifices. Ceux qui tombèrent pendant la révolution d'il y a cent ans tenaient précisément pour essentiel d'être récompensés par notre liberté actuelle et d'éviter à nous-même leurs propres sacrifices.

Dr. PETRU GROZA
Président du Conseil des Ministres de la République Populaire Roumaine

Malgré qu'elle n'eût pas entièrement atteint son but, la Révolution de 1848 a marqué une date importante dans l'histoire du peuple roumain.

Bien qu'à ce moment il n'existat pas encore, à proprement parler, une industrie, ni un prolétariat conscient et organisé, l'élément combatif et dynamique qui crée les mouvements des masses fut recruté dans les rangs des ouvriers: tanneurs, boulangers, bouchers, cordonniers, tailleurs, etc.

Ces éléments travailleurs, issus de la masse des paysans serfs, opprimés et exploités par le régime féodal, embrassèrent avec enthousiasme et confiance la cause de la Révolution de 1848, désireux qu'ils étaient de voir aboli un régime qui les accablait d'obligations sans leur accorder des droits.

Craignant la force révolutionnaire, la bourgeoisie accepta alors de s'entendre avec les boyards, auxquels elle était liée par des intérêts communs. Trahissant les principes qui avaient entraîné les masses à ses côtés, celle-ci écarta le peuple de la Révolution, et ce fût la raison pour laquelle celle-ci fut si facilement étouffée.

Les buts poursuivis par la Révolution de 1848 et qui n'avaient pu être atteints du fait de la trahison de la bourgeoisie, furent réalisés, depuis, grâce à l'incessante lutte menée par la classe ouvrière.

Aujourd'hui, cent ans après, par le fait que la classe ouvrière est devenue de classe opprimée, classe dirigeante, le peuple tout entier jouit des plus larges droits et libertés dans le cadre d'un régime de démocratie populaire, et dans le cadre d'une nouvelle forme d'État, la République Populaire.

GH. APOSTOL

Président de la Confédération Génerale du Travail de la République Populaire Roumaine

Les événements révolutionnaires de 1848 ont mis en évidence, chez nous aussi, l'importance de la lutte armée du peuple pour la conquête de ses droits et pour leur défense, ceux-ci une fois acquis.

Dans cette lutte révolutionnaire, notre peuple a eu de son côté des militaires doués et dévoués comme les généraux Magheru et Tell. Il a su écarter les militaires traîtres, tels Odobesco et Solomon, et a compris la solidarité des soldats qui ont refusé d'être d'aveugles outils dans les mains des boyards et qui, animés par la conscience nationale, se sont opposés, les armes à la main, à l'envahisseur turc.

En dépit de ses erreurs et de ses faiblesses, la tentative de lutte contre les boyards réactionnaires au service de l'envahisseur et contre cet envahisseur lui-même restera un exemple lumineux: l'appel de Balcesco à la défense par les armes contre l'intervention ottomane demeurera un exemple de haut patriotisme.

Dans la création — depuis ses fondements — de la nouvelle Armée Roumaine — l'Armée Populaire — nous nous inspirons du grandiose exemple de nos devanciers progressistes qui ont appelé le peuple à la lutte pour la conquête d'une existence libre, pour la défense de l'indépendance et de la souveraineté nationale, menacées par les envahisseurs étrangers. Aujourd'hui notre État — la République Populaire Roumaine — est indépendant et souverain.

À l'occasion du centenaire de 1848, combien vivantes reviennent à notre mémoire les paroles de notre grand républicain Nicolae Balcesco : « Nous sommes forts parce que le peuple est avec nous ».

L'armée populaire de la Roumanie Républicaine sera forte car elle formera avec le peuple un tout unique.

E. BODNARAȘ

Ministre de la Défense Nationale

Le centenaire de la révolution de 1848 sera célébré aujourd'hui dans la République Populaire Roumaine dans des conditions tout-à-fait exceptionnelles. Au cours de cette centaine d'années, le véritable sens de cette révolution n'a jamais été révélé et on a également toujours omis de faire ressortir ses figures les plus représentatives. Cet intérêt mesquin, sordide, de clan qu'on rencontre à chaque pas dans notre histoire politique a voulu que les événements de 1848 fussent présentés sous un faux jour.

Il est, certes, hors de doute que, à cause de l'état très arriéré dans lequel se trouvaient les Principautés Roumaines — y compris la Transylvanie — état caractéristique au régime féodal, on ne saurait parler que d'une révolution effectuée dans des conditions adéquates à cet état.

Mais à examiner attentivement chacun de ses phénomènes, on peut facilement se rendre compte du fait que l'esprit révolutionnaire exista aussi bien le 27 mars 1848 à Jassy que le 3/15 mai 1848 à Blaj et que les 9 et 11 juin de la même année, à Islaz et à Bucarest.

En Valachie, la révolution fut déclenchée dans des conditions bien meilleures, selon des directives plus précises et avec, pour point de départ, un programme de réformes radicales. Entre autres, on parle à Islaz de la distribution des terres aux laboureurs et de la République. Mais elle fut tôt compromise par la mauvaise foi de quelques uns et par le manque d'énergie des autres.

La révolution de Valachie souleva néanmoins les masses de petits artisans de Bucarest et les masses des cultivateurs dans les campagnes.

Les hommes aux vues larges ne manquèrent nulle part. On les trouve en Moldavie — Alexandre Ion Couza — on en trouve à Blaj, et particulièrement en Valachie, où Balcesco fait figure de révolutionnaire pour l'ensemble des provinces roumaines, par ses efforts pour éclairer les populations sur les véritables buts et significations du mouvement. Mais tous ses tourments et toutes ses luttes furent

rendues vaines par ceux qui, dans la liesse des premières succès, ne surent être suffisamment vigilents, abandonnant les réformes qu'ils s'étaient engagés à réaliser ainsi que par ceux qui, dans le mouvement de masses de cette époque, ne virent qu'une occasion propice à de mesquins arrangements de caste.

La révolution fut étouffée. Les réformes annoncées alors ont dû attendre cent ans pour être réalisées, sous une autre forme et dans d'autres conditions.

Expulsé de Valachie, Balcesco essaya de faire comprendre aux gens de Transylvanie, ne fût-ce qu'à la dernière minute, la voie véritable de la Révolution.

De la merveilleuse révolution partie d'Islaz et poursuivie avec succès à Bucarest le 11 juin 1848, quelques uns de ses partisans ont voulu et, finalement, ont réussi à faire une affaire de famille.

Quatre vingt années durant ceux-ci aux côtés de la monarchie des Hohenzollern, choisis par eux comme complices dans l'asservissement du peuple, ont dominé tout le pays par eux et par leurs descendants. Ils on fait plus que cela. Ils ont caché la vérité. Pour toute la lutte révolutionnaire de Balcesco, pour toutes ses idées progressistes, pour tous ses enseignements et pour tous ses grands principes qu'ils n'abandonna jamais, ils lui ont accordé la grâce de le qualifier de «patriote», non dans le vrai sens de ce terme, mais dans celui qu'eux entendaient lui donner.

C'est tout ce que les maîtres de l'époque ont permis que l'on sût sur l'année et sur Balcesco. Le reste a été enseveli dans le silence et l'oubli. La réalité historique a été dénaturée. On s'est ingénié à faire des héros du mouvement de ceux qui précisément avaient trahi la ligne révolutionnaire et avaient transformé leur participation au mouvement en une source de droits à la domination des pays par leur famille et leurs clans.

Les deux partis, dits «historiques», plaçaient leur origine en 1848, l'un à Blaj et l'autre à Bucarest.

Dans les conditions de liberté d'aujourd'hui, assurées par la République Populaire Roumaine, les véritables aspects de la révolution de 1848 aparaissent clairement, ainsi que les figures réellement principales du mouvement. La vérité a pu être rétablie dans ses droits.

Après cent ans, le peuple roumain peut célébrer le véritable sens et les protagonistes véritables de la révolution de 1848. Il peut fêter, en même temps, le triomphe politique du peuple, ayant à sa tête la classe ouvrière et les nouvelles institutions démocratiques du pays.

De cette façon, le centenaire de l'année 1848, acquiert une tout autre signification.

OCTAV LIVEZEANU
Ministre des Arts et de l'Information

La révolution du peuple roumain et celle du peuple magyar, de 1848, sont d'éclatantes illustrations de la force agissante des masses populaires en lutte pour la liberté.

L'échec de ces révolutions nous enseigne que dans sa marche vers la réalisation de ses aspirations, le peuple ouvrier ne doit pas se contenter de résultats incomplets, car tout compromis avec les forces entravant son développement se fait au dépens de ceux qui travaillent et au profit de la domination des classes exploiteuses.

L'échec de la révolution du peuple magyar est dû aussi au fait de n'avoir pas su comprendre l'importance du problème national et de n'avoir pas su ranger les aspirations des nationalités cohabitantes parmi les buts de cette révolution.

Kossuth lui-même ne l'a compris que bien plus tard, en exil.

Cent ans après cet échec, le peuple roumain et le peuple magyar, dans une fraternité toujours plus étroite, sont de puissants piliers dans la grande et solide alliance des démocraties populaires qui constitue la garantie la plus effective de paix et de progrès.

La tâche de notre génération n'est pas seulement de réaliser les rêves d'un Balcesco et d'un Kossuth, mais aussi d'aller bien plus loin encore, dans la voie du progrès.

LUDOVIC TAKACS
Ministre-adjoint à la Présidence du Conseil des Ministres pour les problèmes des nationalités cohabitantes

La femme a des droits égaux à ceux de l'homme, dans tous les domaines de la vie de l'État — économique, social, culturel, politique — ainsi que dans celui du droit privé».

« La mère et les enfants jusqu'à l'âge de 18 ans jouissent d'une protection particulière, établie par la loi » (art. 21—22 de la Constitution de la R.P.R.*).*

Au cours de l'année du centenaire de la révolution de 1848 les droits de la femme ont été consacrés par la constitution de la République Populaire Roumaine *qui, parmi les 22 articles de sa Proclamation d'Islaz, demandait à l'art. 2 l'égalité des droits politiques, et à l'art. 5, « une Assemblée Générale composée de représentants de toutes les couches de la société ».*

Depuis les temps les plus reculés, et jusqu'à nos jours des luttes acharnées se sont livrées, et plus d'une fille de notre peuple est tombée pour ses droits et ses libertés et pour l'égalité civique de la femme.

Les figures féminines les plus lumineuses qui se détachent de l'histoire de ces luttes sont celles de Catherine Varga du Pays des Motzi, entre les années 1841—1847, d'Ana Ipatesco de Bucarest en 1848 et de Maria Tanase de la commune de Lalos - département de Vâlcea - en 1907.

Dans les combats livrés par la classe ouvrière de nos jours, parmi les femmes qui ont lutté pour la conquête des libertés démocratiques, se détache grandiose la figure de celle qui sut affronter avec tout l'acharnement qu'il fallait, les ennemis du peuple, mobilisant de larges masses au combat pour la justice : l'intrépide Ana Pauker.

Après le 23 août 1944, les femmes délivrées combattent, aux côtés du peuple tout entier pour l'instauration d'un régime démocratique et réussissent à amener le 6 mars 1945 un régime qui reconnaît leurs droits et leurs donne la possibilité d'affirmer de plus en plus leurs aptitudes.

Des comités de fabrique aux comités de réforme agraire, depuis les femmes adjointes au maire et les mairesses, les femmes magistrats et assesseurs populaires, aux dirigeantes de syndicats et d'unions, aux membres du Comité Exécutif de la C.G.T., aux deputées, membres du Gouvernement et du Présidium de la Grande Assemblée Nationale de la République Populaire Roumaine*, toujours aux premiers rangs dans la bataille pour le redressement économique du pays, pour l'accroissement de la production dans les fabriques et à la campagne, de plus en plus décidées, appuyant le Gouvernement et appuyées par lui, les femmes de la* R.P.R. *ont lutté pour un régime démocratique, pour la réalisation de la* République Populaire Roumaine.

A présent que grâce à la lutte du peuple, ayant à sa tête la classe ouvrière et son parti, les droits conquis sont consacrés par la Constitution, les femmes de la République Populaire Roumaine *redoublent d'efforts pour :*

La défense de la paix contre les instigateurs à une nouvelle guerre ;

La consolidation et le développement de la République Populaire Roumaine ;

Pour la reconstruction de notre pays sur de nouvelles bases.

OLIMPIA TENESCO

Deputé

L'année révolutionnaire 1848 est remarquable par les revendications contenues dans son programme, revendications qui tardivement furent réalisées par le gouvernement démocratique de notre époque.

Le mouvement de 1848 est une conséquence de l'effritement de la hiérarchie féodale des Principautés, par l'accroissement de l'échange de marchandises, il est l'expression des relations économiques capitalistes qui se consolident.

À la veille de la Révolution de 1848, la situation dans les Principautés se présentait comme suit:

Les paysans exploités étaient désireux de devenir maîtres de la terre qu'ils travaillaient et de se libérer de leurs obligations vis-à-vis des propriétaires; les ouvriers des villes, pas encore constitués en une classe travailleuse avec une conscience de classe, aspiraient à une vie meilleure; la bourgeoisie en voie de formation poursuivait la consolidation de ses positions, l'abolition de certains privilèges seigneuriaux, l'agrandissement du débouché intérieur par la fondation d'un État national unique et indépendant: une partie de l'aristocratie, enfin, était intéressée, à certains égards, à de nouvelles possibilités commerciales.

La figure de Nicolae Balcesco domine tout le mouvement. Il a démontré nettement que la révolution émanait des réalités, comme une nécessité de l'époque.

Malgré toutes les modifications et atténuations provenant du groupe dirigé par Eliade, la proclamation d'Izlaz contient des points qui ne devaient être réalisés qu'un siècle plus tard.

À savoir: l'égalité des droits politiques, l'Assemblée constituante, l'émancipation des paysans, l'instruction pour tous les citoyens des deux sexes, l'émancipation des juifs, etc.

Un siècle de combat a mené, en fin de compte, à la réalisation des réformes projetées dans l'illégalité par le Parti Communiste Roumain entre les deux guerres mondiales.

La tradition de la révolution de 1848, bien que le mouvement n'eût pas abouti alors entièrement, à cause de la trahison d'une partie des chefs de la révolution favorables aux grands propriétaires, ne s'était pas totalement perdue. Le mérite en revient à une nouvelle classe sociale qui commence son ascension: la classe ouvrière. Elle a maintenue vivante la tradition révolutionnaire, démocratique, à la tête de laquelle s'était trouvé le grand Balcesco, et elle a réalisé les aspirations de celui-ci, en les dépassant.

De cette manière se dessine de plus en plus lumineuse la silhouette de ce grand lutteur, qui a dépassé son époque par la puissance de ses convictions et de ses combats.

Les réalisations actuelles apparaîssent ainsi comme une suite naturelle des projets d'il y a un siècle; elles confèrent à notre démocratie la base historique nécessaire à la continuation de son évolution.

Les transformations profondes de nos jours revêtent de la sorte un sens vaste et semblent être une continuation des efforts des meilleurs fils du pays, dans leur lutte pour la liberté, pour la paix et pour la démocratie populaire.

AL. ROSETTI
Recteur de l'Université de Bucarest

TEXTES ET DOCUMENTS

Trois lettres de Nicolae Balcesco

Paris, le 24 février 1848
1-er jour de la République

Mon cher citoyen et ami!

Je t'étais depuis longtemps redevable d'une réponse, je m'acquitte aujourd'hui, mais brièvement, car le temps me manque et je suis très fatigué du fait que, depuis trois jours, j'ai continuellement vécu dans la rue. Apprends que la grande nation s'est soulevée et que la liberté du monde est achevée. La merveilleuse révolution que je te plains amèrement de ne pas avoir vue de tes propres yeux, changera la face du monde. Le roi s'est enfui. La République est proclamée par tous. Je te remets ci-joint un lambeau du velours qui couvrait le trône de Louis Philippe, écroulé aujourd'hui à une heure et demie.

Moi-même je l'ai arraché aux Tuilleries et j'ai songé à t'en faire tenir aussi une parcelle, pour te prouver que même aux moments les plus grands et les plus solennels que j'ai passés dans ma vie, mes pensées vont vers toi.

Je ne puis t'en écrire davantage.

Adieu. Vive la République!

Ton ami N. Balcesco

Mes compliments à tous les bons Roumains. Sous peu nous nous reverrons au pays.

Fraternité et espérance!

Pauvre Basile, pourquoi n'as-tu pas été ici! . . .

Bucarest, le 16 juillet 1848

Mon cher Ghica,

J'ai reçu seulement deux lettres de toi, du 11 et 17 juillet, à part les deux autres chiffrées. Je n'ai pas du tout pu t'écrire, parce que depuis la Révolution, le temps d'écrire m'a complètement manqué, à cause des occupations et incidents que j'ai eus. Afin que tu puisses comprendre l'état des choses chez nous, tu dois savoir ce qui s'est passé depuis le 11 jusqu'à présent. Je m'efforcerai de te le dire brièvement.

La Révolution du 11 fut la plus belle qu'ait pu vivre un peuple. La veille on apprit la révolte au delà de l'Olt, on apprit qu'en plusieurs autres endroits le pays est soulevé, comme dans la Prahova et dans la Vâlcea.

Le cadet Magheru, le même jour, après-midi, lit la proclamation dans la rue Lipscani, on sonne le tocsin et le peuple se dirige en masses compactes vers le Palais, où il crie continuellement au Prince Régnant de signer la Constitution. La veille, le Prince Régnant avait été à la caserne et avait invité l'armée à défendre son trône et les soldats lui ont dit qu'ils défendront la Constitution et l'ont invité à l'accepter. Le Prince Régnant signa la Constitution, s'y voyant forcé par le peuple et nomma également un nouveau ministère parmi les révolutionnaires, à savoir : N. Golesco, Tell, Eliad, Magheru, St. Golesco, et Rosetti. Deux jours plus tard, cependant, Bibesco, démoralisé par tout ce qui était arrivé, donna sa démission. Nous avons alors formé un gouvernement provisoire. Les boyards se réunirent à l'Eglise Métropolitaine. Nous, nous y sommes allés aussi avec le peuple et nous avons proclamé le gouvernement, en désignant le métropolite comme président. Le lendemain nous eûmes la bénédiction des drapeaux et le serment de la garde nationale de l'armée, du peuple, au champ de Filaret, qu'on dénomma Champ de la Liberté. Je me rappelais alors, au cours de cette belle cérémonie, le jour où, il y a de cela cinq ans, nous autres quatre, nous décidâmes là-bas, la fondation de notre société, qui gouverne à présent le pays ! Trois jours après, arrivèrent aussi les membres d'en-deçà de l'Olt. En leur absence, pour maintenir le bon ordre dans l'armée, nous commîmes une grosse erreur, en laissant Odobesco ministre et Solomon à la tête du régiment de la Capitale. Comment expliquer cela maintenant, je ne saurais, mais au moment opportun, nous te le dirons amplement. Le troisième jour après l'arrivée des membres, le 19 juin, Odobesco et Solomon complotèrent contre nous. Des ambitieux, déguisés en défenseurs de la propriété, commencèrent l'agitation et nous accusèrent de vouloir nous emparer des propriétés pour les donner aux paysans, bien que nous eussions déclaré vouloir laisser l'Assemblée nationale constituante répondre à cette question. Odobesco et Solomon sous le prétexte d'une visite de présentation des officiers, amenèrent sans prévenir deux compagnies de soldats ivres et nous arrêtèrent au Palais. Comme cela fut connu par le peuple, celui-ci se massa avec une rapidité prodigieuse. Odobesco se voyant alors impuissant, se retira avec les soldats vers la caserne, après avoir tiré des coups de feu dans la foule desarmée, parmi laquelle environ neuf individus furent tués et autant blessés. Odobesco étant resté au Palais, fut arrêté. Dans la soirée on arrêta aussi Solomon, parce que le peuple avait cerné la caserne, et lui, voulant s'enfuir, fut pris. Le gouvernement se remit au travail, mais la réaction s'accrut aussi...

(Balcesco décrit le repliement du Gouvernement Provisoire à Câmpulung, et poursuit son récit).

...Notre peuple de la Capitale doit néanmoins savoir, sans flatterie, qu'il a dépassé tous les peuples d'Europe, et même les Parisiens. Dès qu'il fut soulevé, il renversa la régence qui n'avait gouverné que quelques heures, et le peuple pria et envoya les députés pour nous rappeler ; il nomma jusqu'à notre retour un gouvernement intérimaire dans lequel était également Câmpineanu. Odobesco et Solomon sont enfermés à la caserne. 40.000 hommes du peuple entourent la caserne et les y tiennent. Les soldats n'osent plus faire feu, et les deux colonels, traîtres à deux reprises, donnent leur demission et quittent le pays. Câmpineanu a beaucoup perdu de sa popularité, en commettant la faute de défendre continuellement Odobesco. Notre retour fut un triomphe, tandis que notre retraite de la Capitale avait été une déroute.

Depuis lors cela alla mieux, plus tranquillement. Nous nous sommes occupés des affaires, en paix, et entre autres nous avons aussi promulgué le décret des éléctions, en décidant l'ouverture de la Constituante pour le 25 août.

La situation à l'intérieur est la suivante : nous sommes forts à Bucarest, parce que le peuple est avec nous et surtout les commerçants, qui ont fait beaucoup dans la résolution du 30 juin. A la campagne nous avons commencé à préparer le peuple dans le village, par l'envoi de commissaires. Dans les villes il y a encore beaucoup de réactionnaires. Si nous avions néanmoins de la tranquilleté et aucune attaque de l'étranger, nous n'aurions plus aucune crainte. Mais à présent, faut-il savoir que nous n'avons pas d'armée du tout. Notre armée s'est démoralisée et a complètement perdu sa discipline, de sorte que tout ce que nous pouvons faire avec elle est l'abîmer. Elle ne peut nous être utile ni à l'intérieur, ni au dehors, parce que elle fait voir qu'elle ne peut pas se battre. A la campagne également, tous disent de ne pas nous battre, mais de chercher à ne lutter que par des forces morales. L'armée irrégulière dont nous avons chargé Magheru n'est pas encore formée. Magheru est de l'autre côté de l'Olt pour cela. Nous ne pouvons nous retirer dans les montagnes maintenant, d'ailleurs le peuple de la Capitale, ne nous le laisserait pas faire, mais nous devons rester ici quoi qu'il arrive. Falat-Efendi nous a continuellement dit que la Porte a reconnu la Constitution et toi comme agent, et nous donne les plus grands et les plus beaux espoirs...

Soliman Pacha et Emin-Efendi avec les autres sont arrivés à Roustchouk. Nous avons envoyé Voinesco au devant d'eux. Celui-ci nous écrit aujourd'hui qu'après ne pas avoir voulu le recevoir à Roustchouk comme personnage officiel mais seulement confidentiellement, on lui a donné de bons espoirs. Nous préparons ici à Soliman Pacha une entrée triomphale. Puis Voinesco nous dit que Emin Efendi lui avait fait savoir ensuite, qu'ils entreront avec un gros corps d'armée, et lui avait également demandé une presse pour imprimer des proclamations roumaines. Nous avons répondu à Voinesco de leur dire qu'on n'a pas trouvé de presse, les commerçants refusant de marcher par crainte ; que, s'ils veulent, ils s'adressent au gouvernement, bien que celui-ci n'ait pas de presse à lui. Qu'enfin il faut qu'ils déclarent s'ils viennent en amis ou en ennemis, s'ils veulent reconnaître notre droit de nous donner des lois et notre autonomie, ou non, pour que nous sachions dans quelle position le pays et le gouvernement seront l'un à l'égard de l'autre. Actuellement je ne sais pas ce qu'on choisira. Notre espoir de défense repose seulement sur l'armée de Transylvanie, et même celle-ci est bien faible. Notre pays n'a pas d'armes, n'a pas d'armée, car celle-ci s'est complètement démoralisée. Ecris-nous comment vont les événements là bas. Nous ici, nous nous battrons avec des paroles tant que nous pourrons. Il ne faut pourtant pas perdre espoir...

...Salutations affectueuses

N. Balcesco

Hyères, le 16 octobre 1851

Mon cher Ghica,

J'ai reçu deux lettres de toi, envoyées par Balaceanul. Je te remercie pour les dates que tu m'as fournies et les nouvelles que tu me donnes. Je regrette tes soupçons à mon égard à propos d'un refroidissement dans mon amitié pour toi ou d'un éloignement entre nous. Même si nous restions plus longtemps dans des camps différents, mais non ennemis, il ne saurait être question de cesser de nous aimer, aussi longtemps que nous nous estimerons. C'est toi qui as tort d'insister pour défendre une cause morte. Que peuvent faire les Turcs pour nous? Même s'ils voulaient, et ils ont prouvé le contraire, la réaction européenne leur liera les mains. Puis, la révolution n'en tiendra naturellement pas compte, mais en outre, elle pourra les mettre en danger, car sans doute le futur mouvement révolutionnaire sera plus sérieux et plus général et ne s'arrêtera pas au Danube. Si tu crois, par contre, à une future révolution, tu devrais mieux employer toutes les facultés dont t'a gratifié le bon Dieu pour préparer et mener à bien cette révolution. Lorsque moi aussi j'ai craint l'imminence d'une pareille révolution, j'estimai qu'il était bien de ne laisser aucun préparatif, ni aucune directive entre des mains incapables et c'est pour cela que je me suis, comme tu dis, lié avec de nouveaux amis. A présent la maladie m'a mis tout à fait hors de service et je me considère comme mort à toute «réactive». Dans ces condition, je crois que tu fais encore plus mal de te tenir en dehors, tu te perds sans aucun profit et tu laisses le sort de la nation en des mains qui peuvent la perdre de nouveau. Réfléchis sérieusement à cela et réponds-moi, Je t'ai invité à m'exposer tes idées et ce que tu espères des Turcs et uniquement des choses diplomatiques. Mon opinion et celle des autres n'est pas que nous nous mettions à nous battre avec les Turcs, mais que notre devoir est qu'à présent il nous faut préparer le pays à prendre part lui aussi au mouvement auquel on s'attend, sans nous soucier de l'opinion des Turcs à ce propos, et sans perdre notre temps à rester à genoux devant eux, en leur demandant vainement de nous faire l'aumône de nos droits.

Je t'ai prié de m'envoyer l'histoire de Cogălniceanu, qu'on t'a donnée pour me la faire parvenir. Je te prie encore une fois de me l'envoyer le plus vite possible. Je passerai tout l'hiver ici à Hyères; c'est une petite ville jolie et ornée par la nature, à deux heures de Toulon.

Si tu étais un homme comme il faut et comme je te veux, tu te précipiterais jusqu'ici et nous parlerions de beaucoup de choses qu'on ne peut pas dire par écrit.

Quoi qu'il en soit, crois que je t'aime et que je tiens à toi beaucoup plus qu'à bien d'autres.

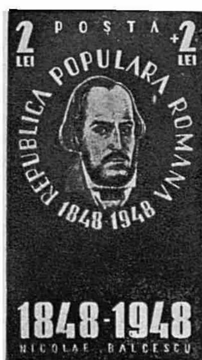
Beaucoup de compliments respectueux à Mme Ghica. Pourquoi ne veut-elle plus m'écrire?

A toi

N. Bălcesco

Le projet de Constitution contenu dans la Proclamations d'Islaz

1. Indépendance administrative et législative en vertu des traités de Mircea et Vlad V, et non-immixtion d'aucune puissance étrangère aux pouvoirs intérieurs.
2. Egalité des droits politiques.
3. Contributions générales.
4. Assemblée générale composée de représentants de toutes les couches de la société.
5. Prince Régnant responsable, élu pour cinq ans, et choisi dans toutes les couches de la société.
6. Diminution de la liste civile — suppression de tout moyen de corruption.
7. Responsabilité des ministres et de tous les fonctionnaires dans les postes qu'ils occupent.
8. Liberté absolue de l'impression.
9. Que toute récompense vienne de la Patrie par ses représentants et non du Prince Régnant.
10. Droit de chaque département de choisir ses dignitaires, droit qui procède du droit de tout le peuple de choisir son Prince Régnant.
11. Garde Nationale.
12. Emancipation des monastères soumis.
13. Emancipation des paysans corvéables qui deviendront propriétaires par dédommagement.
14. Affranchissement des tziganes par dédommagement.
15. Représentation du pays à Constantinople par des Roumains.
16. Instruction égale et complète pour tout Roumain des deux sexes.
17. Abolition de la hiérarchie des titres qui ne comportent pas de fonctions.
18. Abolition des peines corporelles dégradantes.
19. Abolition de la peine de mort, aussi bien en fait qu'en tant qu'expression.
20. Des établissements pénitentiaires, où les criminels se lavent de leurs péchés et d'où il sortent ammendés.
21. Emancipation des israélites et droits politiques pour tout compatriote d'une autre confession.
22. Convocation immédiate d'une assemblée générale extraordinaire constituante, élue pour représenter tous les intérêts ou métiers de la nation, laquelle assemblée aura l'obligation d'élaborer la Constitution du pays sur la base de ces vingt-et-un articles décrétés par le peuple roumain.

Timbru comemorativ
Марка столетия
Timbre commémoratif

Extraits de la presse roumaine de 1848

VIVE LA ROUMANIE LIBRE!

« LE NOUVEAU-NÉ ROUMAIN », Bucarest, No. 1, samedi, 12 juin 1848.

« Frères Roumains de toutes les classes! Voilà l'aurore de la liberté, voilà le jour heureux, le jour souhaité depuis longtemps, le jour attendu avec tant d'ardeur, le jour où vous vous êtes montrés dignes de vos ancêtres, dignes du nom de Roumain! Oui, la Roumanie chérie, qui depuis tant de siècles gémissait sous la servitude, a brisé ses chaînes honteuses et a montré au monde entier que dans les veines de ses enfants coule encore du sang roumain. Réjouissez-vous, frères : aucune goutte n'a été versée et nous avons obtenu le don céleste de la liberté pure et immaculée, comme un don divin sacré. Vive la Roumanie!...

... Vivent nos frères officiers, vive toute l'armée qui a déclaré à une seule voix qu'ils étaient frères de tous les Roumains et qu'aucun d'eux ne frappera un Roumain, un de ses frères, et que tous, ils étaient prêts à verser jusqu'à leur dernière goutte de sang pour leur Patrie! — Vivent les jeunes vaillants qui se sont battus avec tant de générosité, avec tant de sagesse, qui ont fourni la preuve que le patriotisme n'est pas un mot vain, que leurs coeurs sont des coeurs de Roumains! Vivent les apôtres de la liberté qui avaient été jetés en prison, d'où vous les avez libérés! Vivent! trois fois vivent... tous ceux qui ont contribué à l'obtention de la liberté: je ne dis plus leurs noms, car ils vivront éternellément dans les coeurs des Roumains, ils brillerons dans les annales de la Patrie. — Vive en un mot, toute la Nation Roumaine! — Toute la ville nage dans le joie et dans la gaîté, les cloches sonnent, la musique nationale déambule avec les étendards du pays dans toutes les rues et joue la marche nationale. Elle est suivie et précédée d'une foule innombrable de toutes les classes: en tous lieux on voyait les plus beaux attroupements — boyards, prêtres, soldats, commerçants, artisans, tous se bousculaient les uns les autres, tous criaient, riaient, pleuraient de joie. Il n'y eut pas un seul homme dans tout Bucarest qui n'ait pris part au bonheur national: et tous cela se passait dans la plus grande quiétude, dans la meilleure entente, pas le moindre trouble, ni la moindre déprédation n'eurent lieu: la propriété était sacrée à tous, et tous ont montré qu'ils étaient Roumains. Louange éternelle à la nation roumaine qui a accompli sa révolution avec tant de modération et dans une union et une fraternité sans exemple dans l'histoire des peuples.

Maintenant, frères Roumains, avec la même sagesse, avec le même patriotisme, dont vous avez fait preuve hier, le 11 juin, nous devons nous comporter ainsi dorénavant: il ne suffit pas d'avoir obtenu la liberté, il nout faut encore nous en montrer dignes, nous devons savoir conserver le don du ciel. Ce qu'il faut avant tout c'est l'organisation d'une garde nationale pour maintenir le calme el le bon ordre. — Tout Roumain versera avec joie jusqu'à sa dernière goutte de sang pour sa Patrie et aucune force humaine ne pourra nous ravir le don du ciel que nous avons acquis. Vive la Roumanie! Vive la Liberté! ».

A NOS FRERES DE MOLDAVIE

« LE NOUVEAU-NÉ ROUMAIN », Bucarest, No. 1, samedi, 12 juin 1848.

« Frères Roumains de Moldavie! L'heure de la liberté a sonné pour tout Roumain. Aujourd'hui 11 juin est la journée heureuse, pendant laquelle la liberté est entrée triomphante dans notre capitale. Seules la joie et la fraternité se trouvent parmi tous les habitants: les rues de Bucarest retentissent de cris de joie, l'étendard de la liberté flotte, grandiose, les cloches sonnent et leur voix d'airain annonce la nouvelle de la régénération de la nation roumaine par toute la cité qui, aujourd'hui mérite son nom, véritable ville de joie! Et l'obtention de ce don du ciel n'a pas coûté la moindre goutte de sang, tous se sont dressés comme un seul homme, tous se sont reconnus comme frères, comme fils d'une même mère. . . . Unissez-vous avec nous, frères d'en-deçà du Milcov, par dessus ses flots nous vous tendons les bras, dans le désir ardent de vous donner le baiser de la fraternité et de la liberté. Le Valaque et le Moldave sont tous Roumains, ils sont frères, une seule nation. Unissez-vous avec nous, chassez le tyran dont le nom restera une tache éternelle dans l'histoire du pays, hissez le drapeau de la liberté et obtenez vos droits sacrés. Donnons-nous la main comme des frères et aidons-nous les uns les autres. Unis nous serons forts, unis nous résisterons à n'importe quel ennemi de notre liberté. Vous, frères, vous avez fait le commencement, si, hélas! vous n'avez pu aboutir, ce n'est pas la votre faute...

... A vous restera la gloire d'avoir commencé, à nous la gloire d'avoir terminé. Tous vous embrassons fraternellement! Vive la liberté! Vive la Roumanie! ».

« L'ABEILLE ROUMAINE », Iassy, No. 75, 19 septembre 1848.

Après l'arrivée du nouveau commissaire impérial à Giurgiu, les troupes ottomanes sous le commandement de S. Exc. Omer Pacha ont reçu l'ordre d'avancer sur Bucarest, et le 13 septembre elles ont pris cette capitale après un combat acharné. La bataille s'est poursuivie jusque dans les rues, plusieurs barricades ont été demolies par l'artillerie et la caserne, dans laquelle s'était retranché l'armée roumaine, fut prise par les Turcs à l'assaut. Des deux côtés sont tombés beaucoup de morts et de blessés. Au moment du départ du courrier, l'agitation dure encore. On attend la description détaillée de cet important événement.

La poésie diffusée par la corporations des ouvriers typographes à l'occasion de l'assemblée du Champ de Filaret, le 15 Juin 1848

LE *11* JUIN *1848*

Quelle voix grandiose retentit?
Tu vois le peuple s'assembler
Par la liberté sacrée
Il se sent heureux
Et tous se serront dans les bras
Car tous sont devenus frères.

Comme avec sa voix d'airain
Frères, la cloche nous appelle
L'étendard de la Liberté
Aujourd'hui sera consacré,
L'union de la fraternité
Tous nous la proclamerons.

La censure est chassée
La presse obtient
La liberté souhaitée
Qui est sa vie
Grâce à elle seulement elle vit
Grâce à elle, elle progressera.

A partir de maintenant la liberté
A partir de maintenant la fraternité
Par toute la Roumanie
Eternellement régneront
La presse est libre
Elle les soutiendra.

LA LIBERTÉ DE LA ROUMANIE

(AU MINISTÈRE ACTUEL)

11 JUIN 1848

Le Nouveau-né Roumain, Nr. 1, 12 Juin 1848

Réveille-toi, ô Muse, qui chante la Liberté,
Divine Liberté d'où naissent l'Egalité,
La Fraternité et l'Union et l'Amour de la Patrie!

Assez, assez, ô Muse, en proie à la Léthargie!
Ta bouche fut close par peur de la tyrannie,
Et tu tremblas comme une feuille à sa voix de stentor.

Quoi! n'entends-tu pas que sonne la minute de la liberté,
La minute du bonheur, la minute de l'Egalité,
Que nous jamais, nous n'avons entendue?

N'entends-tu pas une Grande voix qui jusqu'aux nues s'élève?
C'est la voix de la liberté, c'est la voix de la vie!
C'est la voix de la Roumanie apportée sur les ailes du vent.

Ce sont nos frères, Muse, qui viennent embrasser
Leurs frères de sang, pour qu'ils puissent arborer
L'étendard de la liberté en cette terre glorieuse.

Lèves-toi, n'aie pas peur de faire résonner
Les cordes de ta lyre: Dis aux despotes,
Que pour eux l'heure du trépas a sonné,

Qu'a partir d'aujourd'hui la Roumanie rentre couronnée
Dans ses droits et est mise au nombre
Des Etats de l'Europe qui ont secoué leur joug;

Qu'aujourd'hui la Roumanie est libre, heureuse;
Qu'aujourd'hui elle recupère ses costumes antiques,
Qu'aujourd'hui elle sort du tombeau triomphant de la mort.

Qu'aujourd'hui tous les Roumains sont une Nation forte,
Qu'aujourd'hui ils donnent la main au Grand Peuple
Qu'aujourd'hui ils sont une seule conscience, une seule âme et une seule pensée.

Ah! chante, chante, Muse, la divine Liberté!
Que c'est doux, tellement doux! Oh! toutes les Nations
Embrassent avec amour son image divine.

Ah! chante, chante, Muse, le chant de la tyrannie
Que tu as prophétisé au siècle de l'esclavage,
Lorsque tu l'as terriblement flagellée au moment où tu étais encore vierge.

Oh! dis, toi, aux frères de toute la Roumanie
Que beaucoup peuvent l'amour, l'union et la fraternité
Qu'ils ébranlent, en une seconde un trône et son tyran

Ah! douce liberté! Pourquoi n'ai-je le pouvoir
Des hommes de génie, qui, seulement par leur regard
Glacent les despotes qui tiennent le peuple enchaîné,

Que je puisse sonner la trompette aujourd'hui — en ce très grand jour,
De souvenir éternel pendant les siècles à venir —
De divinations aussi parfaites et d'un fruit impérissable

Mais, quoi! Est-ce que le soupir et la larme pure,
Que sa voix fait sortir d'un cœur apaisé,
Ne sont pas un doux encens sur l'autel de l'amour?

Tu est bonne, toi, et tendre, comme ton père céleste
Qui seul dans le monde dit ces douces paroles
Dont aujourd'hui germe la vie de tous.

Accepte, veuille accepter, o douce liberté
En guise de remerciements, les hommages purs
De la part d'un peuple qui a beaucoup souffert!

Et sois toujours avec des ailes protectrices
A défendre la Roumanie, dont la mission
A été d'être parmi les États un État très heureux.

Le citoyen C. D. ARICESCO

ODE
A L'HEROÏNE ROUMAINE
ANA IPATESCO

„Le Nouveau-né Roumain" nr. 8, 6 Juillet 1848

Avez-vous vu une femme, le jour de la trahison
Le jour de la vengeance, lorsque chacun
Jure de tuer ceux qui vendaient la Patrie?
Avez-vous vu, dis-je, la femme au corps d'amazone,
Au bras d'airain, au cœur roumain,
A la figure enflammée, aux yeux étincelants,

Volant dans une voiture comme un boulet de canon?
Dans toutes les rues criant à tue-tête :
« Aux armes frères, aux armes ; car nous sommes trahis ! »
Et les mains armées se lèvent vers les cieux,
Comme si elles voulaient leur demander la demander la vie de la Roumanie,
Et sa gloire passée, et ses années heureuses?

C'est Elle ! C'est Ana, la Jeanne d'Arc de la Roumanie,
Qui seulement en paroles, à l'époque de l'esclavage,
A giflé le tyran en lui crachant au visage,
C'est ça, c'est une Roumaine, une brave Héroïne,
Qui défie le fer de la mort et court pleine de feu
En encourageant aux armes un monde épouvanté.

Habillée de noir, symbole de la tristesse,
Comme l'éclair parmi la foule elle vole impatiemment,
Tenant dans chaque main des armes à feu
Elle semble être l'archange de la vengeance éternelle,
Allant chatier Sodome en insurrection,
Et faire brûler sur place les désobeissants.

A se voix accourt la multitude électrisée,
Enfants, vieillards, tout homme, l'arme au poing,
Suivent le Heros porté sur leur épaules,
De bras herculéens la voiture entourée,
De cœurs vaillantes, la brave escortée,
Arrive, saute, vole et la voilà au palais.

Par les Apôtres de la Fraternité sur les mains elle est portée,
Derrière elle on entend un hurrah prolongé,
L'étonnement et le respect lui font tout de suite place.
Le courage réconforte des milliers de cœurs défaillants,
La bonté raffermit leurs bras faiblissants.
Une seule femme ranime le feu éteint !

Chez les chefs de la Liberté elle est portée en grand triomphe,
Le Gouvernement salue son action grandiose
Et lui baisant la main l'invite à s'asseoir.
Autour d'elle se reunissent tous les membres présents,
Et tous, et tous admirent ce sang vivifiant
Apparaissant sur son doux visage que brûle la flamme.

Mais Eliade à ses yeux ne se montre pas encore
«Que je voie Eliade s'écrie-t-elle inquiète,
Sa voie est chère au peuple trahi!»
Le poète se montre et elle l'embrasse.
Puis par le bras elle le conduit dehors pour que le revois
La foule troublée, le peuple épouvanté.

La courage mort renaît maintenant dans chacun
La foule s'amasse en nombre de plus en plus grand,
En criant: « Vivent ceux qui aiment la Patrie!»
Vive aussi ton nom, Roumaine Héroïne!
Cette journée parmi toutes, sera la plus sereine,
Et la plus glorieuse dans les années à venir.

C. ARICESCO

Communiqué officiel sur l'attentat contre le Prince Régnant G. D. Bibesco

Un acte épouvantable et sans exemple dans nos annales, même à l'époque des siècles de tyrannie, a été commis contre le meilleur des Princes. Sa Grandeur, notre Très Auguste Prince Régnant s'en revint hier soir d'une promenade chaussée Kiseleff vers les huit heures et demie, accompagné de Monsieur le Ministre de l'Intérieur Vilara. Comme il arrivait au bout de cette chaussée, vers la barrière, une fiacre avec trois personnes passa à côté de la voiture de Sa Grandeur, laquelle resta en arrière. Et chacun des hommes déchargea un pistolet droit dans la poitrine de Sa Grandeur. La providence toutefois, dans sa miséricorde pour nous, veille sur notre patrie, afin de conserver la vie précieuse de Sa Grandeur. Une balle seulement l'a frappé dans la partie supérieure de l'épaule gauche et est restée amortie dans l'épaulette.

Nous ne pouvons pas décrire suffisamment l'indignation publique que ce forfait a suscité dans l'âme de tous les habitants de la capitale et que chaque Roumain ressentira profondément dans son coeur.

Bucarest, le 19 juin, année 1843

Acte d'abdication du Prince Régnant de Valachie G. D. Bibesco, en date du 13 Juin 1848

Nous Gheorghe Dimitrie Bibesco, par la grâce de Dieu, Prince de tout le Pays Roumain

Au Conseil des Ministres,

Comme je sent que mes pouvoirs ne correspondent pas aux exigences des circonstances actuelles et pour que jamais la pensée me tourmente d'avoir mis en danger la destinée de la patrie, en gardant les rênes du gouvernement au-dessus de mes forces, je les confie à vos mains, et je rentre dans la vie privée avec cette satisfaction que donne une conscience pure.

Gheorghe Dimitrie Bibesco

Bucarest, 13 Juin 1848

Timbru comemorativ
Марка столетия
Timbre commémoratif

ACEST ALBUM
S'A TIPĂRIT ÎN
LUNA IUNIE 1948
ÎN ATELIERELE
« IMPRIMERIEI
NAŢIONALE »

MINISTERUL
ARTELOR ȘI INFORMAȚIILOR
BUCUREȘTI 1948

375.000